

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**Проблемы юриспруденции и педагогики
высшей школы
в работах молодых ученых**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
30 ноября 2022 г.**

Выпуск 3

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2023**

УДК 34
ББК 67.400
П 78

Печатается по решению
реакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

П 78 Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2022 г. Выпуск 3. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023. – 179 с.
ISBN 978-5-91776-469-6

Редколлегия:

Дизер О.А., заместитель начальника института (по научной работе), доктор юридических наук, доцент (председатель);

Меняйло Д.В., начальник кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Дергилева С.Ю., начальник адъюнктуры, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Катаева О.В., начальник кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент;

Сафронова Е.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор.

В сборник включены материалы, посвященные актуальным проблемам юриспруденции и педагогики высшей школы.

Предназначен для адъюнктов, курсантов, слушателей, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России.

УДК 34
ББК 67.400

ISBN 978-5-91776-469-6

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2023

Предмет хищений в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами

Аммалайнен В.А.,

адъюнкт

(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: в статье основное внимание уделяется анализу одного из элементов оперативно-розыскной характеристики хищений в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами – предмету преступного посягательства.

Ключевые слова: хищение, ЖКХ, многоквартирный дом, преступление, предмет, оперативно-розыскная характеристика.

The object of theft in the provision of services to run blocks of flats

Ammalainen V.A.,

adjunct

(Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article focuses on the analysis of one of the elements of the operational-investigative characteristics of theft in the provision of services to run blocks of flats – the subject of criminal encroachment.

Keywords: theft, housing and communal services, block of flats, crime, object, operational and investigative characteristics.

Большая часть преступлений, совершаемых в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами, согласно анализу статистической информации – это хищения. В примечании 1 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплено общее понятие хищения, под которым понимается «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [1].

За январь-октябрь 2022 года в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) зарегистрировано 1 597 преступлений. Против собственности – 1 227 преступлений, в том числе мошенничеств – 852, в сфере экономической деятельности – 30 преступлений (незаконное предпринимательство – 15, налоговые – 5). Расследовано в отчетном периоде – 1 358 преступлений.

Направлено в суд – 1 255 преступлений. Выявлено лиц, совершивших преступления, – 652¹. Данная сфера общественных отношений весьма обширна и сфера оказания услуг по управлению многоквартирными домами входит в нее.

Процесс оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами основан на знании сотрудниками оперативных подразделений специфики деятельности обслуживаемого объекта (линии работы), способов совершения и маскировки хищений в рассматриваемой сфере и методики их выявления. Поэтому оперативным сотрудникам необходимо знать основные элементы оперативно-розыскной характеристики (далее – ОРХ) хищений, совершаемых в рассматриваемой сфере общественных отношений.

На наш взгляд к ОРХ хищений в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами можно отнести следующие основные элементы:

- особенности личности преступника [2, с. 207–213];
- способ совершения хищения;
- предмет преступного посягательства;
- структуру и динамику хищений [3, с. 90–95];
- обстановку, место и время совершения преступления, и др.

Ранее мы рассматривали ряд элементов ОРХ, поэтому в данной статье мы сконцентрируем свое внимание на предмете преступного посягательства.

В свое время необходимость рассмотрения предмета длительное время научным сообществом ставилась под сомнение, в связи с чем в литературе ему уделялось незначительное внимание.

Правовая доктрина под предметом преступления понимает «вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые, преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Как правило, предмет преступления является материальным выражением объекта. Им признается все то, что доступно для восприятия, измерения, фиксации, а в некоторых случаях и оценки» [4].

Предметом хищений всегда является чужое имущество. Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к имуществу должны относиться вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). Однако право на имущество, наряду с имуществом, выступает предметом только одной формы хищения – мошенничества (ст.ст. 159–159.6 УК РФ). Чужое имущество во время совершения хищения должно находиться в чьей-либо собственности или ином законном владении.

Предметом хищений в рассматриваемой сфере общественных отношений в случае кражи будут являться материальные и нематериальные объекты (коммунальные ресурсы – газ, электроэнергия и т.д.). В случаях мошенничества, присвоении или растраты – денежные средства, которые находятся в обороте

¹ Согласно статистическим отчетам Главного информационно-аналитического центра МВД России формы «5-БЭП», утвержденной приказом МВД России от 28 февраля 2012 г. № 134 «О результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации».

в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами и в большинстве случаев поступают от собственников за платежи по коммунальным ресурсам и услугам.

Отличительной чертой присвоения и растраты является отношение лица к предмету хищения, так как право владения, пользования и распоряжения имуществом передается лицу на правомерных основаниях (например, на основании договора, доверенности и т.п.).

Особенностью ОРД в рассматриваемой сфере является то, что преобладающее большинство совершаемых преступлений носит характер законных операций, в связи с этим оперативные подразделения должны быть нацелены в первую очередь на выявление фактов отклонения от установленного порядка проведения операций, которые могут указывать на совершение преступления. Определение предмета влияет на последующую квалификацию содеянного и помогает разграничивать различные формы хищений друг от друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru>.

2. Аммалайнен В.А. Характеристика лиц, совершающих преступления при оказании услуг по управлению многоквартирными домами // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – № 3 (102). – С. 207–213.

3. Аммалайнен В.А. Современное состояние преступности, связанной с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 2 (61). – С. 90–95.

4. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – Москва: КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Астраханцев И.В.,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье на основании результатов обобщения теоретических источников по теме исследования и анализа содержания правовых источников различных исторических периодов сформулированы основные исторические этапы формирования представлений о транспортной безопасности, а также охарактеризовано их содержание в зависимости от объективных процессов, сопутствующих уровню развития государства и права на каждом из обозначенных периодов. Названы нормативные правовые акты, закреплявшие правовые предписания об организации перемещения людей, грузов, товаров и состоянии транспортных средств.

Ключевые слова: транспорт, транспортная безопасность, национальная безопасность, транспортные средства, обеспечение транспортной безопасности.

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF REPRESENTATIONS ABOUT TRANSPORT SECURITY IN RUSSIA

Astrakhansev I.V.,

adjunct

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: based on the results of the generalization of theoretical sources on the topic of research and analysis of the content of legal sources of various historical periods, the main historical stages of the formation of ideas about transport security are formulated, and their content is characterized depending on the objective processes accompanying the level of development of the state and law at each of the designated periods. The normative legal acts fixing legal regulations on the organization of movement of people, goods, goods and the condition of vehicles are named.

Keywords: transport, transport security, national security, vehicles, ensuring transport security.

Понятие «транспортная безопасность» образовано из самостоятельных понятий «транспорт» и «безопасность». Исторически понятие «транспорт» формировалось в условиях удовлетворения потребности перемещения товаров, грузов и доставки живой силы для решения торговых и военных задач. Всякие

военные походы (и оборонительного, и завоевательного характера) требовали перемещения на значительные расстояния войск и предметов, необходимых для их функционирования: оружия, обмундирования, пищи, предметов быта. В военных походах в Древнем мире использовали гужевую и вьючную тягловую силу: перемещение войск и их снабжение осуществляли на лошадях. Лошади и другие упряжные животные часто использовались и при доставке товаров к местам торговли, хотя грузы доставляли и путем сплава на плотках за счет естественного течения рек. В это время, несмотря на наличие фактических транспортных отношений, понятие «транспорт» еще не было сформировано, отсутствовали и представления о транспортной безопасности.

Со временем перемещение людей и грузов на дальние расстояния за счет кораблестроения и расширения технических способов дополнительной упряжи к лошадям и другим животным (созданием возов, телег, повозок) способствовало формированию понятия «транспорт».

В истории отечественного государства в XIV – начале XVII в. вопросы по созданию транспортных путей, приспособленных для перемещения людей, грузов, товаров и обеспечения их безопасности приобрели особую актуальность: складывалось единое централизованное государство, формировался единый внутригосударственный рынок.

При перемещении людей, грузов и товаров складывались правила их транспортировки и обеспечения безопасности – сначала обычаи делового оборота, а потом и правовые нормы. Так, в Судебник Ивана III 1497 г. была включена статья 30 «Указ о езде», которая устанавливала тарифы для пересылки почтовых грузов из столицы в другие города. Судебник Федора Иоанновича 1589 г. закрепил технические требования по содержанию дорог и меры наказания за несвоевременный ремонт дорог [1, с. 334].

Задачи транспортировки грузов определенного вида в Московском государстве решал, в частности, Ямской приказ [2, с. 143], который был организован в 1555 г. для доставки почты в виде государственной и частной переписки [3, с. 76]. Непосредственными полномочиями Ямского приказа были определены обеспечение сохранности доставляемых почтовых отправок, разработка маршрутов перемещения ямщиков, создание системы почтовой доставки. В XVII в. для перевозки почты и пассажиров по дорогам Московского царства были привлечены купцы [4, с. 36] и организована первая почтовая служба [5, с. 29].

Соборное уложение 1649 г. нормами главы IX «О мытах и о перевозке, и о мостах» фактически внесло важный вклад в развитие представлений об организации транспортного сообщения, закрепив свободу судоходства по рекам и введя запрет на строительство плотин и мельниц, затрудняющих проход лодок.

Создание новых видов транспорта и технических приспособлений для перемещения в пространстве людей, товаров и грузов в период Средневековья способствовало формированию в отечественной правовой системе представлений и правовых норм о транспорте и транспортной безопасности.

Стремительное техническое развитие в Российской империи (от активного кораблестроения и усложнения морской навигации в эпоху Петра I до внедрения в общественную жизнь железнодорожного транспорта, паровых двига-

тельных наземных и водных транспортных средств (автомобилей, пароходов, паромов) и летательных аппаратов (дирижаблей, экспериментальных самолетов)) обусловило рост внимания к проблемам транспорта и транспортной безопасности.

В 1703 г. официально начинается международная морская торговля [6, с. 20-21]: в заграничное плавание к берегам Голландии направилось русское торговое судно «Св. апостол Андрей Первозванный» [7, с. 266]. Международная транспортная коммуникация становится атрибутивной чертой развития Российской империи.

На осмысление проблем транспортной безопасности как предмета государственного внимания оказали влияние случаи террористических актов в отношении правящих монархов – Николая I, Александра II, Александра III, принятые в условиях транспортных перевозок [8, с. 303; 9, с. 95]. Транспорт стал объектом (местом) реализации радикальных взглядов и устремлений экстремистски настроенных представителей российского общества.

История Российской империи зафиксировала и факты большого количества человеческих жертв в случаях нарушения определенных требований безопасности на транспорте. Требования к организации и безопасности функционирования транспорта различных видов (сухопутного, водного, железнодорожного) различались, но общим было требование соблюдения правил, предотвращающих причинение вреда жизни и здоровью людей, многие из которых получили законодательное закрепление.

Стремительное технологическое развитие в XX–XXI вв. способствовало появлению новых видов транспорта, расширению сети транспортных путей и маршрутов. Глобализационные процессы обусловили рост интенсивности международных контактов [10, с. 8] и усложнение международной транспортной коммуникации.

Проблемы обеспечения транспортной безопасности перешли из задач внутригосударственного или локального характера в число задач международного сотрудничества. Вопросы, касающиеся обеспечения безопасности пассажиров при пользовании общественным транспортом, сохранности грузов, соблюдения прав и обеспечения гарантий грузоотправителей и грузополучателей в Российской Федерации и на международном уровне, обеспечение антитеррористической защищенности объектов транспорта и транспортной инфраструктуры, в XXI в. приобрели особую актуальность. Это оказало воздействие:

- на выработку системных подходов к пониманию и правовому оформлению прав, обязанностей, ответственности всех участников транспортных процессов;

- на определение требований, предъявляемых к транспортным средствам;

- на установление порядка контроля за соблюдением требований, обеспечивающих безопасность эксплуатации транспортных средств;

- на определение особенностей устройства и функционирования транспортной инфраструктуры и использования ее объектов на внутригосударственном и международном уровнях.

Таким образом, формирование представлений о транспортной безопасности происходило на различных этапах исторического развития отечественного государства. Исходя из содержания и степени осмысления транспортной безопасности на теоретическом и законодательном уровнях, можно выделить несколько этапов формирования представлений о транспортной безопасности в отечественной правовой мысли:

1) период ранней государственности (IX–XIV вв.): появление предпосылок для формирования представлений о транспортной безопасности;

2) период средневековой государственности (XIV – начало XVII в.): формирование базовых представлений о транспортной безопасности, обусловленное появлением новых видов транспорта и расширением транспортных путей;

3) период Российской империи (начало XVIII – начало XX в.): формирование представлений о транспортной безопасности, обусловленное угрозами, возникающими в процессе эксплуатации различных видов транспорта, и массовостью общественно опасных последствий нарушения требований безопасности эксплуатации транспортных средств и транспортных путей;

4) период современного государства (с 20-х годов XX в. до настоящего времени): формирование системных представлений о транспортной безопасности, обусловленное усложнением транспортных процессов, в том числе в мировом масштабе, формированием отдельной сферы правоотношений в сфере использования различных видов транспорта для перевозки пассажиров и доставки грузов.

Выделение основных исторических этапов формирования представлений о транспортной безопасности позволяет охарактеризовать сложность организационных и правовых процессов, протекающих в сфере использования различных видов транспорта. Выделение этих этапов может выступить общетеоретическим фундаментом для дальнейшего полномасштабного исследования транспортной безопасности в контексте национальной безопасности государства [11; 12] с учетом особенностей объективно складывающейся ситуации, наиболее актуальных задач и потребностей государства, определяющихся уровнем его научно-технологического развития и глобализационных процессов современного мира.

В современной России транспортная безопасность понимается как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства», а обеспечение транспортной безопасности – как «реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства», что находит свое закрепление в Федеральном законе от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Транспорт России. История правового регулирования: сборник транспортных уставов и кодексов: в 2 т. / автор-сост. А. Ю. Синенко. – Москва: Министерство транспорта Российской Федерации, ОАО «Страховое общество ЖАСО», 2008. Т. 1. – 445 с.
2. Нижник Н.С. История отечественного государства и права (IX–XVI вв.): Древняя и Средневековая Русь: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. – 272 с.
3. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. – Москва; Санкт-Петербургский университет МВД России: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 303 с.
4. Спиринов И.В. Автотранспортное право: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2006. – 295 с.
5. Нижник Н.С. Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве / Н.С. Нижник, А.С. Квитчук, И.А. Андреева, С.Ю. Чимаров, Б.В. Змерзлый. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 292 с.
6. Мушкет И.И., Нижник Н.С., Симонова Н.В. Таможенная служба Санкт-Петербурга. 1703–2003. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская таможня; Сатис, 2003. – 335 с.
7. Захаров В.Н. Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. – 2019. – С. 262–284.
8. Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону, 1996. – 573 с.
9. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
10. Nizhnik N.S., Baysun M.V., Aliev Ya.L., Astafichev P.A., Kvitchuk A.S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015.
11. Нижник Н.С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика / Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов: в 2 ч. Ч. 1: Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / отв. ред. В.В. Грохотова, Б.Н. Ковалев, Е.А. Макарова. – Великий Новгород, 2008. С. 69–88.
12. Нижник Н.С. Национальная безопасность как социюридический феномен / Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Военный институт внутренних войск МВД России, 2013. Ч. 1. С. 150–159.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Барсова Е.Р.;

Меняйло Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются тенденции, существующие в отечественной криминальной среде, выделенные на основе статистических данных как преступности в целом, так и ряда категорий преступлений в частности.

Ключевые слова: преступность современной России, состояние преступности, тенденции преступности.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIME IN MODERN RUSSIA

Barsova E.R.;

Menyailo D.V.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the trends existing in the domestic criminal environment, identified on the basis of statistical data on both crime in general and a number of categories of crimes in particular.

Keywords: crime in modern Russia, the state of crime, crime trends.

Преступность является социально-правовым феноменом, присущим для любого государства вне зависимости от степени его экономического, политического и социального развития. Тем не менее, состояние и развитие этого негативного феномена в разных государствах существенно различается, имеет особые специфические проявления.

С начала 2000-х годов по сегодняшний день произошло резкое снижение темпов зарегистрированной преступности в общемировом масштабе на 70%, которое вошло в историю под названием «великое снижение преступности» (great crime drop) [1, с. 27–33.]. Первоначально специалисты в области криминологии свидетельствовали о том, что благоприятная тенденция характерна только для США, однако несколькими годами позднее стало очевидным, что снижение активности преступных элементов является трендом всех стран земного шара [2].

Таким образом, на фоне указанных мировых тенденций особый интерес представляет криминологический анализ состояния преступности в Россий-

ской Федерации на современном этапе с целью дальнейшего сопоставления с мировыми трендами. Указанное исследование позволит выявить тенденцию развития преступности, а также проанализировать особую специфику преступности в нашей стране в современное время.

Итак, если обратиться с истории, то стоит уточнить, что ситуация в стране, существовавшая в 1990–2000-х, значительно повлияла на развитие преступности в стране. С одной стороны, данный исторический период характеризовался начальным этапом реформации государственной политики в направлении демократизации страны, увеличения социальных гарантий для граждан, с другой – ростом количества людей, находящихся за чертой бедности; отсутствием стабильности. Эти и иные негативные черты повлияли на общественную опасность преступлений, привели к активизации деятельности преступников, следовательно – к увеличению качественных показателей преступности [3].

В качестве примера необходимо привести состояние преступности в 1990 году по сравнению с 2000-м и 2005-м годами. Если в 1990 году было зарегистрировано 1,8 млн преступных деяний, то спустя 10 лет количество преступлений стало приравняться к 2,9 млн (данный количественный показатель увеличился в 1,5 раза). В 2005 году состояние преступности превысило базовый уровень в 2 раза (3,5 млн преступных деяний).

Согласно информации, представленной на сайте Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, 2006 год был пиковым для всего динамического ряда рассматриваемого периода (3,8 млн преступлений) [4]. Таким образом, определяющей тенденцией начала постсоветского периода был беспрецедентный рост количественных показателей преступности.

Негативные тенденции, связанные с ростом преступности в начале XX века, начали изменяться с 2007 по 2017 год, в течение которых состояние преступности снизилось на 1,4 млн преступлений (с 3,5 млн в 2007 году до 2,16 млн в 2016 году). Исключением из положительного тренда на снижение преступности стал лишь 2015 год, однако следующий 2016 год полностью его «компенсировал» [4].

Следовательно, именно в 2016–2017 году начала наблюдаться тенденция на стабилизацию состояния преступности.

В современное время состояние преступности стабильно, ежегодно отмечается незначительное падение количественных и качественных показателей преступности. Для более полного исследования данного вопроса обратимся к отчету МВД России о состоянии преступности за декабрь-январь 2021 года [5]. В частности, за период с января по декабрь 2021 года было официально зарегистрировано 2004,4 тыс. преступных деяний, что на 1,9% меньше, чем за аналогичный период 2020 года. Кроме того, снижение количества совершаемых преступлений выявлено в 58 субъектах нашей страны.

Деятельность правоохранительных органов в области предупреждения и пресечения преступных деяний также остается на высоком уровне – 93,2% всех деяний выявляется сотрудниками, 4,8% – на стадии приготовления и покушения. Всего за отчетный период 2021 года было выявлено 89,9 тыс. преступлений, что на 1,9% больше, чем в 2020 году.

Отмечается, что чаще всего было выявлено преступлений в городах и поселках городского типа (4 из 5 или 81%), чем в сельской местности, где было зарегистрировано 371,7 тыс. преступлений (–4,8% по сравнению с прошлым годом). Данная тенденция, по нашему мнению, связана соотношением количества населения, проживающего в городах и сельской местности.

Цена преступлений в денежном эквиваленте составила 834,5 млрд руб. (+62,7% по сравнению с 2020 годом), при этом анализу подверглись деяния по оконченным и приостановленным уголовным делам.

55,3% из числа всех преступлений в 2021 году составили хищения чужого имущества по следующим составам преступления:

- ст. 158 УК РФ «Кража» – 733,1 тыс. (–2,4%);
- ст. 159 УК РФ «Мошенничество» – 339,6 тыс. (+1,2%);
- ст. 161 УК РФ «Грабеж» – 31,5 тыс. (–18,1%);
- ст. 162 УК РФ «Разбой» – 4,4 тыс. (–16,0%).

Кроме того, исследование показало, что по сравнению с 2020 годом число квартирных краж стало меньше на 16,2%.

В продолжение темы об исторической изменчивости преступности отметим, что преступления, которые стабильно наращивают свои темпы – это преступления, совершенные с использованием цифровых технологий или в области компьютерной информации (их в 2021 году стало больше на 1,4%). В общем количестве всех деяний их удельный вес увеличился с 25,0% до 25,8% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года.

Кроме того, сегодня имеются сведения о состоянии преступности за январь-июль 2022 года [6], в течение которого было зарегистрировано 1167,1 тыс. преступных деяний, что на 1,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Всего на стадиях приготовления и покушения на преступления правоохранными органами было выявлено 58,8 тыс. преступлений (+8%), что свидетельствует о положительной тенденции предупреждения преступности.

Зафиксировано на 4,7% меньше фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 6,3% – изнасилований и покушений на изнасилование, на 12,9% – разбоев, на 5,2% – грабежей, на 4,3% – уголовно наказуемых хулиганств, на 0,9% – мошенничеств. Число угонов транспортных средств снизилось на 9%, краж – на 2,7%, в том числе квартирных – на 2,1%, краж автомобилей – на 28,4%.

Отметим, что согласно отчету за январь-июль 2022 года было установлено, что в результате преступлений погибло 12,6 тыс. человек (–9,3%); здоровью 19 тыс. человек причинен тяжкий вред (–2,6%). Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 539,2 млрд руб., что на 102,7% больше аналогичного показателя прошлого года. Из статистических данных мы можем сделать вывод о том, что в современное время преступления приобретают корыстный характер, основной целью преступников на сегодняшний день является извлечение прибыли их деяния, получение «легких денег», нежели убийство или причинение тяжкого вреда здоровью человеку.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 24,2 тыс. преступлений, что на 11,3% больше, чем за январь-июль 2021 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 19,8 тыс. преступлений (+17,2%), их удельный вес составил 82,0%. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилось на 5,5% и составило 9,4 тыс. преступлений. Следовательно, мы можем отметить негативную тенденцию увеличения количества совершаемых преступлений от лица иностранных граждан.

Таким образом, состояние преступности в Российской Федерации перешло из крайне тяжелого до стабильного в 2016–2017 году. Рост количественных и качественных показателей после распада СССР сменился на стабильное снижение количества зарегистрированных преступлений. Состояние преступности в 2021–2022 году характеризуется снижением общего количества преступных деяний, уменьшением количества особо тяжких преступлений, уменьшением количества погибших в результате совершения преступлений. Над общим количеством преступлений превалируют корыстные преступления, связанные с хищением имущества, чем и объясняется значительный денежный ущерб. Тем не менее, необходимо снижать уровень латентной преступности для более объективной оценки состояния преступности и осуществлять анализ детерминант преступлений с целью их эффективного предупреждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность: монография. – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017.

2. Великое снижение преступности – Открытая полиция: проект Комитета гражданских инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://open-police.ru/news/velikoe-snizhenie-prestupnosti/> (дата обращения: 05.12.2022).

3. Киреев М.П., Редкоус В.М., Урбан В.В. Борьба с преступностью: от обычая к закону // Вопросы истории. – 2021. – № 5-2. – С. 227–242.

4. Главный информационно-аналитический центр МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 06.12.2022).

5. Состояние преступности в России за декабрь-январь 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/МВД/Desktop/Sb_21_12.pdf (дата обращения: 06.12.2022).

6. Состояние преступности в России за январь-июль 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/31904956/> (дата обращения: 06.12.2022).

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ КРИПТОВАЛЮТНОЙ БИРЖИ BINANCE

Бачканов Х.А.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в настоящей статье анализируются методы и способы финансирования международных террористических организаций при помощи криптовалютной биржи Binance как способа перевода денежных средств участникам террористических организаций.

Ключевые слова: террористическая деятельность, финансирование терроризма, криптовалютная биржа Binance.

FINANCING OF TERRORIST ACTIVITIES THROUGH THE BINANCE CRYPTOCURRENCY EXCHANGE

Bachkanov Kh.A.,

adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article analyzes the methods and methods of financing international terrorist organizations using the Binance cryptocurrency exchange as a method of transferring funds to participants of terrorist organizations.

Keywords: terrorist activity, terrorist financing, Binance cryptocurrency exchange.

Международные террористические организации для осуществления своей преступной деятельности постоянно нуждаются в подпитке не только человеческими ресурсами, но и обязательно финансовыми.

В условиях глобализации и общей картины на мировом уровне способы финансирования участников международной террористической организации постоянно совершенствуются. Также огромную роль сыграло проведение Российской Федерацией специальной военной операции на территории Республики Украина.

Важную роль в пресечении каналов финансирования участников международной террористической организации сыграл Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций».

В пункте 3 данного Указа говорится, что с 1 марта 2022 года необходимо запретить зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях финансового рынка, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг [1].

С учетом складывающейся обстановки участники международной террористической организации все чаще стали использовать множество криптовалютных бирж в качестве инструмента и канала финансирования международных террористических организаций.

Растущее внедрение криптотехнологий и новых областей, таких как DeFi и NFT, привело к появлению множества бирж, призванных удовлетворить всплеск спроса. Криптовалютные биржи – это платформы, которые позволяют пользователям покупать, продавать и обменивать различные криптовалюты. Безусловно, крупнейшая криптовалютная биржа в мире в настоящее время – это Binance, основанная в 2017 году [4].

Binance – это крупнейшая биржа криптовалют, которая предлагает пользователям простой и удобный интерфейс с множеством функций. Также его электронное приложение устанавливается на мобильные телефоны, что дает огромное преимущество в сфере финансовых взаимоотношений.

Прежде чем приступить к самой проблеме финансирования терроризма, хотелось бы коротко объяснить принципы работы Binance.

Для регистрации аккаунта потребуется перейти на сайт Binance и в форме указать страну, адрес электронной почты и номер телефона. После этого необходимо пройти верификацию. Это обязательная процедура на Бинанс, без которой нельзя ни пополнить счет, ни торговать, ни пользоваться какими-либо вспомогательными услугами. После верификации необходимо пополнение счета пользователя.

Binance дает возможность внести на счет фиатные деньги (рубли, гривны и другие мировые валюты) и торговать ими наряду с цифровыми активами.

На текущий момент поддерживаются такие способы ввода рублей:

- Банковская карта Visa или Mastercard. Комиссия 3,3% от суммы.
- Платежные системы AdvCash или Payeer – без комиссии.

Внеся средства на счет, можно приступать к торговым операциям. Binance предлагает три основных вида трейдинга, но мы рассмотрим самый простой вариант торговли – представляет собой просто обмен активами с мгновенным расчетом.

Перейдите в раздел «Торговля» -> «P2P»:

а) выбирается вариант «купить/продать» вверху (установлен по умолчанию) и криптовалюту (BTC). Кроме того, чуть выберется фиатную валюту – на территории РФ рубли, так как по умолчанию стоит китайский юань;

б) просматриваются предложения от пользователей, учитывая лимиты сделок и способы, которыми принимается оплата. После этого выбирают подходящую заявку и нажимают «Купить BTC»;

в) в открывшемся окошке вводится сумма и снова нажимают «Купить BTC», чтобы открыть сделку;

г) рассматриваются реквизиты продавца и время, в течение которого нужно завершить платеж. Справа есть чат для связи с продавцом, если возникнут вопросы;

д) нажимается «Подтвердить». Тогда останется дождаться, пока продавец тоже подтвердит, что получил деньги.

Купленная криптовалюта моментально зачисляется на спотовый баланс покупателя, т.е. пользователя аккаунта.

В криптовалюте возможны вывод на внешний кошелек или же в фиате на карты и платежные системы в мировые валюты.

Рассмотрев указанные принципы и методы работы организации финансовых взаимоотношений Vinance, участники международных террористических организаций придумали способ, как использовать Vinance и организовать канал финансирования международной террористической организации.

Участник международной террористической организации «Исламское государство», находясь за пределами Российской Федерации, регистрируется в Vinance и переходит на платформу Российской Федерации. При покупке криптовалюты они копируют реквизиты продавца BTC и передают их участникам международной террористической организации «Исламское государство» за пределами Российской Федерации. После этого указанные лица отправляют реквизиты своим знакомым, родственникам и неустановленным участникам международной террористической организации, которые находятся уже на территории Российской Федерации, для оказания финансовой помощи.

После получения реквизитов указанные лица (знакомые, родственники или неустановленные участники международной террористической организации) переводят денежные средства по мере возможности на указанные реквизиты. После этого пользователь/продавец BTC подтверждает оплату и переводит BTC покупателю, который находится за пределами Российской Федерации. Таким образом, оплату производит третье лицо, которое не является пользователем Vinance. Покупатель сразу после получения BTC производит вывод на денежную валюту в той стране, в которой он находится.

Таким образом, для того чтобы пользователю Vinance самим того не осознавая не стать инструментом финансирования участников международной террористической организации и не стать пособником, необходимо воздерживаться от продажи BTC при оплате третьими лицами. Если же все-таки решили подтвердить продажу BTC, необходимо в чате связаться с покупателем и получить его полные данные и полные анкетные данные того, кто будет оплачивать BTC.

Следует отметить, что Vinance никогда не находилась под давлением регуляторов, так как переносила основные операции из страны в страну, избегая взаимодействия с властями и центральными банками. Пока площадка практикует саморегулирование, сотрудничая по своему усмотрению с компаниями, занимающимися KYC и управлением рисками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Официальный сайт Binance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://info-binance.com/binance-registration> (дата обращения 10.01.2023).

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ
ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ, НАЛАГАЕМЫХ
НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: НА ПРИМЕРЕ
АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Беляева Е.Г.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье на основании проведенного анализа дисциплинарной практики советского периода милиции Белгородской области изучены архивные материалы, содержащие информацию о применяемых к сотрудникам органов внутренних дел дисциплинарных взысканий.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, дисциплинарная ответственность, сотрудник органов внутренних дел, дисциплинарный проступок, дисциплинарное преследование, дисциплинарное дело, служебная проверка.

**RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CERTAIN TYPES
OF DISCIPLINARY PENALTIES IMPOSED ON EMPLOYEES
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: ON THE EXAMPLE
OF ARCHIVAL MATERIALS OF THE BELGOROD REGION**

Belyaeva E.G.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in this article, based on the analysis of the disciplinary practice of the Soviet period of the police of the Belgorod region, archival materials containing information on disciplinary penalties applied to employees of the internal affairs bodies are studied.

Keywords: disciplinary proceedings, disciplinary responsibility, an employee of the internal affairs bodies, disciplinary misconduct, disciplinary prosecution, disciplinary case, internal audit.

Вопросы наложения на сотрудников органов внутренних дел дисциплинарных взысканий, а также эффективность, справедливость и соразмерность совершенному дисциплинарному проступку являются предметом исследования многих ученых, изучающих вопросы государственной службы.

Совершенно очевидно, что, решая задачи сегодняшнего дня, важным является изучение и анализ уже пройденного исторического пути [1]. В целях недопу-

щения ошибок, а также дальнейшего развития института дисциплинарной ответственности необходимо изучать эволюцию дисциплинарной практики, правового регулирования, понимать, с чего все начиналось, какие предыдущими поколениями принимались меры и какие были допущены ошибки [2, с. 15].

Полученные знания позволили автору констатировать, что дисциплинарная ответственность развивалась динамично, поэтапно совершенствовалось нормативно-правовое регулирование процедуры привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности, и что самое важное, – поступательно решались задачи по эффективности применения видов взысканий и повышению социальной защищенности личного состава.

В рамках настоящей статьи автор представит ретроспективный анализ отдельных видов дисциплинарных взысканий, налагаемых на сотрудников органов внутренних дел на примере архивных материалов Белгородской области. Интерес представляет не только ознакомление с историей становления дисциплинарной практики белгородской милиции, но и наглядность эволюции развития института дисциплинарной ответственности.

Рассмотрим несколько архивных дел о должностных преступлениях, дисциплинарных проступках и назначенных за них взысканиях на сотрудников белгородской милиции, хранящихся в Государственном архиве Белгородской области.

1 архивное дело: «М., работая старшим оперуполномоченным Белгородского РОМ УВД, в ночь на 10 февраля 1957 года совместно с заведующим магазина Пушкарского сельпо Ж., воспользовавшись ограблением магазина группой преступников, похитил из сельмага № 1 материальные ценности и перенес их на квартиру к гражданке Б., проживающей в селе Стрелецкое, позже перевез украденные товары к себе домой.

М. имеет взыскания: выговор с занесением в учетную карточку «За нарушение социалистической законности, превышение власти и систематическое пьянство в рабочее время» от 15 августа 1955 года, строгий выговор с занесением в учетную карточку «За нарушение служебной дисциплины и пьянство в рабочее время» от 25 мая 1957 года.

За хищение государственного имущества М. исключить из рядов советской милиции и членов КПСС» [4].

2 архивное дело: «За неоднократное пьянство, препятствие движению автомобилей товарищ П. правами начальника РОМ арестован на 5 суток» [5].

3 архивное дело: «За нарушение дисциплины, выразившееся в том, что товарищ К. напился пьяным, поднял скандал на улице, правами начальника РОМ он был арестован на 5 суток» [6].

4 архивное дело: «Товарищу З. на территории села Красное был выделен земельный участок для строительства индивидуального дома. Однако товарищ З. строить дом не стала и вместо того, чтобы земельный участок передать обратно колхозу, решила продать его. В начале июня 1962 года З. через посредство гражданки Ж. нашла покупателя в лице Ж., проживающего в городе Белгороде, и продала ему земельный участок с начатым строительством фундамента. По данному факту была проведена проверка, которая подтвердила вышеизло-

женные факты. В своем объяснении З. призналась в продаже земельного участка и получении за него 500 рублей.

За незаконные действия, вызвавшиеся в продаже земельного участка, товарища З. исключить из рядов советской милиции и членов КПСС» [7].

5 архивное дело: «К сожалению, встречаются в нашем коллективе такие сотрудники, которые грубо нарушают законы коммунистической морали, плохо ведут себя в быту и среди товарищей, нарушают служебную дисциплину, злоупотребляют спиртными напитками и подрывают авторитет работников советской милиции. К таким товарищам относятся: участковые уполномоченные И., К. и милиционеры П. и К.

Товарищ И. плохо исполняет служебные обязанности, совершенно не ведет борьбы с расхитителями социалистической собственности, самогоноварением и хулиганством, а 31 ноября 1954 года напился пьяным до такого состояния, что не мог держаться на ногах, в результате неорганизованной службы и пьянки в этот вечер допустил на обслуживаемом участке кражу личного имущества.

Товарищ К. также не отличился в службе. Он решил отпраздновать Михайлов день и отметить день рождения, устроил пьянство, во время чего из присвоенного оружия салютовал. Этот поступок стал достоянием обсуждения на сессии Районного совета.

Милиционеры П. и К. проявляют недисциплинированность и допускают распушенность. Они без всяких причин допускают невыходы на пост в Мачурину Рошу.

Указанные факты свидетельствуют о том, что эти товарищи недопонимают значение дисциплины, без значительного укрепления которой нельзя поднять уровень всей работы милиции, нельзя выполнить возложенные Советским Правительством задачи.

По вышеизложенным фактам И., К., П. и К. предупредить» [8].

6 архивное дело: «Слушали товарища З., которая доложила о недостойном поведении товарища С., который 13 декабря 1955 года в нетрезвом виде зашел в санчасть УМВД, где нагрубил врачу, изливая недовольство о плохом лечении. Товарищ С. пояснил, что 13 декабря 1955 года сменился с дежурства, был переутомлен, перед завтраком выпил 100 грамм водки и пошел в санчасть, где обратился к врачу по своей болезни, но он не оказал ему помощи.

Товарищ Г.: поведение С., то есть появление его в нетрезвом виде в санчасти – это проступок нехороший. В этот день я дежурил и по распоряжению начальника РОМ, товарища К. ходил в санчасть, где С. сидел в ожидалке, на мой вопрос к нему, почему он тут, С. ответил, что ему врач не оказал должной медпомощи по его болезни. После непродолжительной беседы с С. мы оба ушли из санчасти, он пошел в управление милиции, пьян он был или переутомлен, определить я не мог.

Товарищ К.: Поведение С. в общественном месте в нетрезвом виде – это в наших органах чрезвычайное происшествие. Я предлагаю С. объявить выговор без занесения в личное дело.

Товарищ З. сказала, что пассивное отношение коммунистов в части проступка товарища С. тревожно, выпивки за товарищем С. не единичны. Я считаю, что проступок С. требует серьезного наказания и поддерживаю предложение товарища К.

Товарищ О.: Учитывая, что С. был утомлен после дежурства, ранее нигде не обсуждался за пьянку, кроме того, свой поступок признал, я считаю, что надо товарища С. предупредить.

По вышеизложенному факту С. предупредить, в случае повторения он строго будет наказан» [9].

7 архивное дело: «Старшего милиционера 2 района И. арестовываю на 5 суток с исполнением служебных обязанностей за небрежное и халатное отношение к исполнению служебных обязанностей и несдачи денег по назначению в УФ, а бывшему сотруднику милиции Жуковскому» [10].

8 архивное дело: «30 июля 1923 года начальник Милиции Корочанского Уезда С., принимая во внимание, что старший милиционер конного резерва товарищ К. от наказания, наложенного по приказу № 208 п. 2 от 27 июля 1923 года – 3-х суточного ареста уклонился, а посему старшего милиционера конного резерва товарища К. арестовать на 5 суток с содержанием в Ардоме без исполнения служебных обязанностей» [11].

Приведенные примеры применяемых к сотрудникам милиции дисциплинарных взысканий ярко показывают, с одной стороны, излишнюю «мягкость» принятых решений, с другой – «неразвитость» института дисциплинарной ответственности. Это вопросы квалификации, процедуры наложения взысканий, соразмерности и достаточности и, главное, законности и превентивности. Служебные проверки, как правило, не проводились. Решения руководителей фиксировались на рапортах. В редких случаях опрашивались «свидетели». Кроме того, не давалась правовая оценка за совершение хищений, материалы в следственные органы для принятия решений в установленном законом порядке не направлялись.

В реалиях сегодняшнего дня принятые решения имели совершенно иной характер, вплоть до увольнения со службы в органах внутренних дел за совершение проступка, порочащего честь сотрудника.

В то же время, современное законодательство в рамках дисциплинарного производства не содержит такой вид дисциплинарного взыскания, как арест сотрудников, что в советское и более раннее время имело распространенный характер (20% от общего числа наложенных взысканий) [12].

В завершение подчеркнем, что знание истории развития и становления института дисциплинарной ответственности органов внутренних дел является не только интересным, но и полезным как для современных исследователей, так и для сотрудников практических подразделений. Важно, основываясь на современных трендах развития государственной службы, не допускать ошибок и продолжать поиски новых более эффективных профилактических дисциплинарных мер, а также в целом развивать нормативно-правовое регулирование института дисциплинарной ответственности, повышение социальной защиты личного состава.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Климкина Е.В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 133 с.
2. Добробаба М.Б. Административное усмотрение при привлечении государственных служащих к дисциплинарной ответственности // Очерки новейшей камералистики. – 2007. – № 1. – С. 15–18.
3. Дизер О.А. Административно-правовая защита общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2019. – 475 с.
4. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 9. Л. 48.
5. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 6. Л. 24–29.
6. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 11. Л. 25.
7. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 13. Л. 75–78.
8. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 5. Л. 2.
9. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 6. Л. 25.
10. Государственный архив Белгородской области Ф. 1285. Р-412. Оп. 1. Д. 139. Л. 8.
11. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1285. Р-412. Оп. 1. Д. 139. Л. 20.
12. Государственный архив новейшей истории Белгородской области Ф. 1282. О. 1.Ед. Хр. 6. Л. 24–29.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА СТИМУЛИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД

**Боровенский А.А.;
Першин А.Ю.**

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в рамках настоящей статьи рассматриваются основные особенности влияния мотивации сотрудников полиции на уровень их физической подготовленности, а также основные методики, направленные на стимулирование их мотивации. Огромную роль играет мотивационная сфера, в связи с чем необходимо поддерживать должный уровень мотивации сотрудников.

Ключевые слова: мотивация, физическая подготовка, морально-психологические качества, морально-волевые качества, методика проведения занятий, спорт.

MODERN METHODS OF CONDUCTING PHYSICAL TRAINING CLASSES AIMED AT STIMULATING THE MOTIVATION OF ATS EMPLOYEES

**Borovensky A.A.;
Pershin A.Yu.**

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: within the framework of this article, the main features of the influence of motivation of police officers on their level of physical fitness are considered, as well as the main methods aimed at stimulating their motivation. The motivational sphere plays a huge role, and therefore it is necessary to maintain the proper level of motivation of employees.

Keywords: motivation, physical training, moral and psychological qualities, moral and volitional qualities, methods of conducting classes, sports.

Физическая подготовка представляет собой один из наиболее важных компонентов служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел. Специфика выполняемых на службе в полиции задач требует высокого уровня физического развития сотрудников, в связи с чем роль физической подготовки в их профессиональной деятельности трудно переоценить.

На сегодняшний день физическая подготовка в органах внутренних дел регламентируется приказом МВД России от 1 июля 2017 года № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации», который определяет ее цели, за-

дачи, а также иные важные аспекты [1]. В соответствии с данным ведомственным правовым актом физическая подготовка осуществляется во всех подразделениях МВД России, однако наибольшее внимание ей уделяется в образовательных учреждениях системы МВД России. Кроме того, значительное влияние на подготовку сотрудников влияет и Федеральный закон «О полиции», заключающий в себе базовые постулаты службы в органах внутренних дел [2].

В рамках осуществления занятий по физической подготовке сотрудники полиции осваивают ряд различных физических навыков и упражнений как общего, так и прикладного характера. Для более качественного физического развития кадров занятия по физической подготовке осуществляются в соответствии с определенными методиками, некоторые из которых направлены на поддержание мотивационного состояния сотрудников. Представляется, что мотивационная составляющая является одним из основных компонентов учебно-спортивной деятельности человека. Это связано с тем, что эффективность тренировочного процесса значительно изменяется при должном уровне мотивации тренирующегося [3].

Мотивация является не только стержневой характеристикой личности, вместе с тем она оказывает влияние на характер процессов, протекающих в организме в ходе деятельности. Мотивация способствует стабильности психического состояния сотрудника, что напрямую сказывается на его тренировочной и профессиональной деятельности. Недооценка роли мотивации часто приводит к проблемам в учебно-тренировочной деятельности.

Для того чтобы сотрудники полиции в полной мере могли проявлять свои физические способности в рамках осуществления служебной деятельности, необходимо поддерживать должный уровень их мотивации на занятиях по физической подготовке. Проблема недостаточной мотивации встает перед сотрудниками органов внутренних дел. Это связано с различными факторами, например, спецификой служебной деятельности, большой загруженностью, работой со своеобразным контингентом людей и т.д.

Так, стимулирование мотивационного состояния сотрудника играет важную роль, в связи с чем обуславливается необходимость применения методик, направленных на это. Одной из таких методик является новая система, направленная на контроль оценки знаний, которая именуется методикой рейтингового контроля.

Методика рейтингового контроля в основном применяется в высших образовательных и специальных учебных заведениях. Настоящая методика предполагает наличие так называемой «накопленной отметки», которая отражает уровень успеваемости обучающегося. Посредством данной системы представляется возможность объективного оценивания знаний, навыков и умений человека, что развивает интерес обучающегося к той или иной дисциплине.

Таким образом, методика рейтингового оценивания знаний позволяет сформировать условия, необходимые для стимулирования мотивации обучающегося [4, с. 110–112]. Настоящая система направлена на усиление элементов конкуренции, в связи с чем обучающиеся стараются проявить большую активность в учебной деятельности. При этом важно понимать, что такая методика может применяться не только в учебных заведениях, но и в рамках тренировочного процесса по физической подготовке уже действующих сотрудников полиции. Присутствие

элемента конкуренции усиливает мотивационное состояние сотрудников, что позволяет им более качественно заниматься физической подготовкой.

Помимо вышеприведенной методики, в последнее время стремительно набирает популярность методика многофункционального тренинга по методу кругового повторения, именуемая кроссфитом. В науке высказываются мнения о том, что данная методика повышает уровень мотивационного состояния тренирующегося на фоне воспитания внутренней мотивации и формирования личностного интереса к тренировочным занятиям по физической подготовке. Суть данной методики заключается в том, чтобы вызвать наиболее широкую адаптационную реакцию организма человека, что обеспечивает равномерное физическое развитие. Посредством данной методики можно включать в круговую тренировку самые различные упражнения из разных видов спорта. При этом гармоничность физического развития человека оценивается по развитию им основных физических качеств.

К числу методик, формирующих мотивационную составляющую сотрудников органов внутренних дел, также стоит отнести методику по пропаганде физической подготовки и спорта. Данная методика заключается в осуществлении различных спортивных праздников и соревновательных мероприятий, которые направлены на стимулирование мотивации сотрудников органов внутренних дел посредством конкуренции в выполнении различных физических заданий. Несмотря на то, что данная методика проведения занятий по физической подготовке не является новой, она продолжает сохранять свою актуальность в течение продолжительного времени. В связи с этим данная методика продолжает применяться в органах внутренних дел и на сегодняшний день.

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить, что огромную роль в формировании физических качеств сотрудника органов внутренних дел играет сохранение им мотивации на занятиях по физической подготовке. Существует ряд методик проведения занятий по физической подготовке, направленных на стимулирование мотивационного состояния сотрудников органов внутренних дел, некоторые из них были рассмотрены нами в рамках настоящей работы. Их применение обуславливается необходимостью формирования должного уровня физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 58. – Ст. 44.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 42. – Ст. 424.

3. Андреев Е.Э. Эффективные формы и методики проведения занятий по физической подготовке // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 2. – С. 136–141.

4. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – Москва: Мысль, 1976. – 158 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИДЕРСТВА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Годовникова Л.В.,

кандидат педагогических наук, доцент;

Божина А.В.

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: работа посвящена особенностям проявления лидерства в подростковом возрасте. Раскрываются различные аспекты подросткового поведения и проявления лидерских качеств. Подростки с сильным характером, темпераментом, с высоким уровнем мотивации к успеху будут демонстрировать более высокие лидерские способности, чем подростки, которые готовы подражать, соглашаться с общим мнением и принимать позицию большинства.

Ключевые слова: лидер, проявление лидерства в подростковом возрасте, мотивация, зрелость, личность, межличностные отношения, поведение, индивидуализация.

FEATURES OF LEADERSHIP IN ADOLESCENCE

Godovnikova L.V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

Bozhinova A.V.

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the paper is devoted to the peculiarities of leadership in adolescence. Various aspects of adolescent behavior and manifestations of leadership qualities are revealed. Teenagers with a strong character, temperament, and a high level of motivation for success will demonstrate greater leadership abilities than teenagers who are ready to imitate, agree with the general opinion and accept the position of the majority.

Keywords: leader, manifestation of leadership in adolescence, motivation, maturity, personality, interpersonal relationships, behavior, individualization.

Динамичные культурные и социально-экономические процессы, стремительно развивающиеся в современном обществе, оказывают существенное влияние на требования, предъявляемые к личности, которая, в свою очередь, должна быть творческой, саморазвивающейся и самосовершенствующейся. Молодому обществу нужны люди, способные по-новому взглянуть на решение насущных проблем.

В результате этого важную роль приобретает проблема развития лидерского потенциала у подростков, поскольку именно в этом возрасте закладываются и формируются основы лидерского потенциала, который впоследствии раскрывается во взрослой жизни, а также условия становления лидерских качеств подростков и сфера проявления подростковой личности в различных социальных группах [2].

Проблема становления личности подростка рассматривалась в исследованиях Э.Ш. Камалдиновой, Р.А. Литвак, Э.С. Соколовой и др.

Влияние социальной среды на развитие личности подростка раскрыто в трудах В.Г. Бочаровой, А.В. Мудрика, А.Я. Найна, В.Д. Семенова и др.

Большой интерес представляют работы, посвященные различным аспектам лидерства. Теории и практике выявления лидеров и реализации ими организаторских и лидерских функций посвящены работы А.Н. Лутошкина, В.В. Петровского, Л.И. Уманского.

Мы предположили, что подростки по-разному могут проявлять свои лидерские способности. Существуют различные точки зрения на лидерство, например, со стороны соответствия и несоответствия моральным нормам, в зависимости от половозрастных критериев и так далее [3]. Существуют особенности проявления лидерства у подростков с разным уровнем мотивации к успеху, а именно: у подростков с высоким уровнем мотивации лидерские качества будут выражены выше по сравнению с подростками с низким уровнем мотивации.

Для исследования данного феномена использован тест-опросник Т. Элерса «Измерение мотивации к успеху» у испытуемых.

Полученные результаты показали, что 30,48% обучающихся имеют низкий показатель мотивации к успеху, 38,48% – средний показатель мотивации к успеху и 24,13% – слишком высокий показатель мотивации к успеху. У 6,91% человек умеренно высокий.

Рисунок 1. Распределение подростков в соответствии с уровнем мотивации

Подростковый возраст относится к числу критических периодов жизни детей, связанных с кардинальными преобразованиями в сфере сознания, деятельности и системы взаимоотношений. Этот этап характеризуется бурным и во многом противоречивым развитием. Изменение социальной ситуации развития подростков связано с их активным стремлением приобщиться к миру взрослых, ориентацией поведения на нормы и ценности этого мира [1].

Лидер занимает вершину статусно-ролевой иерархии в подростковой среде, он может влиять на других членов группы. Лидер определяет «тон» и атмосферу коллектива.

У подростков наиболее сильно проявляются чувства коллективизма, товарищества. Они быстро усваивают моральные нормы и правила поведения, принятые в коллективе сверстников, большую роль в их жизни играет общественное мнение товарищей [4]. Кроме того, подростковый возраст характеризуется обострением требования и ожидания, которые предъявляются у школьников. Поэтому лидерские качества и поступки являются оценочным критерием для других.

В ситуации отсутствия условий для индивидуализации и позитивной реализации своих возможностей самоутверждение подростка может принимать некорректные, аморальные формы. В данном случае школьному психологу важно вовремя обратить внимание на данного подростка и проработать проблемные аспекты.

Проявление лидерства в подростковом возрасте в большей степени связано с тягой школьников к общению. Подростки считают, если «у человека много друзей, значит, он так хорош, что следует на него равняться для того, чтобы тоже приобрести много друзей».

Необходимо обратить внимание на общение и коммуникативные черты мальчиков и девочек. Для мальчиков, в первую очередь, в процессе общения важно чувствовать азарт и стремиться показать себя с лучшей стороны. Межличностное взаимодействие и общение появляется у мальчиков уже в процессе совместной деятельности, поэтому у них складываются большие группы. У девочек же все происходит наоборот: они вступают в контакт с теми, кто вызывает у них симпатию, содержание совместной деятельности для них сравнительно второстепенно [5].

Важным аспектом лидерства в подростковой группе является успешность при решении возрастных половых задач. В коллективе подростков лидерами становятся наиболее быстро созревающие физически и умеющие себя реализовать и приспособить в «новой» своей форме подростки. Можно отметить что «первые созревшие» обычно становятся замкнутыми и необщительными, так как не могут чувствовать себя уютно в группе еще не выросших людей. Лидеры «рождаются» своевременно подрастающими [3].

Отмечая аспекты развития лидерства в подростковом возрасте, необходимо отметить ряд факторов. Существенное влияние на становление лидера оказывают особенности социальной ситуации развития, характеристики жизненного плана, темперамент [4].

Подводя итог, можно сделать вывод, что подростковый возраст занимает особое место в психологии. Это связано с тем, что в подростковый период происходит становление и бурное развитие личности. Для подростка быть лидером – это в первую очередь иметь возможность широкого общения, а также быть в центре внимания. Важно отметить то, что лидеры в подростковых группах имеют свои индивидуальные, специфические черты и свойства, присущие только данной возрастной группе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глод Н.В., Гадилия А.М. Социально-психологические установки подростков в структуре детско-родительских отношений // Психология обучения. 2013. – № 8. – С. 96–106.
2. Дубровина И.В., Данилова Е.Е. Психология: учебник для студентов средних педагогических учебных заведений. – Москва: Академия, 2004. – 464 с.
3. Ерастова А.В., Черкасова О.В. Лидерство: учебное пособие. – Москва: Педагогика-Пресс, 2015. – 135 с.
4. Столяренко Л.Д. Основы психологии: учебник. – Москва: Феникс, 2001. – 311 с.
5. Пономарев А.В., Ланцев А.О., Кырчиков М.С. Лидерство в подростковой среде. – Москва: Мин. науки и высшего образования Российской Федерации, 2020. – 216 с.

МЕССЕНДЖЕР-МАРКЕТИНГ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ

Зинченко Д.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: наркопреступность охватила весь земной шар, в нее вовлечено огромное количество лиц, в том числе несовершеннолетнего возраста. Криминализация информационного пространства способствует появлению новых схем, форм и методов совершения преступлений, в том числе в сфере незаконного оборота наркотиков. В статье рассмотрены инновации распространения посредством информационно-коммуникационных технологий, в частности с помощью социальных сетей, запрещенной рекламной продукции в сфере незаконного оборота наркотиков, результатом которой выступает вовлечение в преступную деятельность новой аудитории, состоящей в большей мере из наиболее уязвимых групп населения, в том числе подростков.

Ключевые слова: наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, информационно-коммуникационные технологии, мессенджер-маркетинг, запрещенная реклама, несовершеннолетние, подростки.

MESSENGER MARKETING AS AN INNOVATIVE METHOD OF INVOLVING MINORS INTO ILLEGAL DRUG TRAFFIC

Zinchenko D.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: drug crime has swept the entire globe, it involves a huge number of people, including minors. The criminalization of the information space contributes to the emergence of new schemes, forms and methods of committing crimes, including in the field of drug trafficking. The article considers innovations in the dissemination through information and communication technologies, in particular through social networks, of prohibited advertising products in the field of drug trafficking, which results in the involvement of a new audience in criminal activities, consisting mostly of the most vulnerable groups of the population, including teenagers.

Keywords: drug crime, drug trafficking, information and communication technologies, messenger marketing, prohibited advertising, minors, teenagers.

Незаконный оборот наркотиков является одним из самых прибыльных видов деятельности организованных преступных групп. Наркопреступность создает угрозу для политического и социально-экономического развития стран во всем мире, подрывает безопасность и стабильность деятельности всех сфер общества, а также стимулирует другие факторы преступной деятельности, такие как насилие и коррупция. Кроме того, на сегодняшний день происходит активный процесс распространения наркотиков среди подростков. По данным социологического опроса, доля лиц, потреблявших когда-либо наркотики в возрасте 15–16 лет, составляет 25% [4]. Пользуясь этими факторами, а также особенностями развития и жизнедеятельности несовершеннолетних, наркопреступники пытаются максимально вовлечь их в противоправную деятельность.

Становление несовершеннолетних связано с психофизическими и психологическими особенностями, такими как противоречивость психики; неустойчивость жизненной позиции, которая обусловлена отсутствием у несовершеннолетнего необходимого жизненного опыта; нервно-психические патологии; неадекватное восприятие складывающейся вокруг подростка ситуации. Также лица подросткового возраста, по сравнению со взрослыми, быстрее впадают в стрессовое состояние, в состояние опьянения, которые оказывают воздействие на их мысли и поведение. Вышеуказанные особенности способствуют практически беспрепятственному вовлечению несовершеннолетних в противоправные действия, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Кроме того, малоразвитая система трудоустройства молодежи, а также отсутствие необходимого комплекса для досуга и отдыха ставят перед подростками вопрос заработка денежных средств. И этим вновь активно начинают пользоваться злоумышленники, предлагая несовершеннолетним доход в виде так называемых «легких денег».

На протяжении последних десятилетий преступники использовали различные схемы и способы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков. Сегодня, в эпоху глобализации и цифровизации, преступная деятельность модернизируется, происходит активное использование злоумышленниками всех достижений науки и техники. Одним из таких достижений выступают информационно-коммуникационные технологии, в частности «мессенджеры».

На сегодняшний день мессенджеры – это самый эффективный способ коммуникации с аудиторией. Они установлены у каждого второго россиянина на смартфоне. По статистике в 2021 году Telegram скачали более 9 млн раз, это почти в 2 раза (на 91%) больше, чем за предыдущий год. WhatsApp и Viber занимают второе и третье по популярности место в России. За первое полугодие 2020 года месячная аудитория WhatsApp достигла 69 млн пользователей, у Viber – 37 млн [2].

Модернизация современных мессенджеров предполагала открытие перед людьми широких возможностей в плане доступа к информации, получения услуг и участия в жизни общества (различные личные и бизнес-сообщения, рекламная продукция и т.д.). Многие из этих возможностей реализовались, однако злоумышленники, в частности наркопреступники, пользуясь огромным числом аудитории, также начали активно использовать различные социальные сети в

сфере незаконного оборота наркотиков. Одним из инновационных способов использования мессенджеров является мессенджер-маркетинг.

Мессенджер-маркетинг – это новый инструмент для взаимодействия бизнеса со своей аудиторией в мессенджерах. Его цель такая же, как и у любого маркетинга – привлечь как можно больше клиентов. Поскольку основными пользователями социальных сетей являются несовершеннолетние, а также ввиду вышеописанных особенностей развития подростков злоумышленники активно используют этот инструмент для их вовлечения в незаконный оборот наркотиков.

Использование мессенджер-маркетинга наркопреступниками отличается от традиционного интернет-маркетинга тщательно замаскированными способами и путями. Одним из таких способов выступает повсеместная рассылка и опубликование скрытых, замаскированных под рекламу различной разрешенной продукции записей и реклам. Переходя по ссылке, аудитории уже открывается некая информация, связанная с незаконным оборотом наркотиков. Другой, наиболее популярный и приносящий результат способ заключается в повсеместной рассылке и опубликовании записей с предложениями «легкого» заработка, которые пользуются особой популярностью у подростков. С начала года выявлено и заблокировано свыше 700 таких интернет-ресурсов [3]. Причем зачастую аудитории сообщается недостоверная информация по поводу высокооплачиваемой деятельности (например, злоумышленники сообщают о том, что необходимо доставлять письма по определенным адресам). Так, тот или иной гражданин, решивший быстро и легко заработать, даже не подразумевает о своей противоправной деятельности.

Несмотря на все усилия силовых структур по противодействию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в сети Интернет использование мессенджер-маркетинга как инновационного способа вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков выступает одной из главных проблем. Одной из главных причин малоэффективности предупредительной деятельности выступают обстоятельства, связанные с функционированием самих мессенджеров. Как правило, социально-сетевые платформы, осуществляющие деятельность на территории России, зарегистрированы в другой стране. Из-за этого национальным органам сложно отследить запрещенный контент и привлечь к ответственности пользователей, которые совершают незаконные действия, связанные с рекламой незаконного оборота наркотиков.

Таким образом, мессенджеры выступают важнейшим инструментом, позволяющим охватить уязвимые группы населения, такие как молодежь. С помощью социальных сетей пропагандируются запрещенная продукция и противоправные формы поведения. Исходя из вышеизложенного, предлагаем контролирующим органам проработать механизм для более активного модерирования социальных платформ на предмет распространения противоречащих закону сообщений и материалов, а также разработать эффективные модели сотрудничества с зарубежными странами, для того чтобы те, кто пропагандирует противоправное поведение, не могли использовать платформы мессенджеров в качестве убежища.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зинченко Д.С. Особенности криминологического предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 3(48). – С. 85–91.
2. Как работает реклама в мессенджерах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fashionconsulting.ru/kak-rabotaet-reklama-v-messendzherah/> (дата обращения: 22.01.2022).
3. Политика Роскомнадзора по контролю интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 24.02.2022).
4. Проект Федерального закона № 174296-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного (немедицинского) потребления наркотических средств и психотропных веществ» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Фильченко А.П., Жандров В.Ю. Противодействие запрещенной рекламе интернет-магазинов по продаже наркотиков // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 4 (66). – С. 97–107.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЛАГОДЕНСТВИЕ
КАК ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВА
(К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.Я. АНТОНОВИЧА)**

Ильина А.Н.,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: предметом исследования явилась актуализированная часть теоретико-правового наследия российского мыслителя конца XIX – начала XX в. – Афиногена Яковлевича Антоновича (1848–1917 гг.). В статье дана общая характеристика вклада ученого в развитие полицейского права, рассмотрены взгляды А.Я. Антоновича на полицейскую деятельность и предмет науки полицейского права. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (исторический, системный, функциональный) и специальные методы правовых исследований (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой). Предпринята попытка привлечения внимания исследователей к теоретико-правовому наследию А.Я. Антоновича, которое до настоящего времени освещения в научной литературе не получило.

Ключевые слова: А.Я. Антонович, полицейское право, полицейско-правовая теория, государственное управление, полиция, политическая экономия.

**STATE WELFARE AS THE GOAL OF THE STATE
(ON THE QUESTION OF THE THEORETICAL LEGACY
OF A.Y. ANTONOVICH)**

Ilyina A.N.,

adjunct

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the subject of the study was the actualized part of the theoretical and legal heritage of the Russian thinker of the late XIX – early XX century – Afinogen Yakovlevich Antonovich (1848–1917). The article gives a general description of the scientist's contribution to the development of police law, examines the views of A.Y. Antonovich on police activity and the subject of the science of police law. The methodological basis of the research was made up of general scientific methods (historical, systemic, functional) and special methods of legal research (formal legal, historical legal, comparative legal). An attempt has been made to attract the attention of researchers to the theoretical and legal heritage of A.Y. Antonovich, which has not received coverage in the scientific literature to date.

Keywords: A.Y. Antonovich, police law, police-legal theory, public administration, police, political economy.

Истоки термина «полиция» берут свое начало в Греции, где изначально под полицией понималось государственное (городское) устройство [1, с. 221]. Похожий смысл имел данный термин и у римлян. С конца XVI в. во Франции и Германии в термин «полиция» вкладывался уже несколько иной смысл: полицией обозначалась совокупность различных элементов общественного порядка, общественное благополучие и правительственная деятельность, направленная на его обеспечение [2, с. 1827]. Полиция определялась как «учреждение, направленное к доставлению счастья граждан», – подчеркивал один из основоположников науки полицейского права Н. Деламар².

Полицейская деятельность большинством государственных чиновников, общественных деятелей и ученых в XVIII–XIX вв. понималась как деятельность, направленная на охрану публичного порядка, личной и публичной безопасности. Об этом свидетельствуют исследования современных ученых, посвященные проблемам становления науки полицейского права [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], интерес к которым в российской юридической науке постепенно возрастает [11; 12].

Такого подхода к рассмотрению полицейской деятельности придерживался и Афиноген Яковлевич Антонович, полагавший, что главной задачей полицейской деятельности является «государственное благоденствие» [13, с. 73–84].

Афиноген Яковлевич Антонович (1848–1917 гг.) – доцент кафедры полицейского права Императорского университета Св. Владимира, российский экономист, статистик, педагог, доктор политологии и статистики.

А.Я. Антонович являлся известным исследователем проблем правовой действительности в области политической экономии и полицейского права. Основными трудами А.Я. Антоновича явились «Основания политической экономии и статистики» (Варшава, 1879), «Курс политической экономии» (Киев, 1886), «Конспект лекций по полицейскому праву» (Житомир, 1887) и др. [14; 15; 16; 17].

В трудах по политической экономии А.Я. Антонович наибольшее внимание уделял проблеме сущности государства, стремился определить его истинное назначение. «Личный интерес в организации народного благосостояния не имеет того значения, какое приписывалось ему классиками политической экономии, – подчеркивал А.Я. Антонович в своей докторской диссертации. – Личный интерес может противоречить общественному; выгода одного может быть в противоречии с благосостоянием другого; благосостояние данного поколения может быть учетом благосостояния будущих поколений и т.д.

² Delamare N. Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris, & huit Plans gravés, qui représentent son ancien Etat, & ses divers accroissements, avec un recueil de tous les statuts et règlements des six corps des marchands, & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Par M. Delamare, Conseiller-Commisnaire du Roy au Châtelet de Paris. Vol. 1–2. Paris: J. et P. Cot, 1705–1710; 2-eme éd. Vol. 1–4. Paris: Chez Michel Brunet et chez J.-F. Hérissant, 1719–1738.

Государство как представитель общих интересов и как юридическая личность, не прекращающая своего существования со смертью отдельных лиц и поколений, имеет право и обязанность регулировать частные интересы согласно с требованиями общего благосостояния настоящих и будущих поколений. Такое регулирование ... в большей или меньшей мере и существует в действительности в виде непосредственного вмешательства государственной власти в те или иные хозяйственные отношения, по своему значению вызывающие необходимость особого покровительства» [16, с. 462].

Главное общественное назначение государства А.Я. Антоновичем определялось как создание условий для всеобщего благоденствия [18, с. 183–193] и «наилучшего развития свободной личности» [19, с. 30–34], поскольку, по мнению ученого, интересы развития личности являются некими границами, определяющими пределы государственной сферы, своеобразным гарантом отсутствия деспотии. В государстве-деспотии интересы государства выходят за пределы государственной сферы и противоречат развитию интересам свободной личности. Выход за пределы государственной сферы приводит к аннулированию личности человека.

Чтобы «случайное не нарушало правильного течения жизни, чтобы частный интерес не был в противоречии с общим, чтобы временные и местные условия, препятствующие росту благосостояния, находили нейтрализацию в нравственных и материальных средствах государства и общества» [20], необходима полицейская деятельность и наука полицейского права.

Система науки полицейского права А.Я. Антоновичем определялась в контексте основных направлений полицейской деятельности. Основными ее элементами являлись:

- 1) полиция благочиния, в которой выделялись:
 - полиция населения (гражданское состояние, местожительство и пребывание, числовой состав, содействие развитию населения в физическом и духовном отношениях, союзный строй населения);
 - полиция сил природы (климат и атмосферические явления, землевладение и водовладение, содействие изучению естественных богатств страны);
 - полиция капитала (ограждение собственности, меры предупреждения разрушения имуществ, страхование имущества, содействие капитализации имущества);
- 2) полиция благоустройства, которая определялась составлением постановлений, регулирующих состояние и развитие отдельных отраслей деятельности, относящихся к производству, распределению и потреблению.

Таким образом, полицейской деятельностью создавались условия безопасности, с одной стороны, и условия материального и духовного благосостояния – с другой.

Для достижения народного благосостояния недостаточно одного законодательно закрепленного порядка: необходимой А.Я. Антонович считал общественно-хозяйственную деятельность, которая имела бы своей задачей и источником не только право, но и благо как некую совокупность материальных и ду-

ховных интересов народа. Сочетание задач обеспечения и прав, и благ А.Я. Антонович видел в полицейской деятельности.

Полицейскую деятельность А.Я. Антонович рассматривал как предмет науки полицейского права. Полицейское право должно быть направлено на выявление многообразия общественных отношений и создание охранительных и регулятивных норм, направленных на решение задач по предупреждению и пресечению действий, нарушающих народное благосостояние, и содействию развития народного блага.

Основным методом науки полицейского права А.Я. Антонович считал историческую индукцию. Индукция в научном ретроспективном исследовании – логическое суждение, основанное на методе восхождения от конкретного к абстрактному, от частных (отдельных) фактов к общему выводу. В науке политической экономии пренебрежение этим методом может привести к односторонности и относительности суждений и непониманию естественно-экономических законов, полагал А.Я. Антонович. В науке полицейского права пренебрежение этим методом может привести к полной потере понимания закономерностей формирования тех или иных правовых элементов, особенностей и последствий определенных этапов развития правовой отрасли. В политической экономии, представляющей собой науку о естественных началах благосостояния народа, и в полицейском праве, являющемся инструментом обеспечения благосостояния народа, использование метода исторической индукции А.Я. Антонович считал обязательным.

При этом А.Я. Антонович, приверженец немецкой школы полицейского права и специалист по политической экономии, полагал, что полицейское право должно изучать правовую основу хозяйственного влияния со стороны государства и общества. Основными задачами науки полицейского права А.Я. Антонович называл исследование хозяйственных норм, охраняющих благосостояние общества; исследование всех норм с целью дальнейшего развития общественного блага.

Таким образом, обобщение и дальнейшее изучение науки полицейского права, его предмета, системы и методов является необходимой предпосылкой для создания действенных механизмов охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в разных странах, дальнейшей гармонизации основ законодательной деятельности государств и интеграции правовых идей в мировое сообщество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нижник Н.С. Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции / под ред. В. Л. Кубышко: в 2 ч. Ч. 1. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. С. 220–240.

2. Nizhnik N.S. Police-law theory on the regulation of public relations in the police state // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. P. 1826–1835.

3. Тарасов Н.К. Российская полицистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 51–60.

4. Егоров Н.Ю. Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И.Т. Тарасова) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 10–17.

5. Козинникова Е.Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 18–23.

6. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 750–760.

7. Пирожок С.С. Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 37–45.

8. Морозова Е.Н., Нижник Н.С. Реформирование российской полиции: плюрализм подходов к осуществлению в середине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 30–39.

9. Нижник Н.С. Проблема обеспечения прав человека в полицейско-правовой теории России / Права человека: между прошлым и будущим. – Москва, 2021.

10. Егоров Н.Ю., Тарасова И.Т. Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 17–26.

11. Нижник Н.С. От редактора / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) [Электронный ресурс]: в 2 ч. Ч. I: материалы XVIII международной научной конференции / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, А. В. Демидов. – Электронные дан. (3,90 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 14–19.

12. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской Империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195.

13. Антонович А.Я. Полицейсты // Курс государственного благоустройства (полицейского права) / [Соч.] проф. Ун-та Св. Владимира А.Я. Антоновича. Ч. 1. – Киев: Тип. В.И. Завадского, 1890.

14. Антонович А.Я. Конспект лекций по полицейскому праву. – Житомир: Тип. и лит. насл. С. Бродовича, 1887.

15. Антонович А.Я. Курс государственного благоустройства (Полицейское право). Ч. 1–2. – Киев: Тип. В.И. Завадского, 1890.

16. Антонович А.Я. Основания политической экономии. Т. 1. – Киев: Тип. 2-й Артели, 1914.

17. Антонович А.Я. Полицейское право. Б. м., б. г.

18. Нижник Н.С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 183–194.

19. Нижник Н.С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицейстов) / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.А. Сосова. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 30–34.

20. Антонович А.Я. Предмет и значение науки полицейского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 8. – С. 316–331.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ионова А.А.

(Ростовский юридический институт МВД России)

Аннотация: в настоящей статье рассматривается использование информационных технологий на занятиях по иностранному языку. Их внедрение способствовало изменению традиционной модели обучения и ее усложнению. Автор приводит и анализирует различные сервисы и ресурсы, среди которых компьютерные программы, подкасты, видеоматериалы. Отмечается широкий спектр возможностей применения данных средств для отработки и закрепления грамматики, лексики и т.д. Использование новых технологий характеризуется как положительными моментами, так и отрицательными, которые необходимо иметь в виду при подготовке занятия.

Ключевые слова: информационные технологии, иностранный язык, подкаст, интернет-ресурсы, модель обучения, видеоматериалы.

USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Ionova A.A.

(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article investigates the use of information technologies in the foreign language classes. Its implementation changed the traditional education model and did it more complicated. The author analyzes different services and resources, for example, computer programs, podcasts, videos. It is noted that there is a wide range of possibilities for its use to practice grammar, vocabulary, etc. Its use contains both positive elements and negative features which we should keep in mind preparing classes.

Keywords: information technologies, foreign language, podcast, Internet resources, education model, videos.

В настоящее время новые технологии прочно вошли в нашу жизнь, оказывая влияние на все ее сферы. Коммуникация между людьми, выстраивание взаимоотношений, получение знаний во многом осуществляется через информационные технологии. Образование не стало исключением. Использование информационных технологий в образовании способствует изменению процесса преподавания и обучения, а также отношений между преподавателем и обучающимся.

Традиционная модель обучения, в которой центральное место отведено преподавателю как «передающему» информацию трансформируется в модель, в которой центральное место отводится ученику, ответственному за обучение, а преподаватель выступает в роли помощника или посредника в образовательном процессе.

Обучение представляется не простым накоплением содержаний, а выстраиванием целой когнитивной структуры.

Средства новых технологий позволяют самому обучающемуся получать знания различными путями и с разных сторон постигать действительность. Следует отметить, что информационные технологии способствуют активизации роли обучающего в образовательном процессе, а также развитию навыка взаимодействия, увеличивая значимость обучения. Внедрение и использование интернет-ресурсов позволяет охватить основные виды речевой деятельности и поощряет учеников на самостоятельную работу [1, с. 112].

Введение и использование информационных технологий в аудитории, как уже было отмечено, предполагает изменение ролей участников образовательного процесса, создается особый климат, где развивается автономность обучающего и его способность осмысления полученных знаний. В свою очередь, преподаватель должен взять на себя обязательство постоянно развивать умение использовать и применять различные новые технологии с целью разработки и использования материалов и заданий, отвечающих потребностям учеников. В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения использования новых технологий при обучении иностранному языку.

Быстрое развитие информационных и компьютерных технологий открывает широкий спектр возможностей их применения в аудитории. Позволяет создавать мультимедийные материалы, включающие аудиовизуальную составляющую. Такая совокупность визуальных, анимационных, текстовых и звуковых элементов способствует не только получению знаний, но и созданию интерактивных заданий, которые развивают автономность у обучающегося. «Обучение иностранному языку в неязыковом вузе является многогранным процессом, что, прежде всего, обусловлено основной целью – развитием личности студента, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на изучаемом языке и самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой им иноязычной речевой деятельности» [2, с. 142].

Среди дидактических средств и материалов, используемых на занятиях, выделяются традиционные печатные учебники или раздаточные материалы, аудиовизуальные материалы, такие как обучающие видео, аудиодорожки, презентации, интернет-блоги и подкасты, а также различные материалы, выложенные или интегрированные в обучающие платформы.

Сеть Интернет представляет собой безграничный источник ресурсов для обучения, предоставляя текстовые, аудио-, видео- и другие материалы, способствующие развитию как лингвистической, так и культурологической компетенций. Подобное разнообразие позволяет подобрать наиболее подходящие материалы для обучающихся, учитывая те технические возможности, которыми располагает учреждение.

Несмотря на очевидные положительные стороны, невозможно обойти определенные сложности, которые вызывает использование новых информационных технологий. Так, приборы или программы воспроизведения могут перестать работать в любой момент, может измениться скорость интернета и произойти другие подобные технические моменты. Также само содержание материалов окажется не таким интересным, как казалось, либо более сложным, что сразу может свести весь энтузиазм на нет. Перед занятием рекомендуем проверить все приборы, скорость интернета, скачать все необходимые видео-, аудио- или текстовые материалы, а также еще раз просмотреть содержательную сторону источников. Далее мы рассмотрим некоторые электронные ресурсы, используемые на занятии по иностранному языку.

Итак, презентация представляет собой часто используемый мультимедийный ресурс. Одной из наиболее популярных, стабильных и распространенных программ является PowerPoint, который позволяет интегрировать материалы различного типа. Так, совмещение визуальной картинки с аудиоматериалами повышает интерес у обучающихся, а также способствует концентрации их внимания именно на голосовом сообщении. PowerPoint подходит для введения новой грамматической темы, лексики и т.д. Полагаем важным не перегружать презентацию текстом, а создавать интерактивные презентации. Через систему гиперссылок можно создать разный маршрут для прохождения презентации, а также переходить на аудио- и видеоматериалы. Также видится полезным давать задание на самоподготовку в виде создания презентации, таким образом, курсант не только получает знания по предметам и умения создавать материал, но раскрывает свой творческий потенциал.

Зрение и слух играют значительную роль в образовательном процессе. В этой связи использование аудиовизуальных материалов является не просто важным, а обязательным на занятии по иностранному языку, так, подобные средства увеличивают мотивацию, способствуют рефлексии и активному участию курсантов.

На занятии по иностранному языку возможно использовать обучающие видео, посвященные грамматической или лексической темам. Для отбора видео следует руководствоваться определенными критериями: функциональным, техническим, педагогическим, языковым. Так, с точки зрения функционального аспекта оценивается полезность и эффективность содержания, технического – качество видео и звука, языкового – правильность и корректность используемого языка. С точки зрения педагогического критерия следует соотнести либо адаптировать содержание в соответствии с уровнем обучающихся.

Следующим ресурсом являются видеотривки из фильмов или сериалов. Подобные видео подходят для введения новой темы или отработки изученных тем по грамматике, фонетике, лексике. Также позволяют работать с прагматикой (средства выражения вежливости, чувств и т.д.) и с социокультурными компонентами. Показ и работа с видеотривком занимает меньше времени, чем с целым фильмом, а также позволяет практиковать определенную тему. При отборе видеоматериалов необходимо учитывать цели занятия и уровень обучающихся.

Чтобы способствовать более успешному пониманию, видится важным провести ряд активностей и упражнений перед просмотром, вводя, таким образом, курсантов в контекст и ситуацию, показанную в видеофрагменте. При необходимости видео можно сопроводить субтитрами. С помощью использования видеоотрывков из фильмов можно приблизить обучающихся к культуре стран изучаемого языка, а также усилить процесс обучения, погружая в действительный языковой контекст.

Говоря о примерах сериалов, можно выделить *Breaking Bad* («Во все тяжкие») – это аутентичный американский сериал об учителе химии, которому был поставлен страшный диагноз рак, подобная жизненная ситуация вынудила заняться производством и сбытом метамfetамfина. Данный сериал можно использовать для групп с уровнем владения языком выше среднего при прохождении тем, связанных с преступностью и запрещенными препаратами. Для продвинутого уровня подойдет английский сериал *Sherlock* («Шерлок») – современная интерпретация культового произведения. Мы видим работу детектива, использующего современные технологии для раскрытия разного рода преступлений. Также мы можем порекомендовать британский сериал («Обмани меня»). Данный сериал представляет собой расследование преступлений специалистами, которые изучают мимику и движения тела человека, когда он лжет, в этой связи сериал изобилует специфическими терминами, при этом может использоваться для среднего уровня, при учете ввода терминов.

Следующим интересным инструментом, на наш взгляд, являются подкасты. Подкаст – это цифровой аудиоконтент, похожий на радиопередачи, посвященный различным темам и доступный на определенных интернет-сервисах. Формат подкастов, как и их тематика, многообразен. Среди подкастов юридической направленности мы выделяем *Serial*, криминальный подкаст, в котором рассказывается о делах в американском суде и *Crime Junkie*, каждый выпуск подкаста посвящается определенному преступлению. Длительность каждого эпизода варьируется от 20 до 45 минут, в аудитории представляется сложным воспроизводить эпизод целиком, но отрывок в 5-10 минут для отработки темы, лексики, произношения и аудирования в целом даст большую мотивацию обучающимся.

С другой стороны, можно создавать интерактивные задания или пользоваться готовыми для отработки лексики и грамматики на множестве сервисов, нам бы хотелось отметить *Wordwall* (<https://wordwall.net/ru/>). Сервис обладает многочисленными шаблонами: сопоставить, откройте поле, пропущенное слово, диаграммы, викторина, правда или ложь и т.д.

В настоящее время новые информационные технологии предоставляют широкий спектр ресурсов, которые применимы на занятиях по иностранному языку. Технологии способствуют развитию новой форме взаимодействия между преподавателем и обучающимся, облегчая коммуникацию и активизируя роль самого ученика на занятии. Возможно использовать данные инструменты как для поиска информации или разработки авторских материалов, так и для развития навыков взаимодействия в аудитории. Также обучающийся получает знания, связанные с действительным социокультурным и языковым контекстом страны изучаемого языка, повышается его мотивация и автономность.

Применение новых информационных технологий позволит реализовывать многочисленные образовательные проекты и совершенствовать образовательный процесс, создавая эффективную модель, где объединяется лучшее из традиционной образовательной модели и новые технологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдрафикова А.Р., Абдуллин А.И. Эффективность внедрения и использования интернет-ресурсов на основе информационно-коммуникационных технологий (На примере интернет-ресурсов Duolingo, Lingualeo, Eliademy и Stepic) // Международный исследовательский журнал. – 2021. – № 6. – С. 112–114.
2. Девтерова З.Р. Образовательные возможности новых информационных технологий в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Молодой ученый. – 2011. – № 9. – С. 142–144.
3. 7 полезных подкастов для юриста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://platforma-online.ru/media/detail/7-poleznykh-podkastov-dlya-yuristov/?ysclid=lamffinxw6662373605> (дата обращения: 10.09.2022).

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Кордобовская К.Е.,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье правовая культура характеризуется как фактор формирования ценностно-нормативных ориентаций в области права и законности, как регулятор поведения личности, оказывающий существенное влияние на все сферы государственно-правовой деятельности. Сделан вывод о том, что советский опыт формирования правовой культуры общества содержит множество форм, которые могли бы быть использованы в современной России.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правовая культура советского общества, правовое поведение, правовое воспитание.

LAW CULTURE AS A FACTOR OF DEVELOPMENT IN THE SOVIET STATE

Kordobovskaya K.E.,

adjunct

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the article law culture is characterized as a factor of formation value normative orientations in the field of law and legality, as a regulator of personal behavior, which has a significant impact on all spheres of legal state activity. It is concluded that the Soviet experience of the formation law culture of society contains many forms that can be used in modern Russia.

Keywords: law culture, law awareness, law culture of Soviet society, law behavior, law education.

Под правовой культурой в общей теории права понимают качественное состояние правовой жизни общества, характеризующееся достигнутым уровнем развития правовой системы – состоянием и уровнем правового сознания, юридической науки, системы законодательства, правосодержательной практики, законности и правопорядка, правового образования, а также степенью гарантированности основных прав и свобод человека.

Правовая культура общества очень тесно связана с культурой народа государства и основывается на ее началах, традициях и обычаях, служит отражением уровня ее развития [1]. Формирование правовой культуры не является

обособленным процессом развития других видов культуры – политической, моральной, эстетической. Это комплексный взаимосвязанный процесс, объединяющий их общие задачи – создание морально-правового климата в обществе, который бы гарантировал лицу реальную свободу поведения в сочетании с ответственностью перед обществом, обеспечивал его права, социальную защищенность, уважение его достоинства. Также решается и общая цель – становление человека в центр экономических, социальных, политических, культурных действий [2, с. 5].

Важнейшим свойством правовой культуры является достижение качественного уровня жизнедеятельности людей в правовой сфере со всеми доступными для этого уровня особенностями культурного развития и субъектного поведения граждан.

Правовая культура является социально-историческим явлением и претерпевает изменения под влиянием множества факторов. Особыми характеристиками обладала правовая культура советского общества.

В советской юридической литературе единого мнения о месте правовой культуры в правовой системе социума не существовало. Одни ученые отождествляли правовую культуру с правовой надстройкой (М.А. Рейснер [3], М.С. Строгович [4], В.П. Сальников [5; 6; 7]), другие – рассматривали как элемент правового сознания (Л.И. Петражицкий [8]), как составляющую правового воспитания (И.А. Ильин [9], Л.Л. Дубских [10]), как умение и навыки пользоваться законодательно закрепленными правами (Е.В. Аграновская [11]).

Рассматривая правовую культуру общества, необходимо обратить внимание на ее главные и важные характеристики: сформированность на должном уровне уважения к праву; уровень юридических знаний и правовой грамотности, позволяющий понимать определения и отождествлять то или иное явление; знать традиции, потребности, навыки, необходимые для жизни в определенном круге лиц, регламентирующиеся законом; настоящую деятельность граждан в рамках законности в соответствии с установленными правовыми убеждениями и установками; сформированность правосознания как такового, адекватного правовой системе; правовую активность населения, а также должностных лиц и законодателей (Л.И. Петражицкий [12], И.А. Ильин [13], М.А. Рейснер [14], О.С. Иоффе [15], П.И. Новгородцев [16]).

Правовая культура советского общества создавалась под воздействием многих причин: политических, социально-экономических, духовных, культурных, психологических и т.д. О том, что в прошлое уходила целая эпоха – эпоха Российской империи, новой республиканской России во главе с Временным правительством, красноречиво свидетельствовали изменения быта народа в советской России после Гражданской войны, изменения словаря общения и поведения людей [17]. Изменялись убеждения, ценности, приоритеты, появлялись новые традиции во всех сферах общественной жизни, включая самые консервативные – семейные отношения.

В советской литературе утверждалось, что изменения жизни в советской стране были поступательными и имели быстрые темпы развития. Однако повседневная жизнь советских людей и их нравы нередко были приукрашены, и в со-

временной историографии под сомнение ставятся даже выводы советских историков о постоянном повышении уровня жизни населения СССР (Ю.А. Поляков [18], Б.Н. Казанцев [19], А.С. Ващук [20], А.К. Соколов [21], Е.Ю. Зубкова [22]). Так, анализ материалов бюджетных обследований позволяет считать, что наиболее высокий уровень жизни рабочих в СССР пришелся на завершающий период новой экономической политики – 1926–1928-е годы. Но начало индустриализации привело к его быстрому падению в результате роста цен, снижения покупательной способности рубля и введения карточной системы. Остановить указанное падение удалось только к концу 1930-х годов. Атрибутами жизни советских граждан послевоенного периода стали очереди. Можно было заметить, что это проявлялось в появлении товарного дефицита в условиях плановой экономики и централизованного распределения. Исследователи обращают внимание и на другие феномены, например, быт советского человека (коммунальная квартира и связанная с ней коммунальная жизнь). Поколения, которые застали жизнь в коммунальных квартирах или перенаселенных квартирах спальных районов, «по сути, не знают дома как личного обустроенного пространства, как места, концентрирующего память рода и традиции семьи» [23].

Характеризуя правовую культуру советского общества, являются важными аспекты, касающиеся взаимодействия советских граждан с властью. Государство было особенно влиятельным, что сильно сказывалось на обществе, и советский гражданин был вынужден выстраивать свою жизненную траекторию так, чтобы соответствовать идеальным канонам: «история маленьких житейских мирков прочно связана и с политикой, и с экономикой» [24]. Даже в мелочах жизни советского человека, находящегося в определенном социуме, всегда человек находится под воздействием суждений и диктатуры власти. Однако и «при тотальном контроле государства» и его стремлении к повсеместной регламентации люди находили в себе возможность самостоятельно думать и действовать, поступать сообразно собственным представлениям «о хорошем и дурном, дозволенном и постыдном», подчеркивал советский философ, историк и писатель С.А. Экштут [25].

Одним из значимых компонентов правовой культуры выступает правосознание и, соответственно, связанное с ним поведение. Ученые обращают внимание на общность правовой культуры с совокупностью сформировавшихся нацией правовых ценностей (И.Л. Честнов [26], В.П. Сальников [7], А.С. Евдокимов, З.Н. Каландаришвили [27]).

Правовое воспитание в советском государстве реализовывалось с помощью правовой пропаганды, освещения в средствах массовой информации, искусства и литературы и т.п. Органы правопорядка с помощью телевидения и различных печатных изданий разъясняли обществу, что каждый, кто преступит закон социалистической страны, не сможет избежать правосудия и будет нести наказание [28].

Советская молодежь искала свои идеалы в идеологии СССР. Примером являлось, несомненно, старшее поколение. Молодые люди связывали свою правовую деятельность с главенствующими общественными движениями и акциями. Престижным являлось одобрение своего поведения со стороны государства

и общества [29]. Социалистический строй перманентно транслировал соответствующую модель мышления, поведения, творчества, трудовой деятельности на все сферы жизнедеятельности молодых граждан.

Развитие семьи, воспитание молодого поколения, включение его в управленческие процессы в условиях советского государства были важными составляющими развития правовой культуры в целом. Советская юридическая наука на достойном уровне оценивала эти процессы и их значение для формирования правовой культуры общества и личности. Но отдельные исследователи отмечают, что часть молодежи имела политически незрелые взгляды, это можно было определить ее полной идеологической неосведомленностью [30]. Опека молодежи со стороны партии и комсомола, старших поколений зачастую подавляла в ней желание и возможность действовать, исходя из своих желаний и амбиций, несмотря на то, что в советской юридической доктрине серьезное внимание уделялось принципам права, юридическим стереотипам и формам деятельности личности, которые как раз были направлены на повышение уровня правосознания, а позитивные внутренние убеждения и представления об общественных и правовых ценностях, как следствие, приводили к социально-полезному и правовому поведению [31]. Также хотелось бы отметить, что при образовании правовой культуры советского общества акцент делался на соблюдение социально-политических и правовых норм.

В СССР с большим успехом развивались молодежные общественные объединения. Создавались консолидированные молодежные общественные структуры, способные принимать решения на центральном и республиканском уровнях, соответствующие курсу правящей политической партии – РКП (б)/ВКП(б)/КПСС. В крупнейшей молодежной организации – ВЛКСМ был образован Центральный комитет, создавались отделы и рабочие группы, проводились съезды и конференции. Бюро ЦК ВЛКСМ принимало постановления, обеспечивающие активное включение молодежи в охрану общественного порядка, реализацию народного контроля, работу с несовершеннолетними.

У советской молодежи формировались моральные качества, устои, правовые представления и взгляды, обуславливающее устойчивое отношение к праву и политическим процессам. Молодым гражданам предоставлялась возможность всяческого участия в различных органах общественной самодеятельности, получения управленческого опыта и знаний в процессе осуществления народного контроля, правовой помощи гражданам, правовом содействии в решении нужд местного населения при непосредственном взаимодействии с руководящими и партийными органами. Правильное формирование нравственного и правового сознания молодых людей в этот период препятствовало проявлениям правового нигилизма в стране.

Руководство страны декларировало требования о том, что каждый гражданин советского государства должен иметь обязательную базу правовых знаний. Для решения проблем получения каждым советским гражданином правового минимума было создано Всесоюзное общество «Знание», которое просвещало советские трудовые массы, осуществляло правовое обучение. Лекторами общества «Знание» являлись преподаватели юридических учебных заве-

дений, юрисконсульты и адвокаты, ученые-правоведы, сотрудники правоохранительных органов.

Таким образом, правовая культура способствует выработке ценностно-нормативных ориентаций в области права и законности, регулирует поведение личности, оказывает существенное влияние на все сферы государственно-правовой деятельности. Правовая культура обеспечивает эффективность реализации права, выступает значимым фактором обеспечения правомерного поведения людей, активного применения права и исполнения гражданских обязанностей. Советский опыт формирования правовой культуры общества содержит множество форм, которые могли бы использоваться в современной России, конкретно, для определения государственной молодежной правовой политики и развития правовой культуры современной молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Культуральные исследования права / под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018.
2. Русинов Р.К. Сознание и правомерное поведение личности // Советское государство и право. – 1983. – № 5. – С. 3–10.
3. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. – Москва, Ленинград: Госизд, 1925. – 276 с.
4. Строгович М.С. Право и правосознание: тезисы доклада. – Москва: Военно-юридическая академия Красной Армии, 1940. – 10 с.
5. Макаров С.В., Сальников В.П. Правосознание и правовая культура. Проблемы теории права и государства: курс лекций. – Санкт-Петербург, 1999. – 325 с.
6. Сальников В.П., Ромашов Р.А. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества / Право как явление культуры. – Санкт-Петербург, 2004.
7. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства / Демократия и законность. – Самара, 2008.
8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. Ч. 1. – Москва: Юрайт, 2019. – 237 с.
9. Ильин И.А. Учение о правосознании / Родина и мы. – Смоленск: Посох, 1995.
10. Дубских Л.Л. Формирование правовой культуры личности в условиях развитого социализма / Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. – Саранск, 1975. Вып. 3.
11. Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. – Москва: Наука, 1998. – 144 с.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1910. – 444 с.
13. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Москва, 1994. Т. 4. – 400 с.
14. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. – Москва, Ленинград: Госизд, 1925. – 276 с.

15. Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву / отв. ред. С. И. Аскназий. – Ленинград: Ленинградский ун-т, 1949. – 143 с.
16. Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 103–113.
17. Нижник Н.С. Правовая ментальность эпохи социалистической революции в вербальном выражении / Культура как контекст понимания и взаимодействия государства, права, религии: материалы Международной научно-теоретической конференции / под ред. Р.А. Ромашова. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2009. С. 49–52.
18. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 290–322.
19. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня рабочего класса (1952–1970) // Социологические исследования. – 1993. – № 4. – С. 3–14.
20. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50–70-е годы (историография проблемы). – Владивосток, 1998. – 212 с.
21. Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории. 1941–1991. – Москва, 1999. – 415 с.
22. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – Москва, 1999. – 230 с.
23. Щербаков В.П. Homo soveticus в сетях повседневности / Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции. Вып. 3 / под ред. В.В. Парцвания. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 471–476.
24. Кринко Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. как предмет изучения в современной историографии / Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 7. – Минск: БГУ, 2012. С. 286–274.
25. Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.
26. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодернизма. – Санкт-Петербург, 2002.
27. Евдокимов А.С., Каландаришвили З.Н. Правовая культура личности в механизме развития современного правового государства / Философия и право: материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2006. С. 142–143.
28. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – Москва: Юридическая литература, 1989. – 288 с.
29. Цветлюк Л.С. Молодежь и юношеские организации в политической системе советского общества. 20–30-е годы XX столетия // Информационный гуманитарный портал. Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 6.
30. Воропаева К.Е. Социальная ценность права в современном обществе. материалы шестого Всероссийского симпозиума / отв. ред. В.Д. Перевалов. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021.
31. Шашин П. А. Правовая культура в правовой системе общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 191 с.

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
И НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ**

Король А.И.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: выполняя в образовательном процессе собственные функции, разные направления воспитания добиваются одной цели – формирования активной жизненной и профессиональной позиции личности, проявления всего ее богатства. В формировании личности сотрудника правоохранительного органа сконцентрированы усилия профессионального, правового, духовного, нравственного, эстетического и иных видов воспитания. Специфика же такого формирования и, как следствие, вытекающие проблемы определяются основополагающим значением профессионального компонента для развития личности.

Ключевые слова: воспитание, развитие, профессионализм, нравственность, качества, сотрудник правоохранительных органов.

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL
AND MORAL QUALITIES OF STUDENTS OF EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION
MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Korol A.I.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: performing their own functions in the educational process, different areas of education achieve one goal – the formation of an active life and professional position of the individual, the manifestation of all her wealth. The efforts of professional, legal, spiritual, moral, aesthetic, and other types of education are concentrated in the formation of the personality of a law enforcement officer. The specifics of such formation and, as a consequence, the resulting problems are determined by the fundamental importance of the professional component for personal development.

Keywords: education, development, professionalism, morality, qualities, law enforcement officer.

Профессиональное воспитание в период развития правового государства и формирования гражданского общества – важнейшая составная часть образовательного процесса в организациях системы МВД России и иных правоохранительных органов, ключевой элемент социальной и практической ориентированности молодых специалистов, имеющее целью выработку у всех сотрудников должного служебного отношения к своей профессии и гуманистического отношения к каждому члену нашего общества. Именно такое целеполагание является основой всесторонне развитого человека российского и мирового общества, воплощающего через средство профессиональной деятельности как первой жизненной потребности все богатство своей общественной и индивидуальной сущности.

Итак, цели профессионального воспитания – это формирование уважения и любви к службе, постоянной готовности и способности выполнять социально значимую деятельность, воспитание чувства ответственности за порученное государством и народом дело, добросовестности и активности в его исполнении, воспитание умения ставить интересы общества и служебного коллектива выше своих собственных. Объективными предпосылками для решения данных вопросов коренным образом кроются в формировании должных общественных отношений в рамках всего государства и служебного коллектива правоохранительных органов, и тех социальных программах, направленных на повышение материального, нравственного и культурного уровня людей, соответствующих основным целям правового и духовного воспитания, состоящих в создании всесторонне развитой гармонической личности, отвечающей фундаментальным интересам человека и гражданина.

Система профессионального воспитания должна использовать все формы и методы, которые обеспечат сознательное, целеустремленное выполнение общественно значимых видов деятельности, дисциплину и организованность, ответственность за личный вклад и вклад служебного коллектива в развитие общественного богатства, выработку отношений товарищества и взаимопомощи, заботу о сохранности исторического, культурного и профессионального наследия и достояния, непримиримость к бездельничеству, лени, дезорганизованности, беспорядку, отсутствию четкости и твердости в служебных действиях, к фактам халатного отношения к исполнению служебного долга [4, с. 139].

Оправдывает в практической составляющей применение следующих форм профессионального и духовно-нравственного воспитания:

- 1) средства и способы морального и материального поощрения;
- 2) поддержка и стимулирование наставничества, «школ психолого-педагогического мастерства»;
- 3) развитие духа соперничества в служебном коллективе;
- 4) всемерная пропаганда использования передового опыта и методов решения служебных задач;
- 5) выработка алгоритмов решений и выходов из конфликтных (базовых, стереотипных) ситуаций, с последующим их насыщением исходя из социальных реалий;

б) предоставление широких возможностей для повышения квалификации и возможно переподготовки;

7) всеобщее привлечение молодых специалистов правопорядка к самоорганизации и самоуправлению;

8) использование методов общественного и управленческого воздействия для борьбы с незначительными нарушениями служебной дисциплины, как первой ступени профилактики нарушений законности;

9) использование опыта работы общественных организаций и средств массовой информации в целях профессионального воспитания.

Служебные стимулы как мотивы профессиональной деятельности есть категория исторически объективная, сопутствующая любой форме жизнедеятельности общности людей. Принципы, заложенные в руководстве системы стимулирования, определяются господствующими социальными отношениями. Но кроме этой объективной природы системы стимулирования существуют и субъективная ее сторона. Именно субъективная сторона стимулов интересует нас в первую очередь ввиду тесной ее связи с воспитательным фактом. Ведь для того чтобы системы стимулов «сработала», воплотилась в действие, она должна быть внутренне осознана, всецело осмыслена людьми в своих целях, принципах, планируемых результатах. Нельзя отделять объективный процесс создания в служебном коллективе успешной системы морального и материального поощрения от соответствующего доведения данных мероприятий до сведения и сознания каждого члена коллектива, до убеждения каждого в полезности и необходимости таких мероприятий. К сожалению, в практике служебной деятельности нередко подобные просчеты профессионального и духовно-нравственного воспитания.

Основным моментом побуждения к плодотворной служебной деятельности была и по сию пору остается потребностью в материальных благах. По-видимому, понятие стимула – более широкое, кроме того, ему присущ элемент активности, установки на служебную деятельность, и в этом своем качестве стимул будет сопровождать человека и дальше. Потребность в таком материальном «благе», как профессиональная деятельность, в интересном, захватывающем процессе службы является подтверждением того, что личный материальный стимул сохранится в преобразованном виде и в высшей форме нового развитого общества. И тогда, когда отмирает стимулирование премиями, протокольными подарками, нематериальными благами, сохраняется стимулирование содержанием работы. Личная материальная заинтересованность с материальной составляющей перемещается на сам процесс профессиональной деятельности, оказываясь в этой форме вечным спутником человека.

Применение принципа материальной заинтересованности в современном гражданском обществе непременно должен сочетаться с принципом морального поощрения. В психолого-педагогической литературе активно разрабатывается проблематика морального и в целом – духовного стимулирования отношения к профессиональной деятельности.

Проведя анализ воспитательного процесса в образовательной организации МВД России, следует предложить классификацию духовно-нравственных стимулов в профессиональной деятельности молодого сотрудника правопорядка следующим образом:

а) патриотические стимулы, состоящие в осознании необходимости профессиональной деятельности во благо Отечества;

б) моральные стимулы – осознание службы как элемента нравственного долга перед обществом;

в) творческие или поисковые стимулы;

г) эстетические стимулы – наслаждение от самого процесса служебной деятельности и внесение в свою профессию художественного начала;

д) стимулы совершенствования – примеры старших коллег, добившихся высоких результатов в профессиональной деятельности.

Гармоническое сочетание материальных и моральных стимулов, являющихся закономерностью профессиональной деятельности, должно стать важнейшим принципом воспитания в служебном коллективе.

В задачу воспитания входит изучение и установление индивидуальной восприимчивости к стимулам на педагогическом и психологическом уровне, что позволит использовать в воспитательном процессе стимулы, обладающие особой привлекательностью, побуждающие к активной деятельности и владению всеми элементами профессионализма. Как нравственные, так и эстетические стимулы располагают широчайшим полем градаций, что обеспечивает самую высокую вероятность проникновения в духовный мир воспитуемого. Нельзя, однако, забывать об изменении ведущих мотивов профессиональной деятельности, зависящих от различных обстоятельств жизни человека. Переход в иную возрастную категорию изменения образовательного уровня, как правило, влечет за собой смену акцентов мотивировки, то же происходит при смене социальной среды на макро- и микроуровне. Учет динамики мотивов профессиональной деятельности в связи с этим также необходим в воспитательной практике.

Нуждается во всемерном расширении такой, имеющей высокий духовно-нравственный смысл метод воспитания, каким является гласность. Данный метод необходимо применять как в профилактике нарушений служебной дисциплины, так и при поощрении лучших сотрудников или коллективов, – премировании, вынесении благодарности, присвоении награды, занесении на Доску почета и в других случаях. Практика показывает, что проведение подобных мероприятий на общем собрании служебного коллектива - и поощрений, и осуждений, и порицаний - дает несравненно больший воспитательный эффект, чем административно-управленческий приказ о выговоре или награждении, просто вывешенный на доску документации. А.С. Макаренко указывал на необходимость развития духовно-нравственного и эстетического стимулирования, привлечения людей к деятельности: «Одно дело – привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело – привлечение эстетикой поступка, его внутренней сущностью» [2, с. 298].

Решение задач профессионального воспитания невозможно без учета требований социальных реалий о необходимости формирования новой служебной дисциплины, новых форм общественных связей между сотрудниками и рядовыми гражданами, новых форм приемов привлечения молодых специалистов правопорядка к плодотворной служебной деятельности.

Исключительно велика в деле профессионального воспитания роль инициативы, новаторского и творческого поиска, использования силы личного примера. Здесь личный интерес сливается с общественным, подключаются личные взаимоотношения сотрудников, которые проникаются чувством коллективной взаимопомощи, моральной поддержки; объединяются усилия, мысль, воля сотрудников для наиболее эффективного решения общей задачи служебного коллектива.

Борьба за эффективность и качество как важнейшая государственная задача неотделима от воспитания профессионального отношения к служебной деятельности. Для современной составляющей служебной деятельности, профессионального образа жизни характерны свои, особые формы и методы этой борьбы, главную же из них особенность составляет высокая нравственная и духовная основа [5, с. 202].

Реалии жизни порождают все новые формы общественных отношений между людьми, способствуя высвобождению гуманистических и правовых начал. Примером развития таких форм может служить переход на новые условия социального взаимодействия, которые способствуют соединению в процессе своей реализации личных интересов с общественными. Последнее обстоятельство обеспечивает реализацию воспитательной функции профессиональной деятельности через формирование и укрепление духа коллектива, товарищеских взаимоотношений, взаимовыручки и поддержки. Проблемой при применении такой формы воспитательного фактора в отдельных сферах служебной деятельности становится протекционизм и кумовство, возникающие там, где субъективные методы руководства способны извратить здоровый замысел данной инициативы. Именно в этих сферах возникает необходимость активизации духовно-нравственной основы служебной деятельности, профессионально-правового обучения, способствующих преодолению негативных моментов нововведений или субъективистского уклона в их реализации.

Безусловную объективную ценность в деле профессионального воспитания представляет внедрение комплексных программ развития личности сотрудника правопорядка в служебных коллективах и организациях системы правоохранительных органов, а также закрепление персональной ответственности руководителей за их реализацией и неукоснительным исполнением. Такие комплексные программы, принимаемые в правоохранительных структурах с учетом социологической, педагогической и психологической составляющей и при участии государственных органов и учреждений, а также общественных организаций, учитывают все основанные стороны профессиональной деятельности, сферу отдыха и досуга, быта, учебы, культурного роста всех членов служебного коллектива. Подобные программы аккумулируют в себе усилия всех субъектов воспитательного процесса, а также имеют целенаправленный научно обоснованный характер.

ванный, плановый характер управления всеми социальными процессами, происходящими в служебном коллективе.

Естественно, что в таких программах обязательно должна предусматриваться деятельность самого служебного коллективов по профессиональному воспитанию личности каждого сотрудника во всех основных его направлениях – правовом, духовном, нравственном, физическом, эстетическом и, конечно, профессиональном.

Использование комплексных программ воспитания в совокупности с материальными и духовными личностными стимулами – базовая часть в решении вопросов профессионального и духовного роста молодых сотрудников правопорядка. Комплексное профессиональное воспитание и всестороннее духовно-нравственное развитие личности сотрудника есть главная цель и результат в условиях развития правового государства и формирования здорового гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Левитан К. М. Юридическая педагогика: учебник. – Москва: Норма, 2015. – 432 с.
2. Макаренко А.С. О воспитании. – Москва: Издательство политической литературы, 1990. – 416 с.
3. Неробеев А.Б. Педагогические условия духовно-нравственного воспитания курсантов военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. – Кострома, 2006. – 190 с.
4. Олейников В.С. Акмеологические проблемы воспитания профессиональной нравственной культуры сотрудника органов внутренних дел России: монография / под ред. В.С. Олейникова. – Санкт-Петербург, 1996. – 227 с.
5. Олейников В.С. Теоретические основы нравственно-правового воспитания сотрудников органов внутренних дел России: дис. ... д-ра пед. наук. – Санкт-Петербург, 1993. – 250 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург: Питер Ком, 1999. – 679 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург: Питер, 2015. – 713 с.
8. Щеглов А.В. Воспитание профессиональной нравственной культуры сотрудника органов внутренних дел России: дис. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 1994. – 209 с.
9. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации. – Москва: Институт практической психологии, 1998. – 304 с.
10. Каверина Л.В., Чесовская М.Г. Корпоративная культура организации как научная проблема / Сборник научных трудов Белгородского юридического института МВД России. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2013. С. 67–70.

ФОРМЫ И СРЕДСТВА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье рассмотрено терминологическое соотношение понятий «форма» и «средство» правового воспитания молодежи. Осуществлен анализ форм правового воспитания молодежи; исследованы имеющиеся научные подходы, характеризующие сущность и содержание рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: правовое воспитание, молодежь, средства правового воспитания, формы правового воспитания, правовоспитательная работа.

FORMS AND MEANS OF LEGAL EDUCATION OF YOUTH: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Kotareva O.V.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article considers the terminological relationship between the concepts of "form" and "means" of the legal education of young people. The analysis of forms of legal education of youth is carried out; the existing scientific approaches that characterize the essence and content of the concepts under consideration are investigated.

Keywords: legal education, youth, means of legal education, forms of legal education, legal work.

Правовое воспитание представляет собой сложный комплекс отношений и явлений, призванных решать задачу обращения человека к праву. Знание основных прав и грамотное их использование способствует становлению как отдельно взятого человека, так и общества в целом, формируя, таким образом, развитие правового государства.

Молодежь составляет значительную часть (около 40%) населения России в трудоспособном возрасте. Возрастные характеристики молодежи как особой социально-демографической группы от 14 до 35 лет законодательно закреплены в федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ [1]. Данная категория граждан, вступившая на путь взросления, постоянно находится в переходном состоянии и сталкивается с вопросом самоопределения.

Подрастающее поколение представляет собой опору и будущее нашего государства, главной задачей которого является возможность стать достойными гражданами своей страны. Вышеизложенное предопределяет особую общественную значимость правового воспитания молодежи.

Особой ценностью для современной молодежи является образование. Несмотря на изменение общественных ценностей молодые люди подчеркивают престиж образования. Но в современной России есть множество способов для развития и самоутверждения, помимо высокого уровня образования.

Правовое воспитание необходимо начинать с самого раннего возраста ребенка. Еще в школе необходимо прививать ощущение гражданственности, любовь к Родине и Отечеству, формировать собственную гражданскую позицию у ребенка. Для детей как нельзя лучше подойдут игровые формы правового воспитания. Могут быть смоделированы игровые обстоятельства, где дети смогут проявить свои знания в области права, а также участники смогут выработать алгоритм поведения в таких ситуациях. Также с детьми могут проводиться беседы, на которых будут присутствовать сотрудники правоохранительных органов, юридических консультаций и других правовых институтов.

То правовое воспитание, которое дает школа, либо другая образовательная организация, должны заставить ребенка задумываться над его действиями, оценивать их и соотносить с общественными нормами и интересами. Если недооценить правовое воспитание в данном возрасте, допустить его стихийное формирование, то это может привести к крайне негативным социальным последствиям.

Для студентов также важно правовое воспитание, как и для школьников. Правовое воспитание студентов должно обеспечивать: знания в области права, а также его понимание; участие в защите прав; соблюдение законов. Уважение и соблюдение законов, осознание данной необходимости – наиболее высокий уровень правового воспитания. Каждый студент должен быть убежден в необходимости соблюдения права.

Педагогика сама по себе сложная наука, в правовом воспитании это демонстрируется больше всего. Важно правильно подобрать его формы и средства, которые определяются возрастными особенностями молодых людей, средой воспитания, окружения, в которой находится человек.

В юридической литературе нет единства точек зрения относительно соотношения таких правовых категорий, как формы и средства правового воспитания молодежи. Большинство ученых рассматривают их как синонимы, не уделяя особого внимания разграничению этих категорий.

Выделяют следующие формы правового воспитания молодежи: пропаганда в СМИ; создание тематической литературы; фронтальные беседы, лекции, где производится непосредственный прямой обмен мнениями; система правового образования (право преподают как обязательную дисциплину в школах, сузах, вузах и т.д.); система обязательного правового воспитания (речь идет о профессиональных юридических специальностях и факультетах); предоставление наглядной информации (брошюры, газеты, стенды и т.д.); юридическая практика; чтение произведений литературы, где в негативном свете демонстрируется несоблюдение закона (например, произведения Ф. Достоевского, Л. Толстого, Т. Драйзера и др.).

Тхакохов А.А. отмечает, что наибольшей эффективностью в области правового воспитания молодежи обладает фронтальная беседа, которая представляет собой специальный организованный диалог, в котором производится обмен мнениями. Для такой беседы должны быть правильно составлены вопросы, они должны быть правильными, четкими, понятными ее участникам [2, с. 883].

Для того, чтобы правовое воспитание молодого поколения в обществе отвечало интересам современного развития общества, необходимо постоянно совершенствовать способы, методы и формы работы. Следует своевременно реагировать и перестраивать работу в соответствии с нуждами и требованиями общества, а в особенности молодежи.

Бидова Б.Б. определяет, что современные молодые люди в России находятся в экстремальных социальных условиях (особенно учитывая события 2022 года – проведение СВО): геополитический кризис приводит к кризису сознания молодежи. Молодой человек становится перед выбором – обогатиться материально здесь и сейчас или приобрести квалификацию на перспективу; принимать традиционные ценности или приспособиться к новой реальности. Безграничная свобода действий не всегда дает возможность сделать правильный выбор [3, с. 335].

Борискина К.Г. отмечает, что средствами формирования правового воспитания являются пропаганда права, развитие у граждан юридических знаний, практическое укрепление законности, наличие сильной юридической науки, совершенствование системы правовых актов, которое достигается благодаря наличию в государстве демократичной, эффективной конституции и высокому правовому и технико-юридическому качеству законов и подзаконных актов [4, с. 19].

Рассмотрим также формы индивидуального правового воспитания, которые рассматривает в своей статье А.С. Пеструилов. Автором предлагаются следующие формы: индивидуальные беседы (ознакомительные, поддерживающие, профилактические или корректирующие); психолого-педагогическое наблюдение; изучение документов, характеризующих сотрудника; обобщение независимых характеристик; анализ результатов служебной деятельности и показателей служебной дисциплины; посещение по месту жительства [5, с. 116].

Наиболее эффективными формами правового воспитания являются: юридическая практика; повседневный опыт, наряду с юридическими формами, позволяет молодому человеку получать необходимые правовые знания; правовое обучение, хотя это одна из наиболее проблемных форм правового воспитания; еще одна из форм – это самовоспитание, без самовоспитания невозможен ни один воспитательный процесс.

Ключевой ценностью современной молодежи является материальное благополучие. Прослеживается стойкая тенденция приоритетности материальных ценностей (по отношению к духовным и нравственным) среди молодых людей. Для достижения максимального материального благополучия становится приемлемой любой способ. То есть на первый план выходит предприимчивость, а не талант, трудолюбие или знания.

Представляется, что одним из недостатков современной правовоспитательной работы выступает недооценка организационных форм, рассчитанных

на подрастающее поколение, организация и проведение правовых олимпиад, научных кружков.

Федеральной службой государственной статистики проанализированы данные об использовании подростками (15-18 лет) сети Интернет за 9 лет и отмечен значительный рост такого использования. Так, если в 2011 году примерно 83% опрошенных пользовались Интернетом более 1 раза в неделю, то уже в 2019 году количество пользователей возросло на 11% и достигло 94%, а частота использования достигла ежедневного использования. Вместе с тем лишь четверть опрошенных обращаются в сеть Интернет с целью обучения по обязательным или дополнительным программам, увеличение же количества обращений сводится к общению в социальных сетях и развлечениям [6].

Современные формы и способы организации правового воспитания следует реализовывать посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет среди широкой аудитории, используя научно-развлекательные контенты. Ведь уже сегодня подрастающее поколение не испытывает нужды в отсутствии телевидения, поскольку вся интересующая их информация становится доступной нажатием одной кнопки телефона в их руках. Обеспечение бесплатного доступа к научным онлайн-площадкам, электронным библиотекам, виртуальным экскурсиям – верный путь к формированию высокообразованного подрастающего поколения.

Формы и средства правового воспитания достаточно тесно взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Реализуемые в рамках выбранной формы, средства правового воспитания способствуют достижению поставленной цели правовоспитательного процесса. Необходимо признать на общефедеральном уровне, что правовое воспитание, направленное на формирование высокого уровня правосознания и правовой культуры, есть первоочередная задача государства и основополагающее средство борьбы с правовым нигилизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 07.12.2022).
2. Тхакохов А.А. Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 882–884.
3. Бидова Б.Б. Особенности национального самосознания и его роль в становлении межконфессиональная толерантность // Молодой ученый. – 2020. – № 3. – С. 344–347.
4. Борискина К.Г. Правовое воспитание молодежи // Universum: экономика и юриспруденция. – 2019. – № 4(15). – С. 5.
5. Пеструилов А.С. Основные формы индивидуального правового воспитания и просвещения граждан в деятельности органов внутренних дел // Общество и право. – 2021. – № (7). – С. 116–121.
6. Данные Федеральной службы по статистике. Распределение детей в возрасте от 15 до 18 лет по частоте и целям использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2021).

РАЗВИТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Крупенникова К.К.;

Меняйло Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в настоящее время противодействие коррупции видится наиболее эффективным с использованием цифровых технологий, что обусловлено стремительными темпами развития информационных технологий, которые охватывают все сферы жизни общества, а во многом даже являются их неотъемлемой составляющей. В связи с этим становится необходимым исследовать современное понимание коррупции, концептуальные модели, направления и перспективы цифрового инструментария в противодействии коррупции, а также выявлять и предотвращать риски коррупциогенного характера, возникающие и развивающиеся в сфере государственного управления.

Ключевые слова: противодействие коррупции, цифровые технологии, блокчейн-технологии.

DEVELOPMENT OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE STATE AND SOCIETY

Krupennikova K.K.;

Menyailo D.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: currently, anti-corruption is seen as the most effective with the use of digital technologies, which is due to the rapid pace of development of information technologies, which cover all spheres of society, and in many ways, are even an integral part of them. In this regard, it becomes necessary to investigate the modern understanding of corruption, conceptual models, directions and prospects of digital tools in combating corruption, as well as to identify and prevent corruption-related risks arising and developing in the field of public administration.

Keywords: anti-corruption, digital technologies, blockchain technologies.

В настоящее время непрерывное развитие сложных систем идентификации и аутентификации играет все более важную роль для предотвращения преступных намерений и блокирования доступа к государственным тайнам. Для

этого применяют многокомпонентную аутентификацию, предусматривающую установку в кредитных и других картах микропроцессоров, PIN-кодирование, динамическую смену паролей, проверочные телефонные СМС с контрольным кодом входа, визуальную и голосовую аутентификацию на основе контактов с автоматической системой аутентификации заинтересованных структур.

Работа в этом направлении постоянно стимулирует поиск новых технических решений, связанных с качеством разного рода сенсоров, которые позволяют выявлять более мелкие различия и особенности в объектах и людях, принимающих участие в процессах идентификации и аутентификации.

С другой стороны, вопрос носит количественный характер. Мировая и российская практика развертывания специальных систем наблюдения сначала на критических объектах инфраструктуры, таких как железнодорожные вокзалы, а затем практически повсеместно, позволяет создать системы безопасности, позволяющие оперативно находить преступников и своевременно реагировать на противоправные действия.

Особое значение для надежного управления органами власти социальными и экономическими системами приобретает постоянное совершенствование технологии криптозащиты передаваемой информации. В связи с этим важно отметить широкие антикоррупционные возможности блокчейн-технологий.

Блокчейн-технологии в течение нескольких лет в начале 2000-х годов показали удивительную способность продвижения в любые сферы жизни, позволяющую получить экономический и социальный эффекты.

«Блокчейн, – по мнению основателя института блокчейн-исследований Мелани Свон, – это многофункциональная информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов... Блокчейн создает новые возможности по поиску, организации, оценке и передаче любых дискретных единиц. По сути, это новая организационная парадигма для координации любого вида человеческой деятельности» [1].

С этих позиций блокчейн, как правило, рассматривают в органах государственной власти, примеряя к любым ситуациям, где есть необходимость мягкого, транспарентного разрешения реальных или потенциальных конфликтов. Столь большие, как многие считают, практически неограниченные перспективы применения блокчейн-технологий определяются тем, что они являются интегрирующей в себе любые платформы и типы компьютерного оборудования, существующие в мире на данный момент [2].

Для понимания возможностей и перспектив применения блокчейна большое значение имеет обоснованная классификация этой технологии по категориям. Здесь можно говорить о двух подходах к определению категорий блокчейн-технологий, от которых в определяющей мере зависит и формирование нормативной правовой базы. Один подход к блокчейну основан на практике применения технологии в различных сферах жизни, в другом – преобладают технологические аспекты, определяющие конкретные параметры блокчейна, такие как программное обеспечение, выбранные ресурсы, скорость транзакций и т.д. [3]. Если опираться на первый подход, то получим следующий взгляд на классификацию блокчейн-технологий:

1. Блокчейн 1.0 – это криптовалюта, используемая в различных приложениях, имеющих отношение к деньгам, таких, как системы переводов и цифровых платежей. Это самый «старый», традиционный взгляд на блокчейн, получивший от своего создателя десять лет назад имя биткойн.

Блокчейн 1.0, созданный в 2009 году легендарным Сатоши Накамото, однозначно идентифицируется с первой криптовалютой биткойном. Разработанная Накамото технология положила начало децентрализованным бухгалтерским книгам и одноранговым сетям для отправки и получения денег. При этом классическая проблема «двойных расходов» решается без привлечения доверенных узлов или централизованного сервера. В сети биткойна используется проверенный временем алгоритм доказательства работы PoW (Proof of Work), защищающий от хакерских DDoS атак (Distributed Denial of Service), распределенных атак типа «отказ в обслуживании», целью которых является создание условий, при которых пользователи не смогут получить доступ к сайту или веб-сервису из-за его перегрузки [1].

2. Блокчейн 2.0 – это контракты, нашедшие широкое применение в экономических, рыночных и финансовых приложениях, работающих с различными типами финансовых инструментов, таких как акции, облигации, фьючерсы, закладные, правовые титулы, умные активы и умные контракты.

Блокчейн 2.0 – связан с созданием Ethereum, который позволяет рассматривать блокчейн как совершенно обособленную инновационную технологию, которая в свою очередь дает возможность разработки безопасных смарт-контрактов и расширяет поле для использования децентрализованных приложений (dApps), обладающих важными для dApps чертами [1]:

- криптографическая составляющая;
- открытый исходный код, чтобы сообщество могло проверить код, искать баги (возникающие баги делают компьютер более уязвимым для несанкционированного доступа или DoS атаки) в интересах сообщества и следить за этапами разработки;
- приложение должно генерировать токены в соответствии со стандартным криптографическим алгоритмом, действующим в качестве доказательства того, что узлы вносят вклад в приложение (PoW или PoS);
- токены генерируются внутри продукта;
- децентрализация продукта, когда записи хранятся в открытой, общедоступной цепочке блоков.

Сейчас зарегистрировано почти 1000 приложений, построенных на Ethereum. Сегодня с полной уверенностью можно сделать вывод, что именно Ethereum раскрыл истинный потенциал блокчейна, не ограниченный цифровыми валютами. Кроме того, платформе удалось достичь скорости 15 транзакций в секунду, превышающей блокчейн биткойна [3].

3. Блокчейн 3.0 – это приложения, используемые в сфере государственного управления, науки, образования, здравоохранения, культуры, искусства и политики. В настоящее время именно блокчейн 3.0 развивается особенно быстро, захватывая новые управленческие ниши, и именно этому направлению уде-

ляют основное внимание ведущие исследователи и специалисты блокчейн-технологий в органах государственной власти.

4. Инновационность блокчейна 4.0 заключается не только в его технических характеристиках, но и в том влиянии, которое он способен оказать на общество. Технология блокчейна 4.0 предполагает разработку на его основе масштабных промышленных приложений, способных одновременно управлять многими процессами, обрабатывая и храня огромные массивы данных, обеспечивая их логическую взаимосвязь и согласованность.

5. Блокчейн 5.0 – создателем этого блокчейна последнего поколения считается Relictum Pro – бесконечно масштабируемая децентрализованная платформа на базе технологии HYPERNET с развитой системой интеллектуальных контрактов, способная формализовать более 80% событий человеческой жизни, от логистики и купли-продажи товаров до авторских прав [4].

Сегодня блокчейн, как видно из приведенного анализа, используется в самых разных областях, включая банковское дело, страхование, здравоохранение, логистику и управление. Исходя из этого, делаем вывод о том, что в сфере противодействия коррупции блокчейн-технологии могут способствовать наиболее эффективной борьбе с коррупционными правонарушениями.

В связи с этим предлагаем разработку и внедрение в деятельность по борьбе с коррупцией децентрализованного антикоррупционного сервиса, разработанного на базе блокчейна 5.0, инновационных технических идей и решений, способных совершить переворот в интернет-индустрии и вывести ее на новый уровень. Данный сервис должен вмещать в себя большие, разнородные по структуре и назначению узлы связи и новую цепочку обмена данными, а его децентрализация обеспечит надежное хранение этих данных. Сервис обеспечит объединение всех в сообщество, каждый участник которого будет полностью открыт и прозрачен для других участников, а антикоррупционная деятельность будет осуществляться быстрее благодаря продуманной и высокоскоростной системе хранения и обмена данными. Это будет достигаться также содержащимися в сервисе функциями отслеживания финансовых активов, родственных связей, статистики коррупционных правонарушений, а также контроля процессов передачи, обработки и хранения информации.

Обеспечение функционирования данного антикоррупционного сервиса должно обеспечиваться, в том числе, посредством сотрудничества с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Однако прежде чем внедрять инновационные технологии в сферу противодействия коррупции, следует разработать нормативно-правовое регулирование данного процесса. Прежде всего, необходимо тщательно исследовать существующую нормативно-правовую базу. Первым шагом в данной сфере будет внесение изменений в действующее законодательство, а именно – законодательно закрепить определение цифровой трансформации коррупции.

Также видим необходимым организацию переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере информационных технологий посредством мотивации к таковой лиц, осуществляющих противодействие коррупции. При воз-

мездном оказании образовательных услуг представляется необходимым рассмотреть вопрос о субсидировании коммерческих образовательных организаций государством.

Применение блокчейн-технологий перспективно и полезно практически в любой сфере, однако для укоренения в сфере государственного управления данным технологиям предстоит пройти долгий путь совершенствования и экспериментальных режимов. Подчеркнем, что общественные отношения в сфере цифровизации слабо урегулированы, что определяет необходимость нормативного правового обеспечения блокчейн-технологий и необходимость учета этой специфики блокчейна при развитии «цифрового законодательства России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Свон М. Блокчейн: Схема новой экономики / пер. с англ. – Москва: Олимп-Бизнес, 2018. – 45 с.
2. Лоуренс Т. Блокчейн для чайников / пер. с англ. – Санкт-Петербург: Альфа книга, 2018. – 272 с.
3. Слоботчиков О.Н. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении: монография / О.Н. Слоботчиков, С.Д. Козлов, М.В. Шатохин, С.А. Попова, А.Н. Гончаренко. – Москва: НАНО ВО «ИМЦ», 2020. – 320 с.
4. Блокчейн 5.0: как эволюционировала технология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://letknow.news/publications/blokcheyn-50-kak-evolyucionirovala-tehnologiya-33003.html> (дата обращения: 03.10.2022).
5. Овчинников, А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 158–170.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Крылова В.Н.,

адъюнкт

(Ростовский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье автором проанализированы отдельные аспекты производства освидетельствования несовершеннолетних. Выявлены процессуальные и криминалистические особенности, рассмотрены организация и тактика освидетельствования. Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности производства данного следственного действия.

Ключевые слова: освидетельствование; несовершеннолетний; тактика производства отдельных следственных действий.

FEATURES OF THE EXAMINATION OF MINORS

Krylova V.N.,

adjunct

(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: in the article, the author analyzes certain aspects of the examination of minors. The procedural and criminalistic features are revealed, the organization and tactics of the examination are considered. Recommendations aimed at improving the efficiency of the production of this investigative action are proposed.

Keywords: examination; minor; tactics of individual investigative actions.

Освидетельствование представляет собой следственное действие, производимое в целях обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. С точки зрения уголовно-процессуального права освидетельствование – это самостоятельное следственное действие, имеющее существенные процессуальные отличия от следственного осмотра.

В то же время криминалистика рассматривает освидетельствование как родственное осмотру следственное действие, поскольку освидетельствование – это невербальное действие, в основе которого лежат закономерности наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности.

В криминалистической литературе при определении понятия и признаков освидетельствования делается акцент на сходство данного следственного действия с осмотром. Как пишет Н.П. Яблоков, освидетельствование сводится в основном именно к осмотру – обследованию тела живого человека с целью обнаружения на нем следов преступления, телесных повреждений, особых примет и их описания. Если в процессуальном плане освидетельствование имеет свои отличительные особенности от осмотра (ст. 179 УПК РФ), то в задачах и тактике освидетельствования много общего с тактикой осмотра [1, с. 227].

Процессуальный порядок производства освидетельствования несовершеннолетнего складывается из нескольких элементов: порядка проведения следственного действия, в частности, освидетельствования в целом (должны учитываться нормы УПК РФ, регламентирующие порядок производства следственных действий, фиксации их хода и результатов, в том числе освидетельствования); порядка проведения следственных действий, в том числе освидетельствования в отношении несовершеннолетних участников процесса (должны учитываться нормы УПК РФ, определяющие особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также иные нормы, посвященные несовершеннолетним).

В УПК РФ не содержится специальной нормы, посвященной порядку производства освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего. Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательное участие законного представителя несовершеннолетнего при проведении такого следственного действия. Учитывая возможность противодействия со стороны несовершеннолетнего, в научной литературе предлагается в случаях, когда освидетельствование сопровождается обнажением несовершеннолетнего, привлекать законного представителя, чтобы обеспечить не только права несовершеннолетнего, но и добровольный характер освидетельствования [2, с. 134].

Тактика освидетельствования – это недостаточно проработанная на уровне теории и практики категория криминалистики. Лишь отдельные научные работы посвящены подробному описанию каждого этапа производства освидетельствования с тактической точки зрения.

Следствием такого положения дел становится избегание практическими работниками производства освидетельствования из-за отсутствия теоретической базы и высокой вероятности совершения ошибок, за которыми последует признание протокола освидетельствования недопустимым доказательством.

Анализ литературы показал, что в структуре производства освидетельствования можно выделить следующие этапы:

- 1) подготовительный;
- 2) рабочий;
- 3) фиксационный (удостоверительный) [3, с. 142].

На подготовительном этапе освидетельствования осуществляются следующие действия:

- 1) изучение имеющихся материалов уголовного дела или предварительной проверки (протокола осмотра места происшествия, протокола допроса потерпевшего, свидетелей либо объяснения заявителя или очевидца; справок о результатах про-

ведения оперативно-розыскных мероприятий; сведений, полученных из криминалистических, автоматизированных информационно-справочных учетов, и др.);

2) определение признаков, которые возможно обнаружить и зафиксировать посредством освидетельствования;

3) установление неотложного характера проведения освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела (наличие на теле освидетельствуемого следов преступления, которые имеют тенденцию к исчезновению и утрате; нахождение интересующего лица в состояниях опьянения или кратковременного психического расстройства с целью выявления и фиксации признаков);

4) определение круга участников освидетельствования: лиц, подлежащих освидетельствованию (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель), их пол;

5) выбор помещения для производства освидетельствования, который осуществляется в соответствии с конкретной ситуацией;

6) решение вопроса о производстве фото- и видеосъемки;

7) составление постановления о производстве освидетельствования и объявление его лицу, в отношении которого оно вынесено [4, с. 220].

На рабочем этапе освидетельствования непосредственно проводится обследование тела человека: сначала осматриваются части тела, не закрытые одеждой, затем при необходимости – одежда, а потом остальные части тела. Фиксационный (удостоверительный) этап освидетельствования связан с подготовкой и оформлением протокола освидетельствования в соответствии с требованиями закона (ст. 166, 167, 180 УПК РФ).

Представляется, тактика освидетельствования несовершеннолетних должна быть основана на имеющихся в криминалистике общих тактических рекомендациях производства освидетельствования.

В то же время необходимо учитывать особенности несовершеннолетнего участника процесса, обусловленные его возрастом. Несовершеннолетние как особый объект освидетельствования обуславливают практическую значимость проведения данного следственного действия. Особенно это касается ситуаций, когда несовершеннолетний является потерпевшим от преступления.

В науке на этот счет отмечается, что при расследовании преступлений, совершенных против несовершеннолетних, освидетельствование носит первоочередной вспомогательный характер до назначения судебно-медицинской экспертизы [1, с. 23].

Таким образом, освидетельствование несовершеннолетнего выступает важным средством установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следователь должен использовать общие криминалистические рекомендации и тактические приемы при взаимодействии с несовершеннолетним при производстве любого следственного действия, в том числе освидетельствования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2022.
2. Маханек А.Б. Проблемы освидетельствования несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве / Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы международной научно-практической конференции. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. С. 133–134.
3. Даниленко И.А., Россинский С.Б. Следственное освидетельствование: практические и технологические аспекты // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 4(16). – С. 135–144.
4. Анешева А.Т. Алгоритм действий следователя на подготовительном этапе производства освидетельствования / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020. С. 218–221.
5. Ломакина А.А. Особенности производства следственного осмотра и освидетельствования при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 4(54). С. 20–25.
6. Лозовский Д.Н. Использование комплексного подхода в расследовании преступлений / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XIX Международной научно-практической конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. С. 204–207.

О СРЕДСТВАХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ МВД РОССИИ КАК СУБЪЕКТА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Лапова Е.С.

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье представлен анализ различных подходов к осмыслению проблемы эффективности деятельности службы по связям с общественностью МВД России; дан обзор предложений, направленных на улучшение взаимодействия службы по связям с общественностью и институтов гражданского общества в правоохранительной сфере. Служба по связям с общественностью МВД России оказывает влияние на правосознание граждан, формируя отношение населения к праву, закону и государству. Сделан вывод о необходимости учета особенностей механизмов формирования правовой культуры общества службой по связям с общественностью МВД современной России.

Ключевые слова: правовая культура; правовое сознание; правовое воспитание; полиция России, службы по связям с общественностью органов внутренних дел России; пресс-служба МВД России.

ON THE MEANS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE PUBLIC RELATIONS SERVICES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AS A SUBJECT OF THE CREATION OF THE LEGAL CULTURE OF SOCIETY

Lapova E.S.

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: there are an analysis of various approaches to the problem of the effectiveness of the public relations service of the Ministry of Internal Affairs of Russia; a review of proposals to improve the interaction of the public relations service and civil society institutions in the law enforcement sphere in the article. The Public Relations Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia influences the legal consciousness of citizens, it forms the attitude of the population to the law and the state. In the final part, there is a conclusion that the public relations services of the Ministry of Internal Affairs of modern Russia need to take into account the specifics of the mechanisms of formation of the legal culture of society.

Keywords: legal culture; legal consciousness; legal education; public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia; press service of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Условием формирования правового государства является высокий уровень правовой культуры общества. Сегодня в России основным субъектом формирования правовой культуры является государство [1, с. 01015]. Управление Министерства внутренних дел по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации в объединении с подчиненными ему региональными службами по связям с общественностью органов внутренних дел обладает значительными информационными и пропагандистскими ресурсами, позволяющими являться одним из важных субъектов формирования правовой культуры современного российского общества.

В рамках характеристики службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества одним из важнейших аспектов является проблема эффективности деятельности службы по связям с общественностью в современном мире, который претерпевает существенные трансформации, в том числе и в правовой сфере [2, с. 133–134].

Эффективное функционирование любой социальной системы возможно лишь при конструктивном взаимодействии составляющих ее субъектов на благо общества [3, с. 180].

Если понимать взаимодействие как деятельность, согласованную по целям, месту, времени и тактике деятельности различных государственных органов [4, с. 53], то как механизм взаимодействия может быть рассмотрена региональная модель сотрудничества представителей правоохранительных органов и гражданского общества. В рамках такой модели могут быть учтены региональные особенности общественной жизни, конкретные задачи по повышению уровня доверия населения к полиции и разработаны действенные схемы взаимодействия сотрудников полиции с общественностью. Взаимодействие может способствовать решению задач воспитания у граждан активной позиции по оказанию разнообразной помощи полиции, разработки методик взаимодействия различных подразделений полиции с институтами гражданского общества для поддержания правопорядка и, значит, развития правового сознания и правовой культуры.

В.Н. Красников считает, что такая модель будет эффективной, если:

– в основе организации взаимодействия правоохранительных структур и граждан будут современные подходы к исследованию взаимоотношений и практики взаимодействия;

– в основе профилактической работы будет региональная модель взаимодействия органов охраны правопорядка и общественности;

– в обязательную образовательную программу всех учебных заведений будут включены дисциплины правоохранительной направленности, позволяющие повысить правовую культуру обучающихся и получить как можно большее

число граждан, способных оказывать помощь полиции в поддержании правопорядка [4, с. 54].

Для эффективного взаимодействия государства, правоохранительных органов и общества с целью профилактики правонарушений необходимо наличие положительного общественного мнения о государстве и его структурах [4, с. 52]. С.С. Смолева полагает, что общественное мнение может способствовать выявлению, конкретизации и выбору оптимальных средств для повышения эффективности деятельности полиции и ее взаимодействия с обществом [5, с. 10–38]. Полиция и институты гражданского общества становятся важными субъектами осуществления правоохранительной функции современного государства, партнерами в практике обеспечения общественной безопасности [6, с. 52; 7, с. 62–64; 8, с. 10–15; 9, с. 241–250].

К.В. Семенова и Н.Ю. Чугунова считают, что регулярное информирование общественности службами по связям с общественностью ОВД о деятельности полиции и использование современных коммуникативных возможностей повышает авторитет полиции, формирует положительный имидж ОВД, влияет на правосознание населения, предупреждая тем самым противоправное поведение и стимулируя выбор населением моделью своего поведения правомерное поведение. Эффективное воздействие на правосознание возможно при:

- грамотном отражении в информационных материалах государственной информационной политики;
- использовании эффективных информационных каналов;
- способности на высоком профессиональном уровне информировать СМИ и предоставлять в прессу актуальный, своевременный и интересный контент;
- способности специалистов служб по связям с общественностью общаться с населением различными способами;
- возможности объяснять обществу решения и действия государства и правоохранительных органов;
- умении слышать запросы различных социальных групп, учитывать различные мнения, предложения и критику [10, с. 282–287].

К.В. Семенова и Н.Ю. Чугунова полагают, что для повышения эффективности работы служб по связям с общественностью ОВД необходимо:

- объединяться для сотрудничества с образовательными организациями, готовящими студентов по направлениям «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Дизайн», что позволит повысить профессиональные навыки сотрудников служб по связям с общественностью ОВД, привлечь учащуюся молодежь к работе во взаимодействии с полицией, использовать современные профессиональные навыки юных специалистов в медиасфере для влияния на массовое сознание, разнообразить имеющиеся у органов внутренних дел формы, методы и средства подачи информации;
- активнее освещать вопросы, касающиеся возможностей правомерной защиты граждан от противоправных действий, поведения в критических ситуациях, примеры ежедневных действий сотрудников полиции, их героизма и самопожертвования при исполнении служебного долга для привлечения внима-

ния аудитории и создания положительного имиджа правоохранительных органов и государства;

- учитывать различные информационные направления, чтобы сделать работу в этой сфере целенаправленной и системной;

- уделять больше внимания взаимодействию с молодежью – потенциальным нравственным капиталом общества, публиковать информацию о таком взаимодействии и в популярной для молодежи форме продвигать ее в социальных сетях;

- уделять внимание обратной связи с населением [10, с. 282–287].

Предложения по повышению эффективности информационной деятельности пресс-служб ОВД в области правоохраны и повышения уровня правового сознания граждан формулирует С.А. Сойников. В их числе:

- более активное использование службами по связям с общественностью региональных ОВД дополнительных площадок (например, радиостанции «Милицейская волна», телередакции МВД) с целями поддержания позитивного образа сотрудников правоохранительных органов, повышения доверия граждан к деятельности ОВД, информирования и обсуждения с аудиторией актуальных событий, достижений и проблем, стоящих перед МВД и государством в правоохранительной сфере;

- создание отдельного федерального телевизионного канала Министерства внутренних дел Российской Федерации [11, с. 163].

И.И. Шакалов, осуществив ряд социологических исследований, пришел к выводу, что для усиления информационной эффективности органов внутренних дел необходимо:

- структурировать каналы информации, расширять возможности предоставления населению достоверной информации о деятельности полиции;

- усиливать информационную активность служб по связям с общественностью ОВД, структурных подразделений полиции, наиболее часто взаимодействующих с гражданами, с целью формирования благожелательного отношения к деятельности ГИБДД, службе участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службе, подразделениям по делам несовершеннолетних;

- использовать различные формы, методы и каналы доведения информации о деятельности ОВД, признаваемые наиболее эффективными;

- избавляться от технологического и информационного консерватизма, имеющего место в информационном обеспечении правоохранительной деятельности;

- активно использовать в формировании общественного мнения современные информационные площадки Интернет-пространства;

- выработать современный формат формирования органами внутренних дел единой системы правового воспитания населения в рамках государственной политики;

- в основу позиционирования органов внутренних дел ставить практическую деятельность полиции, имеющую конкретные, позитивные для общества результаты [12, с. 396–398].

Л.В. Каверина подчеркивает, что средства массовой информации (прежде всего ведомственные) играют важную роль при формировании личности сотрудника органов внутренних дел в процессе их обучения в образовательных организациях МВД России [13, с. 85; 14, с. 37–38; 15, с. 93–94; 16, с. 68].

Таким образом, учет, анализ, и комплексное использование актуальных в современных реалиях предложений по улучшению эффективности деятельности служб по связям с общественностью МВД будут способствовать решению задач по формированию службой по связям с общественностью МВД России правовой культуры общества. Изучение механизмов формирования правовой культуры (в частности, социокультурного механизма трансляции правовой культуры), информационного и ценностно-мотивационного правового воздействия, формирования правомерного поведения, правового воспитания и осуществления правовой пропаганды являются необходимым условием для определения основных направлений деятельности службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Nizhnik N.S., Bavsun M.V., Aliev Ya.L., Astafichev P.A., Kvitchuk A.S. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. P. 01015.

2. Нижник Н.С., Алиев Я.Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 133–138.

3. Федоров А.Э. Правовые основы взаимодействия общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах с подразделениями МВД-УВД // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 2. – С. 180–184.

4. Красников В.Н. Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел с общественностью в ходе предупреждения и раскрытия преступлений // Вестник академии права и управления. – 2016. – № 2(43). – С. 52–54.

5. Смолева С.С. Общественное мнение в условиях информационной открытости общества. – Москва: МГОУ, 2008. – 120 с.

6. Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. – 2018. – № 5. – С. 52–66.

7. Нижник Н.С., Меньшикова Н.С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вест-

ник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2(36). – С. 62–66.

8. Нижник Н.С., Меньшикова Н.С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – 202 с.

9. Nizhnik N.S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. – Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251.

10. Семенова К.В., Чугунова Н.Ю. Совершенствование работы пресслужбы государственного учреждения (на примере УМВД России по ЕАО) // Постулат. – 2016. – № 12(14). – С. 281–288.

11. Сойников С.А. Некоторые аспекты повышения эффективности деятельности милицейских средств массовой информации // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 11. – С. 161–163.

12. Шакалов И.И. Информационная эффективность органов внутренних дел российской Федерации в 2008–2011 гг. // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 394–398.

13. Каверина Л.В. Средства массовой информации образовательного учреждения МВД России как корпоративные масс-медиа (на примере Белгородского юридического института МВД России) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2013. – № 1(21). – С. 85–87.

14. Каверина Л.В. Корпоративные масс-медиа как средство овладения корпоративной культурой курсантами образовательных организаций МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2013. – № 2(22). – С. 37–39.

15. Каверина Л.В., Пелюх Е.И., Старосельцева М.М., Шарутенко В.Н. Использование возможностей медиaprостранства вуза при формировании личности сотрудника органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 92–96.

16. Каверина Л.В., Чесовская М.Г. Корпоративная культура организации как научная проблема / Сборник научных трудов Белгородского юридического института Министерства внутренних дел России. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2013. С. 67–70.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Лебединская А.В.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье обосновывается необходимость совершенствования понятия и формирования перечня биометрических персональных данных на основе физиологических или биологических характеристик человека. В статье автор проводит анализ законодательного регулирования в ретроспективе последних изменений в области защиты биометрических персональных данных. Анонсированы наиболее значимые проблемы, требующие научного разрешения в целях совершенствования мер по защите указанных данных.

Ключевые слова: биометрические персональные данные, защита биометрических персональных данных, Единая биометрическая система, цифровизация, физиологические или биологические характеристики человека.

BIOMETRIC PERSONAL DATA: CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION

Lebedinskaya A.V.,

adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article substantiates the need to improve the concept and form a list of biometric personal data based on the physiological or biological characteristics of a person. In the article, the author analyzes legislative regulation in retrospect of recent changes in the field of biometric personal data protection. The most significant problems that require scientific resolution in order to improve measures to protect the specified data are announced.

Keywords: biometric personal data, protection of biometric personal data, Unified Biometric System, digitalization, physiological or biological characteristics of a person.

Сегодня особую актуальность приобретают вопросы, связанные с обеспечением правовой защиты биометрических персональных данных. С развитием цифровизации общества практически ежедневно данные нашей биометрики находятся в пользовании. Не задумываясь об уже привычных камерах видеонаблюдения, снятии блокировки телефона с помощью отпечатка пальца, управле-

нии банковским ресурсом при помощи голоса, мы становимся участниками процессов использования и обработки биометрических персональных данных.

Сформировавшийся объем сведений, представляющих собой биометрические персональные данные, обусловил возможность создания систем идентификации и аутентификации. Использование биометрической идентификации является надежным способом установления личности, что в свою очередь затрудняет возможность противоправного использования ее личных сведений.

Непосредственно защита объекта строится на его определении, четком и понятном изложении характеристик. Сегодня определение биометрических персональных данных закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Так, в законе под биометрическими персональными данными принято понимать сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных [1].

В таком понимании рассматриваемого определения к данной категории персональных данных может быть отнесен значительный перечень биометрических характеристик человека, и этот факт осложняет правоприменительную деятельность в области защиты биометрики граждан. Однако законодательного разъяснения в данном вопросе на сегодняшний день не выработано. В этом направлении ранее предпринимались попытки. В настоящий же момент перечень биометрических персональных данных изложен в письме Минцифры России от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074-24059 «О методических рекомендациях». Минцифры России определило, что к биометрическим персональным данным относятся физиологические параметры (дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес и др.) и иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе его изображения (фотография и видеозапись), в частности фотографические изображения обучающихся, сотрудников и посетителей организации, поскольку они характеризуют физиологические и биологические особенности человека [5]. Важен тот аспект, что письмо Минцифры России носит рекомендательный характер и указывает лишь основные направления в определении перечня биометрических персональных данных. В самой методической рекомендации допускается употребление термина «другие», что также не конкретизирует перечень, а лишь предоставляет свободу в определении физиологических и биологических особенностей как биометрических персональных данных. И пока данный перечень не будет разработан, сложно говорить о совершенствовании системы административно-правовой защиты таких данных.

При этом, несмотря на неразрешенную проблему в вопросе формирования перечня биометрических персональных данных, в рассматриваемой области началась фундаментальная законодательная работа. В 2022 году Правительством Российской Федерации принят ряд законопроектов, которыми регламентируются вопросы сбора и обработки биометрических персональных данных.

В частности:

– постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2022 г. № 1066 «О размещении физическими лицами своих биометрических персональных данных в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» [2];

– постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2022 г. № 1067 «О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» [3];

– постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 1089 «Об утверждении Положения о единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» [4].

Вышеуказанными нормативными правовыми актами законодательно закреплено право на добровольное инициативное размещения физическими лицами биометрических персональных данных в Единой биометрической системе, условия и сроки их использования. Причем важно отметить и технический аспект этой процедуры, теперь это право гражданина может быть реализовано через мобильное приложение Единой биометрической системы.

Интерес вызвал и тот факт, что ответственность за сохранность и неразглашение сведений, связанных с применением мобильного приложения, в том числе сведений, используемых ими для доступа к мобильному устройству, возложена на самих физических лиц. Они самостоятельно отвечают за все действия, производимые ими с использованием мобильного приложения и сведений, используемых ими для доступа к мобильному приложению (логины, пароли, коды) [2].

Оборот статистических биометрических данных используется в различных сферах жизни. В связи с этим существует ряд неразрешенных проблем в рамках обеспечения взаимодействия государственных органов, банковских организаций, иных учреждений и граждан Российской Федерации при предоставлении отдельных услуг с использованием биометрических персональных данных. На современном этапе в Российской Федерации наибольший объем полномочий по организации работы с биометрическими персональными данными возложен на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Однако правоприменительная практика показала, что необходима выработка мер по усилению госконтроля в области правовой защиты биометрических персональных данных.

В соответствии с этим в закон о персональных данных был внесен ряд изменений, направленных на совершенствование правовой защищенности субъектов персональных данных, а также усиление государственного контроля.

В частности, операторам вменена обязанность незамедлительно информировать уполномоченные органы власти об инцидентах с принадлежащими операторам базами персональных данных. С 30 до 10 дней сокращены сроки исполнения операторами запросов органов власти и граждан по вопросам, связанным с незаконной обработкой персональных данных. Также предусмотрен прямой запрет операторам отказывать гражданам в оказании услуг, если те не согласны предоставить свои персональные данные (в том числе биометрические), но при условии, что такое предоставление не является обязательным.

Согласно изменениям операторы также должны будут прекратить дальнейшую обработку персональных данных по требованию их владельца в 30-дневный срок. Одновременно вводится ограничение на обработку биометрических персональных данных несовершеннолетних.

Так, принятые в 2022 году законодательные решения определили векторную политику в вопросах административно-правовой защиты биометрических данных. Таким образом, институт взаимодействия в области защиты указанных данных продолжает развиваться, и его задача состоит в повышении эффективности процесса и обеспечении его безопасности, а соответственно и определения полномочий органов внутренних дел Российской Федерации в рассматриваемой сфере.

При этом отметим, что область применения биометрических персональных данных постоянно расширяется. Их использование способствует увеличению возможности получения услуг посредством дистанционного доступа. И этот факт напрямую влияет на возможность увеличения противоправных действий в области обработки биометрических персональных данных, что требует создания дополнительных мер и гарантий по их защите.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451. – Ч. 1.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2022 г. № 1066 «О размещении физическими лицами своих биометрических персональных данных в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 25. – Ст. 4336.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2022 г. № 1067 «О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 25. – Ст. 4337.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 1089 «Об утверждении Положения о единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 26. – Ст. 4475.

5. Письмо Минцифры России от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074-24059 «О методических рекомендациях» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Жуков М.Н. Обоснованность использования биометрических данных в криминалистической науке: история вопроса и проблемы правовой защиты персональных данных // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12-4(114). – С. 164–167.

7. Золоева З.Т., Койбаев Б.Г., Золоев С.Т. Правовые основы использования биометрических персональных данных / Новеллы права и политики 2018: материалы Международной научно-практической конференции. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 70–74.

8. Сергутина К.М. Развитие единой биометрической системы в России, ее недостатки и способы защиты персональных данных / Финансовая грамотность населения: проблемы, региональные практики и перспективы развития: сборник статей по материалам Межрегиональной научно-практической конференции. – Калуга: ИП Карпов А.Н., 2021. С. 273–279.

**ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ
В.В. ИВАНОВСКОГО**

Ломова Т.В.

(Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: предметом исследования явились проблемы местного самоуправления в государственно-правовой концепции Виктора Викторовича Ивановского (20 октября 1854 г. – 18 августа 1926 г.). В статье рассмотрены интерпретация В.В. Ивановским понятия «местное самоуправление», его периодизация процесса становления местного самоуправления в отечественном государстве, охарактеризован вклад ученого в развитие местного самоуправления. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (исторический, системный, функциональный) и специальные методы правовых исследований (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: В.В. Ивановский, местное самоуправление, государственное управление, земская реформа, местный налог.

**QUESTIONS OF THE ORGANIZATION OF LOCAL
SELF-GOVERNMENT IN THE STATE-LEGAL CONCEPT
OF V.V. IVANOVSKY**

Lomova T.V.

(Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

Abstract: the subject of the study was the problems of local self-government in the state-legal concept of Viktor Viktorovich Ivanovsky (October 20, 1854 – August 18, 1926). The article examines V.V. Ivanovsky's interpretation of the concept of "local self-government", its periodization of the process of formation of local self-government in the domestic state, characterizes the contribution of the scientist to the development of local self-government. The methodological basis of the research was made up of general scientific methods (historical, systemic, functional) and special methods of legal research (formal legal, historical legal, comparative legal).

Keywords: V.V. Ivanovsky, local self-government, public administration, zemstvo reform, local tax.

Ивановский Виктор Викторович (20 октября 1854 г. – 18 августа 1926 г.) – видный российский ученый, юрист и социолог.

В.В. Ивановский имел широкий круг научных интересов, изучал различные проблемы социологии, политологии, истории, юриспруденции.

В.В. Ивановский является автором монографий, лекционных курсов, многочисленных научных и научно-публицистических статей, очерков и проблемно-тематических сборников, до сих пор сохраняющих актуальность для теории, методологии и в изучении политических институтов общества.

Центральное место в исследованиях В.В. Ивановского занимали проблемы местного самоуправления. Отец В.В. Ивановского работал в уездной земской администрации во время проведения земской реформы 1864 г. Перспективы развития органов местного самоуправления были предметом семейных обсуждений. Именно они определили интерес В.В. Ивановского к исследованию местного самоуправления. Неслучайно темой магистерской диссертации по специальности «полицейское право», которую В.В. Ивановский защитил в Казанском университете в 1882 г., стала тема «Опыт исследования деятельности органов земского местного самоуправления в России». Для изучения опыта местного самоуправления в зарубежных странах В. В. Ивановский был направлен на стажировку в Европу (1883–1884 гг.), после окончания которой подготовил и успешно защитил в Казанском университете докторскую диссертацию на тему «Организация самоуправления во Франции и Пруссии».

Вторая половина XIX в. была важным этапом развития юридической мысли, касающейся местного самоуправления и организации деятельности на местах полиции [1; 2]. В.В. Ивановский полагал, что в России в конце XIX в. местное управление носит государственный характер: «местное самоуправление есть государственное управление, субъектом которого является, в качестве юридической личности, общественный союз, ограниченный известной территориальной сферой, объектом же – интересы и потребности этого союза» [3, с. 400].

Составляющими элементами местного самоуправления В.В. Ивановский считал:

- государственное управление;
- субъект местного самоуправления – общественный союз;
- объект местного самоуправления – интересы и потребности союза.

Государственное управление, интересы и потребности союза образуют политический фактор. А общественный союз составляет социальный фактор, который имеет непосредственное отношение к организации органов местного самоуправления. Взаимосвязь этих факторов и определяет содержание самоуправления, закрепляя актуальные задачи государства [4, с. 221–222] и определяя модели взаимоотношений государства и гражданина [5, с. 750–759].

Опираясь на результаты сравнительно-правового анализа зарубежного и российского государственного управления, В.В. Ивановский выделял две стадии в становлении местного самоуправления:

- централизация управления в период становления государственного строения, для которой характерно увеличение административной власти от окраины к центру, выстраивание вертикали власти;

– децентрализация управления и развития самоуправления, которая складывается уже в состоявшемся государстве, и характеризуется переходным процессом увеличения «административной власти от центра к периферии» [6, с. 227–228].

Генезис местного самоуправления в отечественном государстве осуществлялся в периоды раннефеодального распада Руси, централизации и децентрализации государственной власти. В становлении местного самоуправления В.В. Ивановский выделил периоды, к которым отнесены:

- домосковский;
- период Московской Руси;
- время правления Петра I;
- первая половина XIX в.;
- земская реформа 1864 г.

В.В. Ивановский отмечал, что итоги земской реформы 1864 г. – возникновение земских учреждений и развитие общественного управления. Хотя итогами проведения реформы были и отрицательные моменты – выборная система органов местного самоуправления, которая давала преимущество дворянскому сословию и, значит, ставила под вопрос реализацию местных интересов.

В.В. Ивановский был убежден в необходимости децентрализации государственной власти, аргументируя это тем, что она:

– исключала чрезмерное вмешательство центрального аппарата в местное самоуправление, которое часто не учитывало интересы и особенности местной жизни;

– распределяла нагрузку между органами государственного управления, освобождая тем самым государственные органы от необходимости решения вопросов местного характера;

– учит органы местного самоуправления самостоятельно справляться с поставленными задачами и нести ответственность за их исполнение;

– способствует политическому развитию граждан.

Финансовая деятельность органов местного самоуправления, отмечал В.В. Ивановский, имеет два аспекта: общегосударственный и местный (общегосударственный – указывает на то, что налогообложение устанавливается государством; местный – свидетельствует о том, что при взимании налогов важно учитывать экономическое развитие местности, природные богатства и возможности населения). Разумным местным налогом В.В. Ивановский считал подоходный налог, который «в своем чистом виде есть налог на совокупность всех доходов, поступающих в распоряжение какого-либо лица» [7, с. 42–43], который позволяет облагать любые доходы, гарантирует участие всех жителей местности в финансовой деятельности и соизмеряется с уровнем дохода жителей.

Ни одно государство, утверждал В.В. Ивановский, не может обходиться без органов местного управления. Деятельности высших органов государственного управления недостаточно для управления всей страной; необходимы местные или земские органы управления, приближенные к народу, понимающие его потребности, учитывающие его интересы.

Таким образом, В.В. Ивановский внес важный вклад в развитие теории местного самоуправления, фактически заложив основы отечественного муниципального права. Несмотря на наличие отдельных исследований, посвященных идеям отечественных полицейстов второй половины XIX в. [8; 7; 9; 10; 5; 11; 12; 13; 14] и взглядам В.В. Ивановского на вопросы местного самоуправления [15; 16], его теоретическое наследие до настоящего времени должного осмысления не получило, поэтому требует его анализа современными учеными и уяснения его потенциала для преобразования государственно-правовой системы современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства / Современные проблемы общей теории права: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. – Алматы: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. С. 13–26.

2. Морозова Е.Н., Нижник Н.С. Реформирование российской полиции: плюрализм подходов к осуществлению в середине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 30–39.

3. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ее органы. Ч. 2. Местные установления. – Казань, 1898.

4. Нижник Н.С. Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции / под ред. В.Л. Кубышко: в 2 ч. Ч. 1. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. С. 220–240.

5. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 750–760.

6. Ивановский В.В. Исторические основы земского управления в России. Вопросы государственоведения, социологии и политики. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 399 с.

7. Ивановский В. В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. – Казань: Казан. ун-т, 1882. – 325 с.

8. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А.И. Елистратова. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 376 с.

9. Козинникова Е.Н. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения в России в конце XIX – начале XX века в оценке представителей школы «возрожденного естественного права» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1(81). – С. 26–36.

10. Нижник Н.С., Никифорова С.А. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 232 с.

11. Nizhnik N.S. Police-law theory on the regulation of public relations in the police state // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. P. 1826–1835.

12. Чукаев Т.О. Омnipотенция «общественного права» в оценке М.М. Шпилевского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2(94). – С. 31–41.

13. Егоров Н.Ю. Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И.Т. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1(93). – С. 17–26.

14. Козинникова Е.Н. Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1(93). – С. 27–35.

15. Нигматуллин А.Р., Циунчук Р.А. Проблемы формирования и эволюции местного самоуправления в трудах В.В. Ивановского (80–90-е годы XIX века) // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2010. – Т. 152. – Кн. 3. – Ч. 2. – С. 79–88.

16. Стрекалин А.В. Проблемы государственного управления в теоретическом наследии В.В. Ивановского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1(69). – С. 37–40.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ СРЕДНЕГО УРОВНЯ РЕАГИРОВАНИЯ

Лукьянова И.Ю.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье проводится анализ прав и свобод человека и гражданина в контексте введения среднего уровня реагирования на территориях субъектов Российской Федерации. Представляются различные точки зрения ученых на интерпретационную проблему правовых ограничений. Рассматривается понятие специальных правовых режимов с точки зрения конституционного права. В статье прослеживаются общие признаки специальных правовых режимов и среднего уровня реагирования.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод человека и гражданина, специальный правовой режим, средний уровень реагирования.

RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF AN AVERAGE LEVEL OF RESPONSE

Lukyanova I.Yu.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the rights and freedoms of man and citizen in the context of the introduction of an average level of response in the territories of the subjects of the Russian Federation. Various points of view of scientists on the interpretative problem of legal restrictions are presented. The concept of special legal regimes is considered from the point of view of constitutional law. The article traces the common features of special legal regimes and the average level of response.

Keywords: restriction of human and civil rights and freedoms, special legal regime, average level of response.

Конституция Российской Федерации закрепляет в качестве важнейшей ценности государства права и свободы человека и гражданина. Однако в ней допускается возможность их ограничения федеральным законом, а также в условиях военного или чрезвычайного положения.

Интерпретационный смысл правовых ограничений в современной юридической науке не сводится к единому мнению. Согласно точке зрения Д.М. Брыкина ограничение прав и свобод человека и гражданина понимается в контексте законодательно урегулированных условий, запрещений и обязанно-

стей, направленных на стеснение реализации правовых возможностей личности и сужение круга вариантов дозволенного поведения путем увеличения полномочий государственных органов и иных должностных лиц [5, с. 10]. А.В. Колокольцев рассматривает институт правовых ограничений как защитный механизм прав и свобод одних лиц от произвольного вмешательства других [7, с. 22]. Представленной точки зрения придерживается А.Н. Сквозников, утверждающий, что в целях защиты прав и свобод общества необходимо применять сдерживающие правовые меры по отношению к отдельным лицам [13, с. 230].

Исходя из анализа научной литературы, можно сделать вывод, согласно которому правовые ограничения приобретают различный интерпретационный смысл в зависимости от контекстного содержания: правозащитный, ущемляющий, оценочный, функциональный и другие. Так, в условиях специальных правовых режимов в области конституционного права ограничение прав и свобод человека и гражданина приобретает, в первую очередь, правозащитную направленность государства.

Содержание правового института специальных режимов не находит отражения в нормативных правовых источниках Российской Федерации, однако теоретический аспект данного термина исследуется многими учеными в области конституционного права. Большую значимость представляет мнение В.Б. Рушайло, который под специальным правовым режимом понимает форму государственного управления, допускающую введение временного ограничения прав и свобод человека и гражданина, направленную на обеспечение безопасности личности, общества и государства [10].

В учебном материале в контексте употребления института специальных правовых режимов акцент делается на обеспечении национальной безопасности государства от внешних угроз [5, с. 115]. А.Ф. Майдыков и В.В. Овчинников интерпретируют данный термин как форму правового регулирования общественных отношений, применяемую в экстремальных условиях с помощью специальных юридических средств [8, с. 14]. Некоторые авторы, такие как А.В. Малько и А.П. Лиманская, рассматривают специальный правовой режим с точки зрения модификации общего правового режима, допускающего введение как дополнительных прав, так и их ограничений [9, с. 122]. Исследованием указанного вопроса занимались также Е.Е. Новичкова и М.М. Шахмаев, которые отмечали, что специальный правовой режим представляет собой совокупность правил, регулирующих конкретную сферу деятельности, направленных на удовлетворение интересов субъектов права [10, с. 63].

Так, исходя из анализа научной литературы, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует единого понятия специальных правовых режимов. При этом стоит подчеркнуть, что каждая представленная дефиниция включает в себя индивидуальные характеристики данной правовой категории в зависимости от ее содержания и наполнения. На наш взгляд, наиболее приемлемым определением специального правового режима в области конституционного права является следующее: специальный правовой режим – это установленный нормативными правовыми актами особый порядок функционирования органов государственной власти и общественных отношений, реализации

прав и свобод человека и гражданина, обусловленный наступлением на территории страны или ее части исключительных обстоятельств.

Научная литература предоставляет различные виды специальных правовых режимов в финансовой, трудовой, таможенной, правовой, налоговой, земельной областях [12, с. 285]. Конституция Российской Федерации закрепляет два специальных правовых режима, в рамках которых подвергаются ограничению права и свободы человека и гражданина: военное и чрезвычайное положение [1]. Однако интересен тот факт, что с 19 октября 2019 года впервые в законодательный и гражданский оборот было введено понятие «средний уровень реагирования», который, наряду с вышеупомянутыми специальными режимами, предусматривает определенные правовые ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Средний уровень реагирования введен на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» [3]. Нормативный правовой акт устанавливает особый порядок функционирования органов власти на территории перечисленных субъектов с возможностью ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в контексте функционирования на территориях вышеупомянутых субъектов приобретает правозащитный смысл. Средний уровень реагирования предполагает введение особого режима работы объектов транспортной инфраструктуры, обеспечивающих передвижение населения в пространстве, а также перевозку грузов. Так, реализация права человека и гражданина на свободу передвижения претерпевает некоторые лишения в связи с введением режима временного ограничения полетов на территориях, граничащих с Украиной.

Ограничению права на свободу передвижения в условиях среднего уровня реагирования подвергаются лица определенной категории – иностранные граждане и лица без гражданства, сотрудники правоохранительных органов. В связи с этим на территории субъекта Российской Федерации может быть принято решение о введении временных ограничений на въезд и выезд транспортных средств, что связано с усилением пропускного режима.

Средний уровень реагирования также предусматривает возможность временного отселения жителей в безопасные районы, что является примером ограничения права на выбор места пребывания и жительства. В ст.8 закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» устанавливаются исключительные случаи, в рамках которых указанное право может быть ограничено [2]. Стоит отметить, что введение среднего уровня реагирования не отнесено законодателем к исключительным случаям, однако сам режим предусматривает наличие таких ограничений в содержании подзаконного акта, вынесенного Президентом Российской Федерации.

В случае вынужденного отселения жителей в безопасные районы органы государственной власти субъекта обязаны предоставить стационарные или временные жилые помещения. Принятие решения о местах временного размещения граждан относится к компетенции Комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности на региональном уровне. При этом принудительное отселение граждан из мест их постоянного проживания или временного пребывания не допускается. В случае несогласия гражданина с вводимыми ограничениями он имеет право на отказ от вынужденного отселения с предоставлением письменного документа, заверенного его подписью.

Подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на законодательное отсутствие правовой регламентации института режима среднего уровня реагирования, он обладает признаками специальных правовых режимов. Ограничения прав и свобод человека и гражданина, вводимые в рамках среднего уровня реагирования на территориях некоторых субъектов Российской Федерации, имеют исключительно правозащитный смысл и непосредственно направлены на защиту жизни и здоровья граждан, а также обеспечение безопасности населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (ред. от 01.07.2021) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227.

3. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Российская газета. 2022. № 238.

4. Астафьева Е.В. Понятие специального режима ограничения прав и свобод граждан // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 3(84). – С. 79–82.

5. Бахрах Д.Д. Административное право России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности Юриспруденция. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2011. – 622 с.

6. Брыкин Д.М. Принципы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Бизнес в законе. – 2010. – № 4. – С. 8–11.

7. Колокольцев А.В. Конституционно-правовое регулирование экономической миграции в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2014. – 33 с.
8. Майдыков А.Ф., Овчинников В.В. О понятии и введении особых правовых режимов в целях обеспечения безопасности граждан Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2(38). – С. 11–15.
9. Малько А.В., Лиманская А.П. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 6(95). – С. 120–124.
10. Новичкова Е.Е., Шахмаев М.М. Понятие и виды специальных правовых режимов // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2018. – № 4(14). – С. 62–64.
11. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2004. – 347 с.
12. Се Н.Л. Правовые режимы: понятие и виды / Право и правопорядок: приоритетные направления развития: сборник научных трудов. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 280–286.
13. Сквозников А.Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 222–240.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Лукьянчикова В.В.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье осуществлен анализ представлений о целях уголовного процесса, единая концепция которых отсутствует, что препятствует формированию единой системы целей уголовного судопроизводства и представлений о средствах их достижения. Особое внимание уделяется исследованию генезиса представлений о целях уголовного судопроизводства, что необходимо для выяснения причин расхождения во взглядах на цели одной и той же регулируемой уголовно-процессуальным законом деятельности.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, цель уголовного судопроизводства, задачи уголовного судопроизводства, защита интересов личности, общества и государства.

PROBLEM ASPECTS OF DETERMINING THE OBJECTIVES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Lukyanchikova V.V.,

adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the ideas about the goals of the criminal process, the unified concept of which is missing, which prevents the formation of a unified system of goals of criminal proceedings and ideas about the means to achieve them. Particular attention is paid to the study of the genesis of ideas about the goals of criminal proceedings, which is necessary to clarify the reasons for the divergence of views on the goals of the same activity regulated by the criminal procedure law.

Keywords: purpose of criminal proceedings, intention of criminal proceedings, tasks of criminal proceedings interpretation, protection of the interests of the individual, society and state.

Понятие, сущность, система целей и задачи российского уголовного судопроизводства длительное время порождают дискуссии в научном сообществе. Вопрос о целях уголовного судопроизводства остается актуальным ввиду их неоспоримой значимости, как методологической составляющей научных исследований во всех областях реализации уголовного судопроизводства.

В конце XIX и начале XX века среди исследователей данного вопроса преобладало мнение о двух уровнях целей уголовного судопроизводства. Так, в сочинении Я.И. Барышева «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству», опубликованном в 1841 году, определено, что уголовное судопроизводство – это «объем всех тех действий, которые должны предпринять следователь и судья для того, чтобы или открыть преступление и преступника им наказать его сообразно его вины, удовлетворить через это требования правды, или открыть невинность подсудимого, поставить его под защиту правды и справедливости». При определении цели Барышев Я.И. писал, что «главная цель уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы исследовать и открывать учиняемые преступления и преступников подвергать заслуженному наказанию. Цель каждого отдельного уголовного процесса заключается в том, чтобы собрать материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины или невинности изобличаемого в каком-либо преступлении лица» [3, с. 41–47]. Таким образом, прослеживается, что к первому уровню целей относились интересы общества и государства, то есть публичный интерес, а второй рассматривался с точки зрения защиты и реализации прав конкретных участников уголовного судопроизводства в рамках каждого уголовного дела – частный интерес.

В советский период времени двойственный подход также не отрицался, хотя акценты были явно смещены в сторону публичных интересов государства, при этом часто имело место упоминание об уголовном судопроизводстве как инструменте реализации классовой политики государства, отдающей приоритет общественному (публичному) над частным (личным). Рассуждая о современном этапе изучения данных категорий, на наш взгляд, особое внимание целям и задачам уголовного судопроизводства уделялось в период действия УПК РСФСР 1960 года. При этом следует отметить, что в отличие от действующего УПК РФ, УПК РСФСР в ст. 2 были закреплены в качестве задач быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона с целью назначения виновным лицам справедливого наказания и обеспечения защиты от необоснованного привлечения к уголовной ответственности невинных лиц. Также в данной статье было обозначено, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития» [2].

По мнению С.Ф. Шумилина «законодательное определение задач уголовного судопроизводства послужило импульсом для теоретических исследований, направленных на определение цели (целей) уголовного судопроизводства, в основу которых был положен анализ содержания ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР)» [7, с. 29]. В своей работе, посвященной определению целей следственной деятельности и средствам их достижения, С.Ф. Шумилиным был осуществлен обширный анализ представлений о целях уголовного судопроизводства на различных исторических этапах отечественного законодательства. Данная необходимость возникла в связи с отсутствием за-

конодательного закрепления системы целей следственной деятельности, что не позволяло осуществить детальный анализ ее теоретической концепции.

Ведь именно понимание промежуточных и итоговых целей уголовного судопроизводства должно быть положено в основу как главный ориентир для формирования представления о целях всех его стадий и соответственно деятельности, осуществляемой в их рамках.

Ученые-процессуалисты при анализе положений УПК РСФСР 1960 года, касаемо целей уголовного судопроизводства, делятся на две группы.

К первой группе относятся ученые, отграничивающие понятие целей и задач. При этом отдельные авторы придерживаются позиции, что целью является некое итоговое достижение, которое может быть достигнуто посредством реализации конкретных задач. Хотя и в данном подходе нет единства. Так, например, П.А. Лупинская и В.Г. Дремова определяют целью уголовного судопроизводства установление объективной истины по уголовному делу, которая достигается посредством реализации задач, обозначенных законодателем в ст. 2 УПК РСФСР. По мнению В.И. Власовой, цели и задачи уже изложены законодателем, она пишет о том, что в ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР закреплены задачи, а в части второй этой же статьи – цели уголовного судопроизводства. При этом решение задач уголовного судопроизводства предопределяет достижение его целей [5, с. 28].

Вторая группа ученых придерживается мнения о том, что нет необходимости разделять цели задачи, а зачастую и функции уголовного судопроизводства. Представителями данной группы авторов является К.Ф. Гуценко, А.Д. Бойков, П.С. Элькинд. При этом П.С. Элькинд обосновывала нецелесообразность разделения данных категорий отсылкой к общепринятым философским положениям о едином подходе к целям и задачам, дифференцируя их по срокам (цели на перспективу или на ближайшее исполнение), стадиям и масштабам реализации (цели каждой из стадии или уголовного судопроизводства в целом).

С принятием действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации противоречащих друг другу суждений среди исследователей не убавилось. В действующем УПК РФ отсутствует прямое указание на цели и задачи уголовного судопроизводства. При этом в главе 2 появилась ст. 6, которая определяет назначение уголовного судопроизводства как: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [1]. Таким образом, законодатель ввел абсолютно новую формулировку, что также разделило научное сообщество на две группы. Первая группа говорит о том, что формулировка «назначение уголовного судопроизводства» абсолютно не корректна и не может считаться альтернативным для понятий цели и задачи, а вторая группа говорит о том, что нововведение отражает новые тенденции и приоритетные направления в уголовном судопроизводстве России, особую роль уделяя его состязательности, как государства, провозгласившего главной ценностью права человека и гражданина.

К представителям первой группы относятся А.А. Давлетов и Н.В. Азаренок, по мнению которых «различия «назначения» и «цели» заключаются в следующем. Все, что используется человеком в его повседневной и социальной жизни, имеет свое предназначение, свою ценность. Ложка – для еды, дом – для проживания, школа – для обучения, полиция – для охраны общественного порядка, суд – для правосудия и т.д. Назначение – это определение того, для чего дан человеку тот или иной предмет, какую человеческую потребность он удовлетворяет. Поэтому назначение ни к чему не обязывает, оно лишь информирует субъекта о значимости объекта. Другое дело – цель. В философии цель определяется как идеальный, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия или деятельность; их идеальный внутренне побуждаемый мотив» [6]. Таким образом, термин «назначение уголовного судопроизводства» представляется слишком размытым понятием, определяющим лишь область применения норм уголовно-процессуального права, и к симбиозу целей и задач, то есть итоговому результату (цели) достигаемой при реализации конкретных задач, прямого отношения не имеет.

Наиболее ярким представителем второго подхода является Е.Б. Мизулина, которая также принимала активное участие в разработке нового УПК РФ. Данный автор отождествляет понятие назначения и целей уголовного судопроизводства и аргументирует обоснованность содержательной части ст. 6 тем, что в советский период времени приоритеты в уголовном судопроизводстве были направлены на борьбу с преступностью, а защита прав и свобод граждан рассматривались как второстепенные, в связи с чем требовалось четкое обозначение для правоприменителей, воспитанных на советской концепции о приоритете прав человека.

На наш взгляд, позиция первой группы исследователей наиболее обоснована, взаимозаменяемость понятий «назначение уголовного судопроизводства» и «цели уголовного судопроизводства» некорректна ввиду различной сущности данных значений, приведенной выше. Также следует согласиться с Шумилиным С.Ф., который критически оценивает содержание ст. 6 УПК РФ и при этом отмечает, что «возникает вопрос о целях уголовного судопроизводства в тех случаях, когда нарушенные преступлением права восстановить невозможно (например, право на жизнь, нарушенное в результате умышленного убийства или причинения смерти по неосторожности, и др.) либо преступлением не нарушены права конкретных лиц и организаций (например, по уголовным делам о контрабанде, даче взятки и др.)» [7, с. 49].

Таким образом, на протяжении длительного времени наблюдается существенное расхождение во взглядах на цели одной и той же регулируемой уголовно-процессуальным законом деятельности, которые должны быть установлены уголовно-процессуальным законом.

В научной литературе предложен широкий спектр разнообразных целей уголовного процесса, но представить общую концепцию в настоящее время затруднительно, что препятствует формированию представления о средствах достижения целей уголовного процесса.

В этой связи наиболее ясной видится идея о формировании общих целей уголовного судопроизводства исходя из целей его концептуальных стадий. При этом цели должны быть нормативно закреплены, отражать итоговый результат уголовно-процессуальной деятельности на всех стадиях уголовного судопроизводства и быть применимыми как руководящие начала при осуществлении уголовного судопроизводства уполномоченными субъектами, а также понимания своего уголовно-процессуального положения и гарантий прав вовлекаемых участников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – Санкт-Петербург, 1841.
4. Верещагина А.В. О цели уголовного судопроизводства // Вестник ТГУ. – 2006. – № 292.
5. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов, 1988.
6. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2013. – № 1 (306).
7. Шумилин С.Ф. Следственная деятельность: цели и средства достижения: монография. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. – 128 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦА, СКЛОННОГО К ВООРУЖЕННОМУ НАПАДЕНИЮ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Мамедов Ш.Г.,

адъюнкт

(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассмотрены факты совершения вооруженных нападений в образовательных организациях в России и за рубежом. Анализируются психологические особенности лица, склонного к совершению исследуемого деяния. В результате изучения субъектов совершения противоправных деяний установлены некоторые черты личности, характеризующие лицо как потенциально способное к совершению акта вооруженного нападения в образовательной организации. Делается вывод, что для обеспечения безопасности образовательной организации и своевременного предупреждения акта вооруженного нападения необходимо знать особенности личности потенциального «скулшутера» и заблаговременно выявлять сигналы, указывающие на вероятность совершения противоправного деяния.

Ключевые слова: девиантное поведение, скулшутинг, профилактика преступлений, насилие в образовательных организациях.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A PERSON PRONE TO ARMED ATTACK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Mamedov Sh.G.,

adjunct

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article considers the facts of armed attacks in educational organizations in Russia and abroad. The psychological characteristics of a person prone to committing the studied act are analyzed. As a result of studying the subjects of unlawful acts, some personality traits have been established that characterize a person as potentially capable of committing an act of armed attack in an educational organization. It is concluded that in order to ensure the safety of the educational organization and timely prevention of an act of armed attack, it is necessary to know the personality of a potential "school shooter" and to identify signals in advance indicating the likelihood of committing an unlawful act.

Keywords: deviant behavior, school shooting, crime prevention, violence in educational organizations.

В настоящее время все чаще из средств массовой информации поступает информация о совершении жестоких преступлений в виде вооруженных нападений в образовательных организациях. При этом нападению подвергаются не только школы, но и детские сады, организации специального образования и высшие учебные заведения. Такие нападения вызывают большой резонанс, так как преступник, применяя оружие, зачастую совершает нападение, сопровождающееся беспорядочными безжалостными убийствами большого количества людей.

На мировой арене известны многие случаи вооруженных нападений в образовательных учреждениях, в результате которых пострадало большое количество как обучающихся и преподавательского состава, так и случайных лиц, находившихся на территории образовательной организации. Средства массовой информации окрестили данное явление понятием «School shooting» (далее – скулшутинг), что дословно переводится как «Школьная стрельба». В определении «скулшутинга» содержится ряд особенностей, характеризующих это преступление.

Сейчас возникла острая необходимость в разработке идей, концепций, технологий, позволяющих предупредить вооруженное насилие в образовательных учреждениях. Но для того, чтобы результативно реализовать предупредительные меры, необходимо составить портрет личности потенциального «скулшутера».

Эксперты в области изучения вооруженных нападений в образовательных организациях в ходе многолетних исследований пришли к выводу, что невозможно сложить единообразную картину, отображающую все признаки, указывающие, что тот или иной человек способен совершить акт насилия. Как правило, социальные и психологические портреты личностей нападавших различаются, имея ряд схожих особенностей, а именно – стремление к массовости убийства и, зачастую, выбор того образовательного учреждения, в котором они учатся или учились, в качестве места совершения акта насилия.

Для того, чтобы разобраться в причинах, которые привели человека к совершению столь агрессивного акта насилия в объектах образования, рассмотрим ряд особенностей личности, склонной к девиантному поведению.

Трудности адаптации в коллективах

Низкий порог стрессоустойчивости. Постовалова Г.И. отмечает, что термин «адаптация» в науке психологии означает «перестройку психики индивида под воздействием объективных факторов окружающей среды, а также способность человека приспособливаться к различным требованиям среды без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой» [1, с. 18–19]. Изучаемая в нашей работе категория лиц зачастую сталкивается с трудностями в общении с коллективом, присутствует резкая, неуместная реакция на критику, шутки, замечания в их сторону. В большинстве случаев высказанная в сторону лица информация воспринимается неверно, интерпретируется необдуманно. Чаще всего ответная реакция резкая и краткосрочная. Отмечая трудности восприятия коллектива, адвокат Трунов И.Л. в прениях сторон в ходе судебного разбирательства над «первым скулшутером России» Гордеевым С.В. отметил:

«Обидно ему становилось, когда он сталкивался с людьми, у которых есть свое мнение, а он не любит дискуссии, так как это пустая трата времени. Ему не всегда было интересно в школе, так как учителя пытались навязать ему свое мнение» [2].

Отсутствие гибкости

В случае приобретения человеком того или иного негативного жизненного опыта, разочарования из-за неудачного стечения обстоятельств необходимым качеством гармонично развитой личности является рациональный анализ случившегося, выделение тех или иных вариантов причин произошедшего, а также перспективный взгляд на будущее. В случае с потенциальным «скулшутером» происходит накопление негативных мыслей, с которыми зачастую он ни с кем не делится, не имеет желания разобраться в них, считая, что все трудности не решаемы либо решаемы исключительно радикальным путем.

Отчуждение

Одной из немаловажных психологических характеристик изучаемой личности является отчуждение от общества. В современной науке вопрос отчуждения в общественных отношениях отождествляется с противопоставлением собственного «Я» другим людям, группам людей и обществу в целом. У лица появляется изолированность от мнения общества, конфликт с окружающим миром. Как правило, личность принимает на себя роль «противника, антагониста», считая свою персону достойной большего, чем может дать ему общество. Согласно наблюдениям, большая часть лиц, совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях, проявляли крайнюю форму отчуждения от общества.

Нарциссизм

Заниженная самооценка «скулшутера» зачастую приводит к проявлению нарциссизма. Возникает желание выделиться в коллективе, в большинстве случаев методами, не свойственными здоровой личности. Чаще всего человек пытается привлечь к себе внимание неуместными, порой грубыми, шутками, неожиданной агрессией, неадекватной реакцией на проблемы других людей в коллективе.

Непоколебимость идей и самоуверенность

Лицо, склонное к совершению вооруженного нападения в образовательной организации, в большинстве случаев имеет некую идею, о которой имеет смутное представление. Однако правонарушитель твердо убежден в том, что данная идея является верной. В случае возникновения споров в коллективах, человек не способен адекватно воспринимать идеи, мысли, утверждения других людей, будучи заочно уверенным, что именно он является правым в любой ситуации. Исходя из совершенных актов «скулшутинга» на мировой арене, можно пронаблюдать, что большая часть нападавших совершали акции массовых убийств, стараясь доказать свою правоту через столь радикальные меры, так как иного варианта решения они не рассматривали. Так, 19 января 2018 года в школе № 5, расположенной в поселке Сосновый Бор в Республике Бурятия, подросток Антон Бичивин, поддерживающий ультраправые экстремистские идеи, совершил нападение на учеников и учителей, после чего поджег класс и

предпринял попытку суицида. Было установлено, что Бичивин желал отомстить учителю и сверстникам, которые не поддерживали его взглядов на мир.

Сигналы

Американский эксперт-психолог, изучающий феномен скулшутинга, в интервью издательству «Голос Америки» отметил, что «стрельбу в школах можно предотвратить, если вовремя заметить указывающие на возможную атаку тревожные сигналы» [3].

Стоит отметить, что потенциальные «скулшутеры» склонны к высказыванию своих намерений. Иногда высказывания носят случайный характер в виде оговорок, оплошностей, но чаще всего «скулшутер» намеренно сообщает свои планы в виде намеков на угрозы, прогнозирования предстоящего нападения либо напрямую высказывается о своем намерении. Также исследуемой категории лиц свойственно написание записок, писем, сочинений, ведение дневников, а также ведение блогов в социальных сетях, где он напрямую высказывает свое намерение на совершение нападения в образовательной организации.

Таким образом, для того, чтобы обеспечить безопасность образовательной организации, необходимо следить за психоэмоциональным состоянием всех субъектов образования, на ранней стадии выявлять особенности, сигнализирующие о возможном акте вооруженного нападения. Знание аспектов личности позволит своевременно выявлять потенциальных «скулшутеров» на этапе формирования умысла на нападение, а также повысить безопасность образовательного процесса в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постовалова Г.И. О факторах, определяющих адаптационную способность человека / Психологические и социально-психологические особенности адаптации студентов. – Ереван, 1973. С. 18–19.

2. «Школьный стрелок» – Выступления в прениях, заявление о представлении в адрес МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trunov.com/presscentr/news/shkolnyj_strelok_vystuplenija_v_prenijah_zajavlenie_o_predstavlenii_v_adres_mvd_rf/.

3. Питер Лэнгман: потенциальных убийц лучше распознавать заранее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.golosameriki.com/a/expert-peter-langman-on-us-school-shootings/4618451.html>.

4. Дизер О.А., Сургутсков В.И. Гражданское оружие: законодательное регулирование оборота: практическое пособие [Электронный ресурс]. – Москва, 2011.

**УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА:
АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ
ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ**

Меняйло Л.Н.,

кандидат политических наук;

Беляев И.И.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: современная судебная практика содержит большое количество дел в рамках искового производства по вопросу установления отцовства. При этом иски в рамках данных дел сопровождаются требованием о восстановлении либо реализации какого-либо права. Следовательно, процедура установления отцовства приводит к возникновению юридических последствий для ответчика. Данный факт обуславливает необходимость исследования рассматриваемой процедуры с целью обеспечения возможности объективной оценки всех обстоятельств по каждому конкретному делу.

Ключевые слова: установление отцовства, добровольное, судебный порядок, признание.

**ESTABLISHMENT OF PATERNITY:
ANALYSIS OF LEGISLATION AND PRACTICE
OF ITS APPLICATION**

Menyaylo L.N.,

Candidate of Political Science;

Belyaev I.I.

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: modern judicial practice contains a large number of cases in the framework of the claim proceedings on the issue of establishing paternity. At the same time, claims in these cases are accompanied by a requirement to restore or exercise any right. Consequently, the procedure for establishing paternity leads to legal consequences for the defendant. This fact makes it necessary to study the procedure in question in order to ensure the possibility of an objective assessment of all the circumstances in each specific case.

Keywords: establishment of paternity, voluntary, judicial procedure, recognition.

Рождение ребенка автоматически является фактом возникновения правоотношений между ребенком и родителем. Например, независимо от воли субъектов с рождением ребенка у родителей возникают права и обязанности по отношению к нему и т.д.

Конечно, семейное право, как и иные отрасли права, в настоящее время имеет ряд законодательных пробелов, в связи с чем возникают определенные трудности по регулированию возникающих общественных отношений. Наиболее дискуссионной сферой регулирования отношений в рамках семейного права является процедура установления отцовства.

Данная проблема обусловлена следующими негативными тенденциями: рождение детей вне законно оформленных брачных отношений; низкий уровень культуры, воспитания и осознанности лиц по отношению к своим детям и т.д. [7, с. 371].

В настоящее время можно выделить две формы признания отцовства: добровольную и принудительную (в судебном порядке). Что касается добровольной формы, то в данном случае, как правило, существенных законодательных пробелов не просматривается.

Рассмотрим две типичные ситуации в рамках добровольного установления отцовства. «Если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное» [3]. Следует отметить, что под иными ситуациями в данном случае понимаются такие факты, которые могут быть положены в основу оспаривания отцовства в судебном порядке, что, конечно, выделяется в качестве исключения. В данном случае основанием для установления отцовства является запись об их браке.

Если же родители не состоят в браке, но при этом у них рождается ребенок, то в таком случае установление отцовства происходит по заявлению обоих родителей в орган записи актов гражданского состояния. При этом в законе установлены случаи, когда отцовство может быть установлено только по заявлению отца (смерть матери, ее недееспособность и др.) с согласия органа опеки или разрешению суда.

Допускается возможность установления отцовства вне брака до рождения ребенка, при этом родители должны в достаточной мере обосновать неотложность процедуры.

Если ребенок достиг совершеннолетия, то признание отцовства в отношении него может быть только с его согласия (кроме случаев признания его недееспособным) [3].

Как показывает практика, все трудности по вопросам признания отцовства кроются именно в недобровольной форме, то есть при соблюдении судебного порядка. Недобровольная (судебная) форма предполагает принудительное возложение на отца определенных прав и обязанностей, что несет за собой соответствующие юридические последствия.

В рамках Семейного кодекса Российской Федерации установление отцовства в судебном порядке происходит посредством искового производства и особого производства. Нормативное регулирование указанных производств предусмотрено гражданским процессуальным законодательством.

Непосредственно разграничение видов производств, а именно разделение понятий факта признания отцовства и факта отцовства закреплено более детально в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «В случае смерти лица, которое признавало себя отцом ребенка, родившегося 1 марта 1996 года и позднее, но не состояло в браке с его матерью, суд в соответствии со статьей 50 СК РФ вправе в порядке особого производства установить факт признания им отцовства» [5]. То есть процедура особого производства не имеет своей целью решение какого-либо спора о праве, а скорее направлено на защиту прав, свобод и интересов ребенка.

Чаще всего в судебной практике возникают споры в рамках искового производства (если есть спор о праве, например, праве на алименты). «В случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке между собой, и при отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия» [3]. При этом заявление одного из указанных субъектов подкрепляется соответствующими доказательствами.

Стоит отметить, что процесс доказывания в рамках различных видов судопроизводств представляет некоторые сложности, которые в наиболее объективной мере просматриваются в процессе оценки судебной практики. Непосредственно, в ст. 49 СК РФ указано, что суд при рассмотрении дела об установлении отцовства может принимать во внимание любые достоверные доказательства. Положение данной статьи является слишком обобщенным и требует конкретизации. Отдельные моменты, которые связаны с процессом доказывания в рамках признания отцовства, отражены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». На основе анализа указанного документа выделим некоторые критерии оценки доказательств.

1. Круг доказательств сужен до рамок гражданского судопроизводства и ограничен ч. 1 ст. 55 ГПК РФ.

2. Предусмотрены случаи, когда судом может быть назначена экспертиза, однако нельзя только на основе заключения эксперта принимать решение. Данное заключение является лишь элементом всей совокупности доказательств, каждое из которых должно быть рассмотрено.

3. Отказ от прохождения экспертизы должен рассматриваться судом в каждом конкретном случае. В зависимости от сопутствующих обстоятельств решается вопрос об учете данного отказа или нет.

Рассмотрим два случая из судебной практики по установлению отцовства.

Демьянова А.А. обратилась в суд с иском, в котором, с учетом увеличенных требований, просит установить факт отцовства в отношении нее; признать за истцом право на наследство, оставшееся после смерти Никифоровой Н.В., умершей 23 мая 2019 г., в порядке наследственной трансмиссии.

В данном случае просматривается два элемента, которые подтверждают необходимость рассмотрения дела именно в исковом производстве: требование установления факта отцовства и конкретное исковое требование о признании права на наследство.

При рассмотрении дела судом была назначена экспертиза, результатом которой стало следующее заключение эксперта: «вероятность не менее 99,93%, что является биологическим отцом Демьяновой» [6]. Так как в рамках дела не было обстоятельств, которые бы указывали на недостоверность экспертизы, то судом было принято решение об установлении отцовства.

Так как в рамках рассмотренного выше дела не было представлено существенных доказательств, то судом была назначена экспертиза. Однако она требуется не во всех случаях.

Например, Карандеева Н.Н. обратилась в Калининский районный суд Краснодарского края с исковым заявлением к ответчику Сюрда В.Е. об установлении отцовства, в котором указано, что в августе 2011 года истец познакомилась и начала совместно проживать с ответчиком. Брак между ними зарегистрирован не был. От ответчика родилась дочь Карандеева А.Н. [7].

В качестве доказательства в рамках данного дела была рассмотрена справка администрации Гривенского сельского поселения, которая подтверждает состав семьи, в которую также входит и ответчик. Таким образом, судом было принято решение об установлении отцовства.

Таким образом, в рамках данной статьи был рассмотрен важный вопрос, который касается непростой процедуры установления отцовства. На основе анализа законодательства нами было выделено два основных вида отцовства: добровольное и по судебному решению. Однако каждая форма требует детального изучения всех обстоятельств конкретного дела ввиду сложности правового регулирования некоторых процессуальных моментов.

Конечно, в рамках судебной практики большой интерес представляют случаи судебного установления отцовства, а именно процесс доказывания данного факта. Судебная практика показала, что суды принимают во внимание различные достоверные доказательства с учетом конкретной сложившейся обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российская газета. – 2017. – № 110.

5. Решение Шебекинского районного суда Российской Федерации по делу № 2-398/2020 -М-253/2020 от 15 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/HYzYUQ0ml45m/?regular-txt=®ular>.

6. Решение Калининского районного суда Российской Федерации по делу № 2-503/2020 от 6 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/uLmlbKGjtsZw/?page=2®ular-court=®ular>.

7. Черкашина М.И. Правовое регулирование оспаривания отцовства и материнства // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 1. – С. 371.

8. Бодрова Е.А. Обзор применения законодательства Российской Федерации в отношении процедуры установления биологического родства между предполагаемым отцом и ребенком // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2014. – № 3. – С. 159–163.

9. Инжева Б.Б., Очиров О.Г. Особенности установления отцовства по законодательству Российской Федерации // Аграрное и земельное право. – № 3(171). – С. 79–81.

10. Краснова Т.В., Алексеева Е.В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 426–440.

11. Кузнецова И.Ю. Установление отцовства в судебном порядке // Вестник Саратовской государственной юридической академии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 1. – С. 73–76.

12. Шумакова А.И., Томбулова Е.Г. К вопросу об установлении отцовства // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 2. – С. 161–164.

СУЩНОСТЬ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОПЕРАТИВНО-СЛЕДСТВЕННОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЕЕ ОТЛИЧИЯ ОТ ЭКСПЕРТНО-СУДЕБНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Морозов А.П.,

адъюнкт

(Ростовский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются сущность и общая характеристика оперативно-следственного отождествления человека, а также его отличия от экспертно-судебной идентификации в условиях современной правовой действительности. Кроме этого, предлагается перечень правил, который составляет модель процесса отождествления личности. Автор раскрывает понятия «следственное отождествление личности» и «экспертно-судебная идентификация».

Ключевые слова: идентификация личности, оперативно-следственное отождествление человека, экспертно-судебная идентификация, молекулярно-генетическая экспертиза, установление личности, ДНК.

THE ESSENCE AND GENERAL CHARACTERISTICS OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE IDENTIFICATION OF A PERSON, ITS DIFFERENCES FROM EXPERT-JUDICIAL IDENTIFICATION

Morozov A.P.,

adjunct

(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article examines the essence and general characteristics of operational and investigative identification of a person, as well as its differences from expert-judicial identification in the conditions of modern legal reality. In addition, a list of rules is proposed, which forms a model of the process of identification of a person. The author reveals the concepts of «investigative identification of personality» and «expert-judicial identification».

Keywords: identification of a person, operational and investigative identification of a person, forensic identification, molecular genetic examination, identification of a person, DNA.

Идентификация личности выступает одним из способов установления истины в уголовном судопроизводстве. Причем установление личности преступника или потерпевшего – одна из важнейших задач правоохранительных орга-

нов. Для решения этой задачи применяются методы следственного отождествления и экспертно-судебной идентификации [1, с. 388–389]. Зачастую эти понятия используют в теоретических положениях и на практике как синонимы, однако их можно разграничить. Так, отождествление представляет собой деятельность по установлению личности или лица, совершившего преступление:

- 1) на основе оперативной идентификации,
- 2) через самопредставительство человека, подтверждаемое документами или свидетелями,
- 3) на основе следственной идентификации, то есть при предъявлении для опознания.

Деятельность по следственному отождествлению личности представляется, несомненно, важной в практике правоохранительных органов, позволяющей наиболее быстро и относительно просто установить личность при расследовании преступлений, не прибегая к помощи экспертов. Тем не менее, следователь (дознатель) при проведении следственного отождествления сталкивается с рядом проблем. Одной из важнейших проблем выступает отсутствие подозреваемого или обвиняемого как такового, что не позволяет провести отождествление. Решение этой проблемы заключается в привлечении сотрудника оперативно-розыскных органов, с целью отыскания лица, подлежащего отождествлению [5, с. 49].

Методам идентификации преступников уделялось большое значение во все времена. Экспертно-судебная же идентификация (судебно-медицинская и экспертно-криминалистическая) применяется в наиболее затруднительных случаях, с привлечением эксперта, и только на основании постановления о назначении судебной экспертизы. Одной из относительно новых экспертиз является молекулярно-генетическая экспертиза. Она появилась благодаря открытию, сделанному в 1984 году английским ученым А. Джейфрисом. Ему удалось установить, что общая структурная организация минисателлитной ДНК оказалась индивидуальной для каждого человека. Такая уникальность ДНК позволила в дальнейшем успешно проводить идентификационные экспертизы в рамках экспертно-криминалистической практики [2, с. 206–210].

В процессе проведения молекулярно-генетической экспертизы исследуется генетический материал ДНК с целью определения родства между людьми, идентификации личности или идентификации биологических организмов, а также рассмотрением генного материала в качестве доказательства при расследовании каких-либо тяжких преступлений. Иными словами суть генетической экспертизы заключается в выявлении индивидуальных особенностей генетики любого человека. Подобный подход выгодно отличается от иных подходов идентификации человека своей точностью [3, с. 32–38].

Возможности генетической экспертизы включают в себя установление принадлежности следов биологического происхождения конкретному лицу, идентификацию личности неопознанного трупа, подтверждение либо опровержение родства [4, с. 215–217].

При проведении генетической экспертизы эксперты не исследуют всю цепочку ДНК, не расшифровывают ввиду того, что на 99% молекулы одинаковы у всех без исключения людей. А вот оставшиеся 0,1% как раз и определяют индивидуальные особенности каждого человека, и они-то и исследуются экспертами при проведении генетической экспертизы. Полное совпадение этой 0,1% ДНК практически невозможно. Вероятность этого составляет 1 на 100 миллионов миллиардов! Кроме того, геномной информации присуще уникальное постоянство и стабильность, она сохраняется в неизменном виде в течение всей жизни и много после нее.

Исследуемый экспертами участок ДНК, так называемый, локус, представляет собой сильно изменяющийся короткий повторяющийся набор нуклеотидов – тандемный повтор. Они могут быть как длинными, так и короткими, но исследуются в основном короткие, так они в меньшей степени подвержены распаду под воздействием неблагоприятных факторов окружающей среды. Кроме того, чем короче тандемный участок, тем проще его проанализировать и изучить, и, следовательно, меньше вероятность допустить ошибку при проведении экспертизы.

Следственное отождествление выступает основным инструментом при решении задач правоохранительных органов по установлению личности преступников и зачастую происходит с привлечением дополнительных сил и средств.

В проведении следственного отождествления важным является проведение диагностики, а именно, установить различные признаки и проявления человека: пол, возраст, внешность, состояние психики и организма, способности, навыки, деятельность, взаимоотношения с окружающими и множество других признаков. Осуществлять проведение следственного отождествления необходимо с учетом некоторых особенностей, позволяющих выработать единый подход к установлению личности.

Таким образом, мы можем выделить примерный перечень правил, составляющих некую модель процесса отождествления:

1. Объектом следственного отождествления всегда выступает некое лицо.
2. Следственное отождествление проводится по отображениям признаков, отражающих устойчивые свойства личности, мало подверженные изменениям.
3. Следственное отождествление может проводиться при производстве любого следственного действия, а также до возбуждения уголовного дела любым участником доказывания.

Экспертно-судебная же идентификация не обладает вышеперечисленными особенностями. Для нее характерны другие правила, а именно:

1. Ее объектом выступает не только лицо, но и другие объекты, непосредственно связанные с личностью, такие как следы рук и ног, генетический материал, части организма человека и т.д.
2. Специальный субъект проведения идентификации – судебный медик либо эксперт-криминалист.
3. Ограниченная сфера действия – только по постановлению следователя (дознавателя), с целью получения судебных доказательств.

На основании всего вышеизложенного можно сделать выводы о том, что следственное отождествление личности – процесс установления тождества человека на основе неэкспертных методов. Экспертно-судебная идентификация – установление принадлежности идентифицируемого объекта к идентифицирующему экспертными методами с применением специальных познаний.

Таким образом, на настоящий момент следователь (дознатель) в своей деятельности обладает двумя основными методами идентификации личности: следственным отождествлением личности и возможностью проведения экспертно-судебной идентификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колдин В.Я. Судебная идентификация. – Москва: ЛексЭст, 2002. – 528 с.
2. Морозов А.П. Кровь как объект молекулярно-генетической экспертизы: проблемы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – № 1(100). – С. 206–210.
3. Морозов А.П. Актуальные проблемы становления и развития молекулярно-генетической экспертизы / Инновационные подходы в решении научных проблем: сборник трудов по материалам X Международного конкурса научно-исследовательских работ. – Уфа: Вестник науки, 2022. С. 32–38.
4. Морозов А.П. О возможностях реализации исследования ДНК в условиях современной правовой действительности / Первый Международный форум по борьбе с преступностью: сборник статей. – Москва: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 215–217.
5. Перевозчиков И.В., Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет: История, методы, результаты // Вестник Московского университета. Серия XXIII «Антропология». 2016. № 1. С. 49.

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИММУНИТЕТОВ

Навалиев Н.М.,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье анализируются иммунитеты, предоставляемые уголовным и уголовно-процессуальным правом. Выделяются их характерные черты и особенности. Проводится сравнительное исследование уголовного и уголовно-процессуального иммунитетов.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, иммунитет, неприкосновенность, особый правовой режим, особая правовая процедура.

THE RATIO OF CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURAL IMMUNITIES

Navaliev N.M.,

adjunct

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the immunities granted by criminal and criminal procedure law. Their characteristic features and peculiarities are highlighted. A comparative study of criminal and criminal procedural immunities is being conducted.

Keywords: criminal law, criminal procedure, immunity, inviolability, special legal regime, special legal procedure.

Вопрос соотношения норм уголовного материального и процессуального права в контексте иммунитета лиц, указанных в главе 52 УПК РФ, уже поднимался в ученом сообществе. Например, А.В. Красильников прямо отмечал, что отсутствие материально-правовых норм, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности отдельных категорий лиц в уголовном законе, является основанием для признания незаконного характера требований уголовно-процессуального законодательства, регулирующих особый порядок судопроизводства, предусматривающий возможность освобождения от уголовной ответственности по решению административного органа. В качестве практической рекомендации, позволяющей разрешить рассматриваемую правовую коллизию, им предлагалось внести изменения в перечень общих условий освобождения от уголовной ответственности, определенных в Общей части УК РФ. В частности, гла-

ву 11 УК РФ предлагалось дополнить нормой, в соответствии с которой лицо, указанное в пунктах 1, 3–5, 9 и 10 части 1 статьи 448 УПК РФ, при определенных условиях может быть освобождено от уголовной ответственности по решению соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей. Таким образом, автор пытался согласовать требования процессуального и уголовного законодательства в части, касающейся реализации отношений уголовной ответственности отдельных категорий привилегированных субъектов [1, с. 139–140].

В свою очередь, А.Г. Репьев пишет, что в корне неверно смешивать особый правовой порядок производства по уголовному делу в отношении отдельной категории лиц, закрепленный главой 52 УПК РФ, как способ реализации особой правовой процедуры, с правовым иммунитетом. По его мнению, глава 52 УПК РФ регламентирует лишь усложненную процедуру производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Ни о какой неподверженности обязанностям и ответственности речи не идет, как в случае с иммунитетом [2, с. 349].

Соглашаясь с автором в том, что особый правовой порядок и иммунитет – это разные правовые феномены, мы вынуждены заметить, что предложенное автором понимание особой правовой процедуры слишком широко и фактически включает в себя любые особые процессуальные производства. Из размышлений автора вытекает, что иммунитет – это феномен исключительно материального права. Получается так, что традиционное понимание уголовно-процессуального иммунитета оказалось как бы заблуждением, ведь на самом деле это особая правовая процедура привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц.

Исходя из такого понимания вопроса, следует, что есть уголовно-правовой иммунитет, например, депутата Государственной Думы и особая правовая процедура привлечения к уголовной ответственности. По нашему мнению, при такой постановке вопроса мы идем по пути удвоения сущностей. Ведь если мы признаем, что иммунитет есть неподверженность ответственности (в нашем случае уголовной) и он не может быть преодолен, то наличие какого-либо особого порядка привлечения к такой ответственности просто лишается всякого смысла. Лица, перечисленные в главе 52 УПК РФ, не имеют никакого иммунитета от уголовной ответственности. Более того, вынесение обвинительного приговора суда в отношении депутата Государственной Думы констатирует как факт наличия основания уголовной ответственности – совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, – так еще и служит основанием для досрочного прекращения его полномочий (п. «д» ч. 1 ст. 4 ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») [3].

В связи с этим, необходимо отметить тот факт, что иммунитет установлен не от ответственности. Иммунитет защищает от незаконного и необоснованного уголовного преследования [4, с. 9–13]. Принципиально важным для устойчивого развития правового государства является запрет на использование в политической борьбе за власть мер уголовной репрессии. Дело здесь не в значимо-

сти выполняемой определенными высшими должностными лицами функции, а в том, чтобы в борьбе за эти должности конкретные лица или группы лиц не могли использовать меры репрессии. Печальный же опыт такой борьбы в истории России уже был.

Между тем, мы, признавая социальную значимость уголовно-процессуального иммунитета и его соответствие нравственным основам уголовного судопроизводства, а именно основам равенства справедливости и гуманизма, считаем, что его уголовно-правовой аналог этим принципам соответствовать не будет. Вместо этого такой уголовно-правовой иммунитет будет скорее напоминать индульгенцию, выданную за «правильную» позицию определенного депутата.

Тут нам, конечно же, могут возразить, что иммунитет от преследования – это ровно такая же индульгенция, только выданная на более раннем этапе. Ведь действительно, если не может быть начато даже преследование, то о какой же ответственности может идти речь.

В качестве контраргументов подобной позиции отметим, что принципиальная разница здесь заключается в степени осведомленности о наличии основания уголовной ответственности – преступлении. Орган, принимающий решение о лишении лица уголовно-процессуального иммунитета, оценивает обоснованность подозрений в адрес своего коллеги. В случае если такие подозрения вполне обоснованы, то единственный вариант, возможный в правовом государстве, это лишение неприкосновенности для полноценного расследования. В то время как признавая возможным освободить лицо от уголовной ответственности (наличие у него уголовно-правового иммунитета), мы исходим из того, что ее основание уже установлено. Поэтому отказ от лишения уголовно-процессуального иммунитета, в случае обоснованности подозрения, есть не что иное, как факт злоупотребления предоставленными законом привилегиями. В то время как признание за этими лицами уголовно-правового иммунитета – это возведение возможности такого злоупотребления над законом. Именно признание за определенным государственным органом возможности установления круговой поруки несмотря ни на что и будет являться привилегией, нарушающей принцип равенства. Уголовно-правовой иммунитет здесь вопреки принципу справедливости будет орудием элитаризма правящей элиты, что недопустимо в правовом государстве.

Давайте представим, органы предварительного расследования, добившись лишения процессуального иммунитета депутата Государственной Думы, собрали доказательства, на основании которых этот депутат был признан виновным в совершении преступления. Однако Государственная Дума отказывает в лишении его уголовно-правового иммунитета и освобождает такое лицо от установленной судом уголовной ответственности за совершенное им преступление. Вполне очевидным нам кажется тот факт, что такой отказ, будь он возможен, не соответствует нравственным основам уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Красильников А.В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 242 с.
2. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2019. – 529 с.
3. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 28. – Ст. 3466.
4. Алексеев И.М. К вопросу о сущности уголовного судопроизводства / Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2017. С. 9–13.

ДОВЕРИЕ В ПРАВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Напольских И.М.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению доверия в праве с точки зрения ценностного подхода. Акцентируется внимание на потенциале применения аксиологической методологии в правовых исследованиях. Автор отмечает, что рассмотрение права в ценностном измерении нередко затрагивают феномены, которые могут быть рассмотрены в моральном контексте. В то же время подчеркивает, что по мере развития общественных отношений и укрепления границ между правом и моралью доверие в праве также видоизменилось. В данной работе доверие рассматривается в аспекте собственной и инструментальной ценности. Кроме того, оно представлено в индивидуальном, институциональном и системном ценностном измерении.

Ключевые слова: доверие, доверие в праве, правовые ценности, аксиологическая методология, ценности в праве, мораль и право.

TRUST IN LAW: AXIOLOGICAL APPROACH

Napolskikh I.M.,

adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: this article is devoted to the consideration of trust in law from the point of view of the value approach. Attention is focused on the potential application of axiological methodology in legal research. The author notes that the consideration of law in the value dimension often affects such phenomena that can be considered in a moral context. At the same time, he emphasizes that with the development of public relations and the strengthening of the boundaries between law and morality, trust in law has also changed. Also in the work, trust is considered in the aspect of its own and instrumental value. In addition, it is presented in an individual, institutional and systemic value dimension.

Keywords: trust, trust in law, legal values, axiological methodology, values in law, morality and law.

Рассмотрение правовых феноменов в ценностном измерении – важная составляющая научных трудов в области права. А.И. Клименко справедливо отмечает, что существует множество исследований, предполагающих рассмотре-

ние права в контексте функционально-инструментального подхода, потенциал которого во многом уже выработан. Он также обозначает, что аксиологическая методология способна сегодня компенсировать недостатки социологических и позитивистских подходов к праву [1, с. 102].

Правовые исследования, в которых применяется аксиологическая методология, нередко затрагивают феномены, которые могут быть представлены не только в качестве категории права, но и морали. Это во многом объясняется их единой природой, заключенной в человеческой сущности [2]. Одной из таких категорий является доверие, которое может быть представлено как в качестве моральной, так и правовой ценности.

К.Е. Сигалов отмечает, что «право и мораль, взятые именно в единстве, являются атрибутом западного мироощущения» [3]. Это в полной мере относится к категории доверия. Его проявления можно проследить в английском праве справедливости, которое сложилось к XIV веку. Примечательно, что уже тогда оно обладало как собственной, так и инструментальной ценностью. В то же время данный феномен стал важным элементом эффективного функционирования судебной системы.

По мере развития общественных отношений и укрепления границ между правом и моралью доверие в праве также видоизменилось. Мы приходим к выводу, что доверие можно разделить на два вида: правовое и моральное.

Правовое доверие обладает такими специфическими чертами, как наличие гарантий реализации ожидаемых моделей поведения, существование конкретных оснований для его возникновения и возможность юридического закрепления доверительных отношений (к примеру, путем заключения договора). Представляется, что различие между правовым и моральным доверием по большому счету можно свести к отличительным чертам рационального и эмоционального аспектов данного феномена. Правовое доверие в большей степени связано с рациональной его составляющей, поскольку имеет реальное основание (в виде гарантий).

Правовое доверие обладает как собственной, так и инструментальной ценностью. Собственная ценность состоит в снижении напряжения в правоотношениях, которое порождается наличием определенных рисков. В данном контексте следует отметить, что возникновению доверия способствует существование правовых гарантий, которые повышают степень уверенности в реализации ожидаемых моделей.

Инструментальная ценность состоит в том, что при наличии доверия можно достичь иных целей. К примеру, повысить эффективность действия правовых установлений и качества реализации государственно-властных функций.

Также доверие в ценностном измерении можно рассмотреть в межличностном, институциональном и системном контексте.

Так, на межличностном уровне, ценность правового доверия состоит в повышении эффективности правовой коммуникации (так как риски, связанные с тем, что желаемые модели правоотношений не будут реализованы, существенным образом снижаются). Примером в данном случае может служить заключение гражданско-правового договора, предусматривающего конкретные

условия его реализации и соответствующие положения об ответственности в случае их нарушения.

Рассмотрение доверия в системном или институциональном контексте сводится к его изучению с точки зрения инструментального подхода, где доверие выполняет различные функции: компенсирующую, стабилизирующую, организационную. В данном случае оно может выступать условием реализации государственно-правовых, институциональных или системных целей.

Стоит согласиться с позицией, обозначенной А.Н. Кокотовым, о том, что «ценностная составляющая совокупной общественной рефлексии, безусловно, содержит в себе элемент доверия» [2, с. 33]. Наличие изучаемого феномена в формате глобальных систем дает возможность осуществить прогнозирование в части их развития и сделать это с высокой степенью точности. В то же время доверие позволяет обеспечить должную реализацию правовых моделей поведения, в том числе в условиях применения непопулярных мер.

Таким образом, рассмотрение доверия в праве в качестве ценности позволяет говорить о его богатом сущностном и инструментальном содержании. В то же время можно говорить о том, что различные его проявления являются примером существования в праве морального компонента, который, тем не менее, существенным образом трансформируется под воздействием условий правового пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 4(87). – С. 102–107.

2. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: монография / репр. изд. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 192 с.

3. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 391 с.

4. Сигалов К.Е. Идеино-ценностные основы формирования западноевропейского права // Пространство и Время. – 2015. – № 1–2(19–20). – С. 24–31.

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, ПРИЧИНЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ЗНАЧИМОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

Недостуепенко Т.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: при установлении случаев нарушения норм административного законодательства от должностного лица требуется незамедлительная реакция, направленная на пресечение данного факта. Необходимо не только пресечь правонарушение, если оно находится в стадии – происходящее, но также установить виновное лицо, доказать факт причастности и устранить условия, способствовавшие совершению правонарушению.

Объективно говоря, административное расследование как самостоятельное направление административной деятельности получает свое начало с момента совершения действий, содержащих признаки административного правонарушения в определенных сферах и областях или предусмотренных ст. 28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), а также при совершении правонарушений, предусмотренных конкретными статьями КоАП РФ. Расследование включает в себе комплекс мероприятий, требующих длительных временных затрат, что вызвано спецификой противоправного поступка или сложностью общественных правоотношений.

Целью статьи выступает необходимость в проведении анализа непосредственно понятия и причин, указывающих на важность и необходимость проведения данной административной процедуры.

Ключевые слова: административное расследование, правонарушение, административное производство, административный процесс.

THE CONCEPT OF ADMINISTRATIVE INVESTIGATION, REASONS INDICATING SIGNIFICANCE AND THE NEED FOR ITS IMPLEMENTATION

Nedostypenko T.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: when establishing cases of violation of the norms of administrative law, an official is required to immediately respond, aimed at suppressing this fact. It is necessary not only to stop the offense if it is in the stage of occurring, but also to identify the guilty person, prove the fact of involvement and eliminate the conditions that contributed to the commission of the offense.

Objectively speaking, the administrative investigation, as an independent direction of administrative activity, begins from the moment of committing actions containing signs of an administrative offense in certain areas and areas, or provided for in Art. 28.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), as well as when committing offenses provided for by specific articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The investigation includes a set of measures that require a long time investment, which is caused by the specifics of the illegal act, or the complexity of public legal relations.

The purpose of the article is the need to analyze the concept itself, and the reasons indicating the importance and necessity of this administrative procedure.

Keywords: administrative investigation, offense, administrative proceedings, administrative process.

Отдельными вопросами, связанными с проведением административного расследования, занимались такие авторы, как А.А. Арзуманян, Д.Н. Бахрах, А.Н. Гуев, Ю.Н. Калюжный, Е.А. Клоков, А.А. Михайлов, А.И. Микулин, Н.Г. Салищева, В.В. Черевко, И.О. Филоненко, В.Н. Хорьков, А.Н. Щеколодкин, А.С. Телегин.

При этом в настоящее время остаются нерешенными некоторые вопросы, связанные с пониманием данного термина, его направленностью и с тем, какие именно мероприятия, требующие длительных временных затрат, необходимо проводить в рамках принятого решения об административном расследовании.

Для начала рассмотрим мнения ученых-административистов, раскрывающих понятие административного расследования.

Д.Н. Бахрах полагает, что «расследование дела, являясь начальной стадией производства по делам об административных нарушениях, представляет собой комплекс процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств нарушения, их фиксирование и квалификацию деликта» [3].

В.Н. Хорьков под административным расследованием предлагает считать «факультативную стадию производства по делам об административных правонарушениях, представляющую собой комплекс процессуальных действий, проводимых должностными лицами или органами, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, с целью собирания, исследования и оценки доказательств, необходимых для принятия решения о привлечении лица к административной ответственности либо о прекращении дела об административном правонарушении» [13].

А.Н. Гуев признает административное расследование самостоятельным правовым институтом административного права [4].

Н.Г. Салищева рассматривает административное расследование как особый порядок предварительного изучения данных, указывающих на событие административного правонарушения, однако в своей совокупности еще недостаточных для составления протокола об административном правонарушении [8].

Отталкиваясь от данных подходов и тематик работ указанных представителей административного права, не сложно понять, что речь идет как об одном из этапов при возбуждении дела об административном правонарушении, так и о механизме административно-правового регулирования. При этом четко усматриваются общие моменты в понимании данного процесса.

На данный момент анализ правовых понятий и мнений указывает в большей степени на то, что административное расследование не следует воспринимать исключительно как факультативный этап в общем ряде стадий административного производства. На это указывает принятие законодателем решения, о том, что при совершении определенных правонарушений, предусмотренных статьями 7.27, 6.1.1 КоАП РФ и т.д., а также в определенных сферах законодательства, например, антимонопольного, патентного и др., административное расследование выступает самостоятельной административно-процессуальной процедурой [1].

Общей целью административного расследования выступает сбор и фиксация материалов, их всесторонний анализ, указывающий на наличие или отсутствие состава административного правонарушения. Только проведя анализ полученных сведений, можно решить вопрос о причастности и виновности лица, в отношении которого проводится расследование. Данная процедура является основой установления истины. Ни один человек не может быть обвинен, если его вина не была доказана. В какой-то степени административное расследование выступает частью принципа невиновности. Только после этого правового института следует решать вопрос о необходимости составления административного протокола.

Полученная законным образом информация, содержащая объективные сведения о происшествии, является основанием для принятия решения о том, необходимо ли возбуждать дело об административном правонарушении и привлекать лицо к ответственности, о чем велась речь ранее, но также полученные сведения могут содержать поводы, свидетельствующие о необходимости прекращения административного производства.

Таким образом, административное расследование следует понимать как комплекс процессуальных действий, проводимых уполномоченным лицом, направленных на сбор, фиксацию значимой информации, содержащей в себе сведения, указывающие на наличие или отсутствие всех необходимых элементов состава административного правонарушения.

При этом, отталкиваясь от рассмотренной нормы, дополнительно следует акцентировать внимание, на том что необходимость принятия решения о вынесении определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования четко обозначена и исключает двоякую интерпретацию. Указанные в ст. 28.7 КоАП РФ обстоятельства свидетельствуют о необходимости проведения административного расследования, как самостоятельной процедуры.

Законодатель указывает на конкретные виды противоправных посягательств, при которых может возникнуть необходимость в проведении судебно-медицинской экспертизы, установлении потерпевших, свидетелей, допросе лиц,

проживающих в другой местности, а это указывает на то, что комплекс мероприятий требует значительных временных затрат [2].

Этот факт указывает на необходимость административного расследования, а также подтверждает тот вывод, сделанный ранее, что административное расследование включает в себе деятельность, направленную на сбор и процессуальное оформление доказательственной базы.

Стоит упомянуть и о четко установленных сроках проведения. Это указывает на логическую завершенность и однозначность в том, что противоправный факт при его наличии будет пресечен без промедления и своевременно.

Если же обратить внимание на процедуру расследования как на самостоятельный этап в рамках возбуждения дела об административном правонарушении, то хотелось бы отметить, что не следует воспринимать указанный этап как факультативный. В контексте производства именно в рамках данного этапа будет установлено, имеет ли место наличие события и состава правонарушения, что в большей степени указывает на значимость, чем на факультативность.

Таким образом, мы провели анализ такого явления, как административное расследование, закрепленное ст. 28.7 КоАП РФ. Однако даже отраженные аспекты раскрывают основные причины, по которым следует считать проведение данного расследования необходимым и значимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – № 256. – 2001.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. – № 80. – 2005.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник; 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2010. – 608 с.
4. Гуев А.Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. – Москва, 2003. 858 с.
5. Долгих И.П., Черняев Г.М. О некоторых проблемах административного расследования // *Universum: Экономика и юриспруденция*. – 2014. – № 2(3). – С. 7.
6. Дугенец А.С., Масленников М.Я. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации: монография. – Москва: ВНИИ МВД России, 2011. – 212 с.
7. Зрелов А.П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов (научно-практический комментарий к статье 28.7 КОАП РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Н.Г. Салищевой. – Москва, 2011.

9. Новиков В.П. Физические и юридические лица как потерпевшие по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 22 с.

10. Решение судьи Центрального районного суда г. Красноярска № 12-1209/2019 от 21 ноября 2019 г. по делу № 12-1209/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Султанов К.А. Вопросы возбуждения административного расследования в отношении неустановленного лица // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. – 2017. – № 3. – С.57–63.

12. Родионова Е.Ю. К вопросу о реализации административной ответственности за избирательные правонарушения // *Российский следователь*. – 2006. – № 8. – С. 53–56.

13. Хорьков В.Н., Голованов А.А. Административное расследование и предварительное расследование: тенденция сближения // *Современное право*. – 2007. – № 9. – С. 52–54.

14. Шавлохов А.К. Административное расследование – самостоятельная стадия административно-юрисдикционного процесса // *Социология и право*. – 2015. – № 1. – С. 61–77.

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ТИПИЧНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ДИСТАНЦИОННЫЕ ХИЩЕНИЯ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ

Ненашев Е.В.,

адъюнкт

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

Аннотация: в научной статье представлен авторский взгляд на классификацию личностей преступников, совершающих хищения денежных средств с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств, их особенностей и реализации в существующей частной криминалистической методике и практической деятельности.

Ключевые слова: личность преступника, кражи с банковских счетов, механизм совершения преступления, дистанционные хищения, криминалистическая методика.

FEATURES OF CLASSIFICATION OF TYPICAL PERSONALITIES OF CRIMINALS COMMITTING REMOTE THEFT FROM BANK ACCOUNTS

Nenashev E.V.,

adjunct

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

Abstract: this scientific article presents the author's view on the classification of the personalities of criminals who commit embezzlement of funds from bank accounts, as well as in relation to electronic money, their features and implementation in the existing private forensic methodology and practice.

Keywords: the identity of the criminal, thefts from bank accounts, the mechanism of committing a crime, remote theft, forensic methodology.

Одной из важнейших сфер деятельности Российских правоохранительных органов в нынешних реалиях является активное противостояние киберпреступности. Данное противостояние может выражаться в различных формах – в ведомственных нормативно-правовых актах, в межведомственном взаимодействии, в разработке более совершенных научных методик, внедрении новых технологических средств борьбы и т.д. За ширмой научных понятий, исследований и мнений, касающихся элементов криминалистической характеристики исследуемых хищений с банковских счетов, скрывается, по нашему мнению, важ-

нейший фактор, который требует дополнительного внимания в контексте разработки комплексной криминалистической методики расследования указанных преступлений.

По нашему мнению, данным фактором выступают особенности личности преступника. Представляется логичным, что во многом субъективные параметры личности преступника обуславливают и некоторые другие элементы криминалистической характеристики, как, например, механизм совершения преступления. В случае хищений с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств (ст.ст. 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ) личность преступника может играть наибольшее значение в выборе различных средств и способов совершения преступления, создавая свой неповторимый почерк.

В вопросах указанных преступлений уже существуют воззрения, касающиеся дифференциации различных способов преступлений. Так, например, А.В. Маилян разделила способы хищений с банковских счетов на два вида – бытовые и профессиональные, с целью анализа следственных ситуаций и проверки выдвинутых версий [1, с. 8–9].

В ходе анализа судебно-следственной практики, научных исследований других ученых-криминалистов, а также собственного опыта расследования указанной категории преступлений были выявлены общие факторы, позволяющие дифференцировать различные преступные подходы к совершению хищений с банковских счетов. Таким образом, была выдвинута гипотеза о наличии структурной классификации личностей преступников и избираемых ими способов подготовки, совершения и сокрытия хищений с банковских счетов.

Для подтверждения данной гипотезы, исходя из проанализированных данных, были выделены две основные группы преступников – ситуативные (ограничены определенными условиями, то есть ситуацией) и профессиональные, обладающие своим индивидуальным качественным подходом к совершению исследуемых преступлений.

Представленная классификация базируется на четырех основных факторах:

1. Социально-территориальный признак.
2. Объем и качество производимых подготовительных мероприятий со стороны преступника.
3. Локальный или массовый характер преступления.
4. Ограниченность использования способов сокрытия следов преступления или возможности иного противодействия расследованию [2, с. 94].

Фактор социально-территориального признака определяет то, имелись ли прямые контакты либо с самим потерпевшим, либо его средством платежа. Так, в случае ситуативных хищений, как правило преступник имел контакт с потерпевшим, поскольку, например, являлся его знакомым или родственником, либо оказывал ему какие-либо услуги (например, будучи таксистом, продавцом и т.д.). В альтернативных случаях контакт может быть сфокусирован только на электронном средстве платежа потерпевшего, например в случаях, когда посторонним лицом были обнаружены утерянные банковские карты или сотовый телефон последнего. В отличие от ситуативных преступников, профессиональным не нужен прямой контакт как с самим потерпевшим, так и непосредствен-

но с его электронным средством платежа. Важное значение приобретает лишь получение конфиденциальных банковских сведений потерпевшего, благодаря чему возможно осуществить дистанционную транзакцию, либо удаленно убедить его перевести денежные средства на счет преступника. Ввиду вышеизложенного профессиональный преступник может находиться не только в другом городе, но и в другой стране, обеспечивая высокую степень собственной анонимности.

Объем и качество производимых подготовительных мероприятий также разительно различаются у ситуативных и профессиональных преступников. Ситуативные преступники более ограничены в выборе подготовительных инструментов, ввиду либо спонтанности совершаемого преступления, либо ввиду собственной низкой компетентности в области работы банковских систем. Как правило, на стадии подготовки ситуативные преступники могут узнать тайно либо через самого потерпевшего о наличии у него денежных средств на банковском счете, конфиденциальных сведений, позволяющих списать денежные средства, а также определиться с тем, как похитить электронное средство платежа и др. Профессиональные преступники, чьей главной целью является систематическое получение прибыли от совершения хищений с банковских счетов, более тщательно относятся к подготовительным мероприятиям. Как показывает практика, на стадии подготовки профессиональные преступники осуществляют сбор информации о предполагаемых жертвах, а также приобретают различные подложные документы, банковские карты и SIM-карты, с целью сокрыть свою настоящую личность и местоположение. Изложенный перечень подготовительных мероприятий не является исчерпывающим и ограничивается лишь преступным опытом лица, а также сложностью представляемого механизма совершения преступления.

Количественный охват потерпевших (локальный или массовый) также является отличительным маркером профессиональных и ситуативных преступников. Ситуативный преступник, как правило, имеет умысел на кражу денежных средств с банковского счета, к которому он имеет непосредственный доступ, ввиду чего и потерпевшим становится только владелец такого счета. Однако нельзя отрицать и ситуации, когда ситуативный преступник, например, в ходе распития спиртных напитков в компании знакомых похитил у всех банковские карты с целью хищения денежных средств, находящихся на них, но даже в таком случае умысел совершения хищений охватывает только данную узкую группу людей, с которыми у него имеется контакт. В случае же профессиональных преступников круг вероятных жертв может быть неограниченным. Поиск вероятных жертв осуществляется посредством приобретения похищенных клиентских баз данных или банальным случайным набором номеров различных регионов. Также возможны случаи, когда профессиональные преступники не осуществляют целенаправленный сбор контактных сведений о потерпевших, просто размещая специальные сайты или приложения в общем доступе в сети Интернет. В таких случаях на указанный сайт может зайти также неограниченное число людей, не подозревающих об опасности введения на них своих

конфиденциальных сведений, поскольку они имеют привычную и зачастую неотличимую оболочку от официальных сервисов.

Ограниченность использования способов сокрытия следов преступления или возможности иного противодействия расследованию также являются важнейшим фактором, разделяющим ситуативные и профессиональные хищения с банковских счетов. В ходе анализа судебно-следственной практики, особенно касающейся преступлений, имеющих признаки ситуативных, можно проследить примитивность методов сокрытия следов преступления. Как правило, такие преступники ограничиваются выбрасыванием электронного средства платежа или удалением информации с сотовых телефонов, касающейся информации о списании денежных средств со счета. Кроме этого, ситуативные преступники могут перевести денежные средства на банковский счет своих супругов, знакомых или родственников, тем самым запутав будущий ход расследования. Однако указанные методы сокрытия редко представляют трудности для правоохранительных органов и легко преодолеваются в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

В противовес ситуативным преступникам профессиональные уже имеют более широкий инструментарий, предназначенный не только для сокрытия следов преступления, своей личности и местонахождения, но и для активного противодействия ходу расследования. Начиная с использования приготовленных заранее подложных банковских карт и SIM-карт, которые после нескольких использований преступники могут уничтожать, они также могут дистанционно удалять с телефона потерпевшего криминалистически значимые сведения, использовать различные сетевые анонимайзеры и технические средства со специальной прошивкой. Альтернативным вариантом сокрытия следов преступления и противодействия правоохранительным органам могут быть попытки опосредованного воздействия на ход расследования через самих потерпевших путем их убеждения.

Представленная классификация типовых личностей преступников, совершающих хищения с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств, имеет важное теоретическое значение как для теоретической дифференциации частной криминалистической методики расследования указанных деяний, так и для практической деятельности, с целью возможной сортировки зарегистрированных преступлений между районными подразделениями и специализирующимися на расследовании более сложных уголовных дел.

Говоря о дополнении частной криминалистической методики, предложенная классификация личностей преступников может помочь рассортировать существующие теоретические исследования с целью формирования отдельных подструктурных методик расследования как ситуативных, так и профессиональных хищений с банковских счетов. Кроме того, данная дифференциация может сфокусировать взгляд новых исследований на более детальные и актуальные аспекты исследований, имеющие значение для каждой типовой личности преступника.

С практической же точки зрения, с учетом последних тенденций, направленных на консолидацию различных подразделений в единые учреждения, чьей основной задачей становится раскрытие и расследование преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, предложенная классификация может помочь распределить нагрузку с районных органов внутренних

дел, в чьем производстве находится множество как ситуативных, так и профессиональных хищений с банковских счетов. Ввиду отсутствия более оперативного доступа у районных подразделений к различным информационным базам данных, криминалистическим учетам и дистанционным сервисам процент раскрываемости профессиональных хищений может значительно падать. Консолидация же указанных деяний в едином подразделении, обладающем всеобъемлющим доступом к различным оперативно-техническим решениям и с налаженной системой взаимодействия, может помочь не только повысить процент раскрываемости таких деяний, но и сформировать отдельный пласт специалистов одной области, способных эффективно и оперативно заниматься раскрытием и расследованием анализируемых деяний, не отвлекаясь на производство по делам совершенно других категорий. Раскрытие и расследование же ситуативных преступлений возможно оставить в полномочиях районных подразделений полиции, поскольку они не требуют задействования дополнительных сил и технических средств.

Необходимо также отметить, что данная классификация по большей части является условной, опираясь лишь на опыт анализа сравнительно небольшой части судебно-следственной практики, результатов устного опроса сотрудников, задействованных в раскрытии и расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий со всего Дальневосточного федерального округа.

Для подтверждения максимальной объективности предложенных нами теоретических решений требуется анализ значительной доли выработанной на территории Российской Федерации судебно-следственной практики по исследуемой категории преступлений, что требует дополнительного времени и средств с целью выявления более точных корреляций, в то же время не упуская из виду человеческий синергетический фактор, при котором выявление точных зависимостей в любом социальном процессе (частью которого также являются преступления) является невозможным.

Предложенное нами исследование является лишь попыткой взглянуть на существующие теоретические основы частной криминалистической методики расследования хищений, совершенных с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств с другого ракурса с целью упорядочивания большого количества научных данных, созданных за пару десятилетий.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что наличие различных подходов к совершению хищений денежных средств с банковских счетов, обуславливает и наличие дифференциации личностей преступников, совершающих указанные преступления. Так, простому обывателю, обладающему бытовыми знаниями о том, как совершать транзакции, имеющему корыстный умысел, направленный на хищение денежных средств со счета своего знакомого, родственника или вообще незнакомого человека, потерявшего свой кошелек или сотовый телефон, всегда проще обойтись примитивным набором средств, чтобы удовлетворить свое желание обогатиться.

В то же время лицо, или группа таковых, имея комплексный план и выработанный алгоритм совершения хищений с банковских счетов, будут использовать все доступные им средства и возможности, чтобы не только обмануть или запутать предполагаемую жертву, но и противодействовать органам предварительного расследования. Смещение вектора на отдельное исследование представленных типовых личностей преступников, по нашему мнению, может позволить создать более эффективную и совершенную систему борьбы с хищениями, совершаемыми с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маилян А.В. Совершенствование методики расследования хищения с использованием электронных средств платежа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2021. – 25 с.

2. Ненашев Е.В. Особенности личности преступника как важнейший элемент криминалистической характеристики краж, совершенных с банковского счета, а также в отношении электронных денежных средств // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 92–97.

3. Черняков С.А. Предупреждение мошенничества в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва: Академия управления МВД России, 2016. – 25 с.

СПЕЦИФИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

**Петрухина Е.А.;
Денисенко О.А.**

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в современных реалиях развития общества проблема борьбы с экстремизмом имеет глобальный характер и переживает свою эскалацию. Впервые появившись в девятнадцатом столетии, экстремизм стремительно развивается, в том числе с помощью средств массовой информации. На сегодняшний день всемирная сеть Интернет используется преступниками как средство агитации к действиям экстремистского характера, а также демонстрации результатов своей преступной деятельности. Решение проблемы борьбы с экстремизмом требует комплексных методов борьбы, в том числе на международном уровне. В Российской Федерации противодействие экстремистским проявлениям осуществляется различными органами, к которым в том числе относится полиция.

Ключевые слова: экстремизм, борьба, правоохранительные органы, полиция.

SPECIFICS OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITY BY POLICE OFFICERS

**Petrukhina E.A.;
Denisenko O.A.**

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: In the modern realities of society's development, the problem of combating extremism has a global character and is experiencing its escalation. First appearing in the nineteenth century, extremism is rapidly developing, including through the media. To date, the world wide web Internet is used by criminals as a means of agitation for extremist actions, as well as demonstrating the results of their criminal activities. Solving the problem of combating extremism requires comprehensive methods of struggle, including at the international level. In the Russian Federation, countering extremist manifestations is carried out by various bodies, including the police.

Keywords: extremism, struggle, law enforcement agencies, police.

На сегодняшний день сотрудниками правоохранительных органов активно предпринимаются меры, направленные на обеспечение общественной безопасности и общественного порядка, защиту жизни и здоровья граждан, предупреждение и пресечение правонарушений, в том числе экстремистского характера.

Правоохранительная деятельность по противодействию экстремизму имеет свою нормативную правовую регламентацию. Так, одним из первых нормативных правовых актов международного уровня по противодействию экстремизму стала Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [1], которая заключила в себе основные понятия, цели, пути содействия и оказания сотрудничества друг другу членов-государств.

Данная конвенция определяет экстремизм как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон» [1].

Обращаясь к отечественному законодательству, следует сказать, что существует ряд законов, которые регламентируют деятельность по противодействию экстремизму. Безусловно, основополагающим нормативным правовым актом является Конституция Российской Федерации [2], обладающая высшей юридической силой и закрепляющая в себе ряд концептуальных норм, устанавливающих меры по борьбе с рассматриваемым явлением. Рассмотрим лишь некоторые из них:

– запрещено создание и функционирование общественных объединений, деятельность которых направлена на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13);

– запрещаются также любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19).

Следует отметить, что одним из ключевых нормативных правовых актов в области противодействия экстремизму является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 14.07.2022) [3]. Данный закон определяет, какие действия признаются экстремистскими, устанавливает принципы, на которых основывается противодействие этим явлениям. Кроме того, формирует основные направления деятельности по противодействию экстремизму, а также его профилактики на территории страны, устанавливает ответственность за распространение материалов экстремистской направленности граждан, общественных и религиозных объединений, иных организаций, а также должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

В свою очередь, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4] регламентирует деятельность сотрудников полиции по противодействию экстремистской деятельности. В ст. 12 п. 16 данного закона говорится о том, что территориальные органы МВД России имеют обязанность принятия мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, а также граждан.

Говоря о специфике противодействия экстремистской деятельности сотрудниками полиции, следует сказать, что на данный государственный орган возлагается большой спектр задач и функций по обеспечению правопорядка и законности, вследствие чего они реализуются с помощью слаженной работы различных служб и подразделений. Однако объем выполняемых функций в области противодействия экстремизму среди субъектов будет неравнозначным. В связи с этим обратим внимание на те службы и подразделения полиции, которые наиболее активно принимают участие в противодействии экстремистским правонарушениям.

Одним из главных таких подразделений является Главное управление по противодействию экстремизму МВД России, или так называемый Центр «Э». Данный орган осуществляет полномочия по выработке и реализации государственной политики, также нормативное правовое регулирование в области противодействия экстремизму и выполняет иные функции, закрепленные нормативными правовыми актами МВД России.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определяет основные задачи и функции Центров по противодействию экстремизму. К таковым относят следующие:

- принятие профилактических мер, которые направлены на предупреждение экстремистской деятельности, а также на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Следующей службой, в чью компетенцию входит противодействие экстремистской деятельности, является патрульно-постовая служба (далее – ППС). Полномочия ППС регламентированы приказом МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» [6].

Основными функциями данного подразделения являются:

- осуществление защиты жизни граждан, их здоровья, прав, свобод и безопасности от противоправных посягательств;
- оказание помощи лицам, которые пострадали от преступных посягательств, административных правонарушений и других несчастных случаев, а также находящихся в беспомощном состоянии;

– принятие мер, направленных на пресечение противоправных действий, а также дальнейшее задержание граждан, их совершивших.

Стоит отметить, что ППСИ имеет важную роль при проведении массовых мероприятий, пресечении несанкционированных митингов и шествий, массовых беспорядков, проведение которых может быть спровоцировано экстремистскими идеями.

Немаловажным звеном в противодействии экстремистской деятельности является служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП). Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [7] регламентирует деятельность УУП, в том числе в части, касающейся осуществления противодействия экстремизму.

Так, в обязанности участкового уполномоченного входит участие в мероприятиях по противодействию терроризму и экстремизму в пределах своей компетенции. Они обязаны обращать внимание на поступающую информацию о лицах, которые занимаются распространением экстремистских материалов, а также осуществляющих их производство или хранение для дальнейшего массового распространения.

Реализация участковым уполномоченным функций по предупреждению терроризма и экстремизма, в первую очередь, осуществляется в ходе проведения им профилактического обхода закрепленного административного участка, а также индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете, что является одной из основных форм несения службы рассматриваемого должностного лица полиции [8].

Таким образом, нами были рассмотрены некоторые подразделения ОВД, которые осуществляют непосредственное противодействие экстремистской деятельности. Все они в большей или меньшей степени ведут борьбу с таким сложным социальным явлением как экстремизм.

В заключение хотелось бы сказать, что специфика противодействия экстремистской деятельности сотрудниками полиции заключается в том, что они ведут борьбу в различных формах: предупреждения экстремистской преступности либо же непосредственного пресечения ее противоправных проявлений; расследования экстремистских преступлений; их профилактики; проведения бесед с взрослыми гражданами и молодежью.

Помимо всего прочего, выполнение возложенных функций на сотрудников полиции по противодействию экстремизму требует специальной подготовки, в том числе и владение основными положениями политологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. Ст. 900.
5. Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 28.10.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 29.10.2022).
6. Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Ишмуратов П.Н. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике терроризма и экстремизма // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 135.
9. Маркова Ю.В. К вопросу о сущности экстремизма как уголовно-правового и криминологического феномена // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 290–292.

**ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ГУЛЯЕВ:
У ИСТОКОВ РАЗВИТИЯ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
В РОССИИ**

Пярн А.А.

(ОМВД России по Ломоносовскому району Ленинградской области)

Аннотация: предметом исследования явилась актуализированная часть теоретико-правового наследия российского мыслителя первой половины XIX в. Петра Николаевича Гуляева (1792–1854). В статье охарактеризован вклад ученого в развитие полицейско-правовой теории, рассмотрены взгляды П.Н. Гуляева на понятие «полиция», компетенцию органов полиции, а также его оценка состояния уголовного права в Российской империи. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (исторический, системный, функциональный) и специальные методы правовых исследований (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой). Предпринята попытка характеристики теоретико-правового наследия П.Н. Гуляева, которое до настоящего времени комплексному анализу подвергнуто не было.

Ключевые слова: П.Н. Гуляев, полиция Российской империи, полицейское право, полицейско-правовая теория, государственное управление, уголовное право Российской империи.

**PETR NIKOLAEVICH GULYAEV:
AT THE ORIGINS OF THE DEVELOPMENT
OF THE POLICE-LEGAL THEORY IN RUSSIA**

Pyarn A.A.

(Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Lomonosovsky district of the Leningrad region)

Abstract: the subject of the study is the actualized part of the theoretical and legal heritage of the Russian thinker of the first half of the 19th century Pyotr Nikolaevich Gulyaev (1792–1854). The article characterizes the contribution of the scientist to the development of the police-legal theory, considers the views of P.N. Gulyaev on the concept of "police", the competence of the police, as well as his assessment of the state of criminal law in the Russian Empire. The methodological basis of the study was general scientific methods (historical, systemic, functional) and special methods of legal research (formal-legal, historical-legal, comparative-legal). An attempt is made to characterize the theoretical and legal heritage of P.N. Gulyaev, which has not been subjected to a comprehensive analysis so far.

Keywords: P.N. Gulyaev, police of the Russian Empire, police law, police legal theory, public administration, criminal law of the Russian Empire.

В современной России «полиция находится в центре общественного внимания. Общественность предпринимает не только активные шаги в сфере контроля за эффективностью деятельности полиции, но и проявляет интерес к богатой, разнообразной, порой противоречивой истории российской полиции. А ретроспективный анализ и оценка исторического опыта российских правоохранительных органов» [1, с. 220] становится предметом исследований современных ученых. При этом «до настоящего времени осмысленной не в должной мере остается важная часть не только истории полиции, но и истории государственного управления и эволюции государственно-правовой системы – полицейско-правовая теория» [1, с. 222].

Н.С. Нижник отмечает, что формирование в России полицейско-правовой теории уходит своими корнями ко второй половине XVII в. [2, с. 15]. «Проблемы государственной власти, управления и народного хозяйства рассматривались тогда преимущественно «с абсолютистских и меркантилистских позиций»» [3, с. 752–753].

До XIX в. в России специальных исследований по полицейскому праву не проводилось, хотя отдельные вопросы организации и деятельности полиции активно обсуждались, так как имели непосредственное отношение к решению проблем организации внутренней жизни государства [4, с. 230].

С 1835 г. полицейское право начали преподавать в университетах Российской империи. В России появились первые самостоятельные труды по полицейскому праву [5, с. 323–327], в их числе – труды Петра Николаевича Гуляева (1792–1854) [6, с. 200].

П.Н. Гуляев явился автором множества произведений, основными из которых являются: «Права и обязанности городской и земской полиций и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции» (1824), «Систематическое собрание существующих прав и обязанностей управления казенных крестьян губернского, волостного и сельского» (1825), «Российское уголовное право» (1826), «О выборах дворянских и купеческих в должности по существующим законам и обрядам назначенные, с изложением прав и обязанностей избирателей и избираемых, классов должностям их присвоенных и наград за службу положенных» (1831), «Об опеках, учреждаемых на основании узаконений над именными дворян и градских жителей, по случаю малолетства и вдовства, объявления от наследников имений споров, по залогам в банковых заведениях, казенным недоимкам, безумию и сумасшествию владельцев, расточительству и накоплению долгов, жестоким поступкам господ над крестьянами своими, и по лишению дворянства и разжалованию в рядовые» (1831), «Наем услуг» (1893), «Об отношении русского гражданского права к римскому» (1894), «Право общее и местное» (1897).

В работе «Права и обязанности городской и земской полиций и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции» [8] П.Н. Гуляев представил общественности краткий исторический очерк русской полиции. Как пишет автор в предисловии, «между многими изданиями по Российскому законодательству нет еще доселе ни одного систематизированного сочинения, которое имело бы предметом Полицейское законодательство, столь нужное во всяком благоустроенном государстве. Занимаясь по склонности моей российским законоведением и руководствуясь разными юридическими сочинениями, желал я быть хотя несколько полезным для отечества; почему и решился составить книгу, которая содержала в себе мудрое законоположение по полицейской части в России» [8, с. 1].

П.Н. Гуляев предпринял попытку изложить и систематизировать законодательство, определяющее устройство полицейских органов, обратил внимание на предметы ведения полиции и права, предоставляемые гражданам.

А.В. Горожанин отмечает, что, «охарактеризовав историю Министерства полиции и подчиненных ему губернаторов, П.Н. Гуляев обратился к рассмотрению различных направлений деятельности полиции, в числе которых: благочиние, или поддержание порядка; обеспечение народного продовольствия; устройство зданий, улиц и дорог; безопасность лиц и вещей; действия полиции в случае нарушения права общественного или личного. П.Н. Гуляев, выбирая из уставов и законоположений правила, излагал их кратко, но так, чтоб не потерять сущность закона. Серьезного анализа действительности и критики существующего положения дел в его изложении нет. Точность и верность выбора материала в то время, когда еще не было полного собрания законов, логичное изложение фактов и умение лаконично представить объемные законоположения, не искажая их смысл, сделали книгу П.Н. Гуляева в то время не только полезной, но и необходимой в практической деятельности» [7, с. 34–35].

Фактически это была первая в России публикация, посвященная непосредственно полиции. П.Н. Гуляев под полицией понимал «особенное единоначалие, имеющее попечение в благочинии, безопасности и устройстве общества». Это определение понятия «полиция» автор заимствовал из работ немецкого правоведа И. Юсти. «Полиция, – отмечал П.Н. Гуляев, – по должности своей везде бдит, она сама истцом, где непорядок учинится, коль скоро предусмотрены и исчислены все случаи, производящие беспорядок. Полиции стоит только наблюдать за сим, и случаи сии отвращены будут благовременно» [8, с. 3].

В 1826 г. в Москве увидела свет работа П.Н. Гуляева «Российское уголовное право» [9]. В работе автор обращает внимание на основные этапы развития русского уголовного законодательства, анализирует уголовные законы Древней Руси. П. Н. Гуляев признает их грубыми, жестокими, несовершенновыми, объясняя это спецификой времени. В период татарского владычества автор обнаруживает существование уголовных законов как удельных, так и татарских.

Значительное внимание П.Н. Гуляев уделил вопросам уголовного права, действовавшего в начале XIX в., отмечая сложность системы действующих норм уголовного права, определяя два вида преступлений: государственные и частные. В число первых входили преступные посягательства против веры, государ-

ства, против тишины, правосудия и частных прав государства, вторых – преступления частные, опасные для многих либо конкретного лица. Автор обратил внимание на виды существующих наказаний: смертная казнь и политическая смерть; телесные наказания и публичные; лишение дворянства, чинов и доброго имени; опубликование; отсылка в казенные работы и отдача в солдаты; церковное покаяние; тюремное содержание; содержание в смиренном или работном доме, выговор, денежные штрафы» [10, с. 200], резюмируя при этом: «до сих пор мы не имеем еще настоящего, систематическим образом изложенного, уголовного права. По сим причинам, составив предлагаемую книгу уголовного права России, начертанного из существующих ныне законов, с предварительным объяснением существа древних уголовных законоположений и истории оных, я представляю все сие достопочтенным любителям законоведения и благонамеренным соотечественникам с лестною надеждою, что и сей труд, по предмету своему важный, а по изложению первый, будет принят с такой же благосклонностью, какой я пользовался при издании прежних моих трудов» [9, с. 2].

До издания «Российского уголовного права» в уголовном законодательстве отсутствовала теоретическая база, оно состояло из большого количества несистематизированных законодательных актов. На основе проведенного анализа П.Н. Гуляев смог выделить наиболее важные позиции, относящиеся к уголовному праву. «Российское уголовное право» стало одной из первых попыток научной систематизации российского уголовного права, П.Н. Гуляев был сторонником регламентации всех сфер жизни путем издания и обязательного исполнения законов, подчеркивая, что «от точного исполнения законов зависят сила и благоденствие государства, от уклонения же и небрежения их следуют всегда неустройство и разрушения» [11, с. 61]. Закон П.Н. Гуляев понимает как правило, по которому все члены общества обязываются сообразовывать свои действия и права на вещи [4]. «Сия истина есть самая главная, – утверждал он. – И только на ней может основываться связь общественная, доставляющая гражданину все те блага и выгоды, коими он в гражданском своем положении свободно может пользоваться, поэтому каждое действие, обдуманное или начатое, член общества сверяет с законом, следует его масштабу и за малейшие уклонения, нарушающие свободу других или противное благу общественному, он подвергается наказанию» [11, с. 61].

П.Н. Гуляев был видным общественным деятелем России первой половины XIX в., стал одним из первых ученых-полицистов России. Его труды, посвященные проблемам государственного устройства и управления, развитию полицейско-правовой теории в России в первой половине XIX в., имели большое признание, и нашли свое развитие в трудах таких российских ученых как Н.Ф. Рождественский, И.В. Платонов и др.

Теоретическое наследие П.Н. Гуляева до настоящего времени не получило комплексного анализа и осмысления, хотя уже и сегодня очевидно, что оно может сыграть свою роль в последовательном и наиболее эффективном преобразовании государственно-правовой действительности современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нижник Н.С. Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции; в 2-х ч. / под ред. В.Л. Кубышко. Часть 1. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. С. 220–240.
2. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства / Современные проблемы общей теории права: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. – Алмата: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. С. 13–26.
3. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 750–760.
4. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы международной научно-теоретической конференции / под ред. Н.С. Нижник; в 2 т. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. Т. II. С. 228–235.
5. Развитие образования в России. Исторический очерк. Современность. – Санкт-Петербург, 1896. С 323–327.
6. Горожанин А.В. Государство и полиция: монография / под ред. В.П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. – 303 с.
7. Горожанин А.В. Полицейстика и идея государственности в истории правовых учений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 54 с.
8. Гуляев П. Права и обязанности городской и земской полиций и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. – Москва, 1824. – 298 с.
9. Гуляев П. Российское уголовное право. – Москва, 1826. – 290 с.
10. Упоров И.В. Система российского уголовного права по версии П.Н. Гуляева в его работе 1826 года // *Дневник науки.* – 2022. – № 3(63).
11. Корнев А.В. Полицейское государство: идеи и практика: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 1998. – 95 с.
12. Правовая наука и юридическая идеология России. Т. 1. XI – начало XX в.: энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В.М. Сырых. – Москва: РАП, 2009. – 920 с.

**АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
СВЯЗАННЫЕ С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ**

Романцов А.М.,

адъюнкт

(Академия управления МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы предоставления государственных и муниципальных услуг юридическим и физическим лицам, обозначены проблемы, решение которых будет способствовать совершенствованию административных процедур, связанных с предоставлением данных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, государственное задание, муниципальное задание, реестр государственных и муниципальных услуг.

**ADMINISTRATIVE PROCEDURES IN THE ACTIVITIES
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN
FEDERATION RELATED TO THE PROVISION OF STATE
AND MUNICIPAL SERVICES**

Romantsov A.M.,

adjunct

(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the issues of providing state and municipal services to legal entities and individuals, identifies the problems, the solution of which will contribute to the improvement of administrative procedures related to the provision of these services.

Keywords: state services, state assignment, municipal assignment, register of state and municipal services.

В соответствии с законодательством Российской Федерации на органы внутренних дел возлагаются задачи по предоставлению государственных услуг юридическим или физическим лицам, направленные на реализацию позитивных прав в сфере государственного управления, в соответствии с предписанными правилами (обязательствами) в федеральных законах в рамках установленных требований административных регламентов, разработанных в соответствии с требованиями нормативных правовых актов. Правовой основой указанных видов дея-

тельности является Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1].

Объектом правового регулирования выступают отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Действие норм указанного выше закона распространяется также на деятельность организаций ОВД и уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации экспертов, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Услуги, предоставляемые государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) или муниципальное задание (заказ), подлежат включению в реестр государственных или муниципальных услуг и предоставляются в электронной форме в соответствии с настоящим Федеральным законом в том случае, если указанные услуги включены в перечень, установленный Правительством Российской Федерации. Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации вправе утвердить дополнительный перечень услуг, оказываемых в субъекте Российской Федерации государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) субъекта Российской Федерации или муниципальное задание (заказ), подлежащих включению в реестр государственных или муниципальных услуг и предоставляемых в электронной форме в соответствии с настоящим Федеральным законом.

МВД России осуществляет предоставление государственных услуг в области оборота наркотических средств и психотропных веществ, обеспечения безопасности дорожного движения, миграционной сфере.

Выдает также заключения:

- на конструктивно сходные с оружием изделия, пневматические винтовки, пистолеты, револьверы с дульной энергией не более 3 Дж, сигнальные пистолеты, револьверы калибра не более 6 мм и патроны к ним о возможности использования их в качестве огнестрельного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения и газового оружия;

- о соответствии гражданского и служебного оружия криминалистическим требованиям к гражданскому и служебному оружию.

Также региональными информационными центрами оказываются услуги по выдаче справок и добровольной дактилоскопической регистрации.

Реализуя функции в рассматриваемой сфере, сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации сталкиваются с различными проблемами, связанными с предоставлением государственных услуг. Среди основных можно отметить следующие:

- наличие сложных консолидированных услуг, предоставляемых разными органами внутренних дел и (или) организациями, предприятиями;

– сохраняется проблема избыточного количества обращений за получением государственной услуги. Лишь в 70% случаев заявителю удается сдать документы на получение государственной услуги с первого раза, что связано с низким уровнем информированности гражданина. Также причиной является сложность заполнения официальных бланков и форм [2].

Законодательством предусмотрена схема досудебного обжалования решений и действий органов внутренних дел и их должностных лиц, предоставляющих государственные услуги. Установлено, что частыми жалобами являются: нарушение срока регистрации запросов и сроков предоставления услуг, требование не предусмотренных документов, отказ в приеме документов или в предоставлении услуг.

Исходя из вышесказанного видно, что на сегодняшний день существуют вопросы, связанные с функционированием института предоставления государственных услуг, что, в первую очередь, объясняется новизной и сложностью решаемых задач.

Таким образом, для решения обозначенных проблем необходимо проработать различные мероприятия:

- повышение информированности о существующих государственных услугах, их получения и схема предоставления;
- совершенствование межведомственного взаимодействия между государственными органами исполнительной власти;
- создание совместной системы управления качеством государственных услуг;
- разработка мер по сокращению сроков получения государственных услуг;
- необходимо оптимизировать процедуры приема у граждан и заявителей документов для сокращения времени ожидания в очереди.

В рамках представленной проблемы проводилось анкетирование, в котором принимали участие следующие возрастные группы: учащиеся государственных вузов, граждане, достигшие 14-летнего возраста, работающее население.

На вопрос «Каким способом вы предпочитаете получать государственные услуги?», значительное большинство опрошенных ответили, что только лично (78%), 17% – через электронный портал и всего 5% – обращаются в многофункциональный центр. Низкий показатель обращения за госуслугами в многофункциональный центр (5%), отвечает на другой вопрос анкеты «Знаете ли Вы о работе многофункционального центра». 51% респондентов не знают о работе МФЦ.

Самой распространенной услугой на портале является запись к врачу (43%), 16% респондентов обращались на сайт за получением адресно-справочной информации; 11% опрошенных через сайт просматривали наличие задолженностей по налогам, 10% – проверяли задолженности по штрафам ГИБДД; 5% – получение и замена внутреннего паспорта и загранпаспорта; 8% обращались на сайт за получением других госуслуг. Многие респонденты отметили, что очень удобная услуга «Электронная запись к врачу», но главный минус в том, что невозможно записаться к узким специалистам.

В последнем вопросе анкеты предлагалось оценить работу сайта gosuslugi.ru по пятибальной системе: 47% респондентов поставили оценку «удовлетворительно»; 34% – оценку «хорошо», 13% – оценку «отлично» и 6% – «неудовлетворительно».

У пользователей портала возникали в основном следующие трудности:

- долгая регистрация, сложности с активацией аккаунта;
- на сайте очень часто ведутся профилактические работы;
- не все государственные услуги доступны на портале в электронной форме. Однако стоит отметить, что специалисты регулярно проводят обновление портала и добавляют новые услуги;
- отсутствует взаимодействие между ведомствами;
- иногда нужно иметь под рукой принтер и сканер;
- некоторые госуслуги, заявленные на портале, пока невозможно получить через Интернет, а только лично.

Полагаем, что решением в том числе указанных проблем может стать совершенствование административных процедур, связанных с предоставлением государственных и муниципальных услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

2. Дизер О.А., Сургутсков В.И. Гражданское оружие: законодательное регулирование оборота: практическое пособие [Электронный ресурс]. – Москва, 2011.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИТ-ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Свистильников А.Б.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена вопросам противодействия ит-преступности в сфере осуществления публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, за которые предусмотрена уголовная ответственность по ст. 280 УК РФ, а также противодействию публичным призывам к осуществлению террористической деятельности, публичному оправданию терроризма или пропаганде терроризма. Данный вид криминальных деяний наказывается по ст. 205.2 УК РФ. Изложена криминологическая составляющая данных преступлений и меры, направленные на их нейтрализацию.

Ключевые слова: экстремист, террорист, противодействие ит-преступности, информационно-телекоммуникационные технологии.

COUNTERACTION OF IT-CRIME IN THE SPHERE OF EXTREMIST AND TERRORISM MANIFESTATIONS

Svistilnikov A.B.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the issues of combating it-crime in the field of public calls for extremist activities, for which criminal liability is provided for under Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as counteracting public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism. This type of criminal acts is punishable under Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criminological component of these crimes and measures aimed at their neutralization are outlined.

Keywords: extremist, terrorist, counteraction to IT-crime, information and telecommunication technologies.

В 2022 году наибольшую динамику показали преступления с использованием ИТ-технологий (было возбуждено 490 уголовных дел, прирост составил 55,6%) [1, с. 30–31].

Развитие радиоэлектроники, программирования привело к значительному прогрессу общества в сфере информационных технологий. Современные информационно-телекоммуникационные технологии позволили человечеству выйти на новые, ранее не виданные формы коммуникации. Изложенные воз-

возможности стали востребованы как законопослушной частью населения, так и криминалом. Преступники используют IT-технологии как средство коммуникации для распространения экстремистских и террористических идей, совершения мошенничества, торговли наркотиками и совершения других особо опасных преступлений.

Изложенное побудило нас к анализу имеющихся проблем и разработке неотложных мер, направленных на их разрешение.

Итак, государство, изучая формирующиеся преступные угрозы, принимает определенные меры, направленные на противодействие IT-преступности (например, ужесточена ответственность по отдельным видам IT-преступлений). На уровне МВД принято решение о том, что с 2018 г. ФКУ «ГИАЦ МВД России» будет учитывать IT-преступления отдельным видом статистического учета.

Подвергнем анализу полученную статистику преступлений, совершенных в этот период времени с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по трем уровням учета.

В Российской Федерации в 2018 году совершено 174 674 IT-преступления, а в 2019 г. уже – 294 409. Прирост за один год составил 59,3%. Дальнейшее наблюдение за статистикой показало, что следующие три года продолжился рост этих преступлений, и в 2022 году их количество достигло 522 065 [2, с. 2–6].

Схожая динамика наблюдается по Центральному федеральному округу и Белгородской области. Так в Центральном федеральном округе в 2018 году было совершено 36 073 IT-преступления, в 2019 уже 63 946. В Белгородской области в 2018 году зарегистрировано 1 713 IT-преступления, в 2019 – 2 861³.

Анализ исследуемых нами видов криминальных деяний в общей структуре IT-преступлений показал, что в 2022 г. за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ было возбуждено 493 уголовных дела. Прирост к 2021 г. составил 8,4% [1, с. 30].

Наибольшую опасность в динамике преступлений с использованием IT-технологий показали публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ. В 2022 г. было возбуждено 490 уголовных дел, прирост составил 55,6% [1, с. 31].

Между тем, осуществлять своевременное предупреждение и раскрытие вышеуказанных преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, весьма трудно, поскольку криминал использует специализированные Интернет-ресурсы других стран, доступ российскому сегменту на которые запрещен.

По этой причине прекратить или приостановить работу не представляется возможным. Установить лиц, их арендующих, также проблематично. Изложенные факторы серьезно препятствуют своевременному проведению оперативно-розыскных мероприятий по документированию и сбору доказательной базы в отношении лиц, занимающихся экстремистской деятельностью, а также граждан, осуществляющих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публично оправдывающих терроризм или пропаганду терроризма.

³ См.: Аналитические материалы УМВД России по Белгородской области за 2019 г.

В этой связи необходимо наметить и осуществить ряд мер, направленных на улучшение качества работы органов внутренних дел в сфере противодействия анализируемым преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

– продолжать обучение сотрудников в области информационно-телекоммуникационных преступлений, повышая их навыки и качество работы;

– изучать и применять на практике передовой опыт оперативно-служебной деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию ИТ-преступлений, совершаемых в других субъектах Российской Федерации [3, с. 108–112];

– обеспечить эффективное взаимодействие территориальных отделов полиции с подразделениями по противодействию экстремизму, БСТМ и отдела «К» УМВД России по Белгородской области;

– инициировать вопрос о внесении изменений в ст. 144 УПК РФ и наделяние органа дознания процессуальными полномочиями по истребованию информации о соединении между абонентами и абонентскими устройствами, движении денежных средств по счетам указанных абонентских устройств и иных установочных данных, без судебного решения;

– совершенствовать специализацию сотрудников полиции в сфере противодействия преступлениям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [4, с. 48–55];

– использовать возможности общественности и добровольческих движений с целью профилактики совершения подобных преступлений.

Думается, что предложенные меры позволят сотрудникам оперативных подразделений осуществлять должное противодействие криминалу, использующему ИТ-технологии в экстремистских и террористических целях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года / аналитический обзор ФКУ «ГИАЦ МВД России». – Москва, 2023. С. 30–31.

2. Проблемный анализ преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации на территории Белгородской области за 2019 г. – Белгород, 2020. С. 4–19.

3. Свистильников А.Б. Использование автоматизированных информационно-поисковых систем в идентификации личности террориста и предупреждении террористических актов на объектах транспорта // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 2. – С. 108–112.

4. Свистильников А.Б., Селин Б.Н., Сергиенко А.С. Об опыте Великобритании и России по предупреждению террористических актов на железнодорожном транспорте и минимизации их последствий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 3 (32). – С. 48–55.

5. Маркова Ю.В., Степанова М.А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против собственности на железнодорожном транспорте: монография. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2014. – 84 с.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

Сорокопуд М.С.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается динамика развития понятия образовательного пространства в контексте развития общества. Рассмотрены характеристики и принципы организации образовательного пространства вуза как фактора, способствующего полноценному развитию личности.

Ключевые слова: образовательное пространство, вуз, принципы организации образовательного пространства, студент.

PRINCIPLES OF ORGANIZING THE MODERN EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

Sorokopud M.S.,

Candidate of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the dynamics of the development of the concept of educational space in the context of the development of society. The characteristics and principles of the organization of the educational space of the university as a factor contributing to the full development of the individual are considered.

Keywords: educational space, university, principles of organization of educational space, student.

Тема организации образовательного пространства весьма актуальна в современной геополитической ситуации в мире в целом и в нашей стране в частности. Ни для кого не секрет, что страны, решающие проблемы образования, эффективно и позитивно добиваются заметного прогресса и успеха в различных областях. В нашей стране действует государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года, которая направлена на комплексные реформы и инновации в системе науки и образования. Проблема создания единого образовательного пространства для нашей страны сопряжена с рядом трудностей: большая территория, многонациональный состав, различный уровень экономического развития регионов, наличие труднодоступных территорий с недостаточно развитой инфраструктурой и т.д. Тем не менее, несмотря

на технические, материальные, содержательные, методические трудности направление развития преобразований четко определено. Вопросы организации образовательного пространства ранее использовались на государственном и межгосударственном уровне, но позднее понятие «образовательное пространство» масштабировалось, и в настоящее время в научных работах рассматриваются уже региональные образовательные пространства и даже образовательное пространство конкретного человека. Рассуждая на тему организации образовательного пространства, уточним, что под образовательным пространством мы будем понимать вид пространства, место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры образующегося [1], а главной целью образовательного учреждения является подготовка интеллигентного и всесторонне развитого культурного человека, с творческим гуманистическим и диалоговым мышлением, чувством собственного достоинства и ответственности, умеющего совершенствовать себя, «строить» гармоничные отношения с миром, природой, другими людьми [3].

Анализ научной литературы показал вариативность принципов построения образовательного пространства в современном мире. В зависимости от критерия отбора выделяют принцип демократизации образовательной деятельности (принцип предполагает симбиоз участников образовательного процесса, основанный на взаимном уважении и доверии); принцип развивающего и деятельностного образования (предусматривается возможность приобретения обучаемым навыков и умений на протяжении контролируемого педагогического процесса); принцип непрерывности и преемственности образовательного процесса (подразумевается, что образование – процесс непрерывный и согласующийся на разных ступенях: «школа-вуз»); принцип дифференциации, индивидуализации и мобильности образовательного пространства (педагогический процесс имеет разноуровневую структуру и учитывает различные потребности обучающихся); принцип единства культурного и образовательного пространства (предполагает историческую взаимосвязь образования и культуры в процессе гармоничной трансляции знаний) [5].

Ситуация, складывающаяся в современном образовании, демонстрирует недостаточную эффективность традиционного образовательного процесса как системы воздействия на развитие личности обучаемого. Интенсивные цивилизационные трансформации становятся основным фактором, подталкивающим к замене классической парадигмы образования, которая не справляется с постоянно растущим количеством желающих получать знания по всему миру. Современному студенту реальнее получать универсальное научное знание, которое позволяет быстро адаптироваться к социальной и профессиональной деятельности [2]. Таким образом, можно констатировать, что достижение истинной непрерывности и интегративности образования обеспечивается при условии реализации совокупности принципов, которых может быть много, но мы остановимся на основных, по нашему мнению.

Принцип интеллектуальной уникальности и фундаментализации образования. Университет является субъектом управления интеллектуальным потенциалом общества, поэтому здесь должны аккумулироваться знания экспертов и интеллектуалов, способных передать качественные знания. «Только фундаментальное образование дает такие знания, которые не устаревают с течением времени, помогают ориентироваться в любой новой среде и являются универсальными по существу» [4].

Принцип сотрудничества или принцип «субъект-субъектности» педагогических взаимодействий. Один из важнейших принципов, который подразумевает создание оптимальных условий для процесса творческого развития как студентов, так и преподавателей для качественного педагогического процесса. Совместная деятельность должна быть реализована на всех уровнях отношения: между преподавателями и студентами, между государством и университетом, между администрацией университета и преподавателями.

Принцип комплексного саморазвития личности обучающегося на нравственном интеллектуальном, эмоционально-волевом, а также сенсорно-двигательном уровнях, предполагающий формирование базовых надстроек для последующей всесторонней эволюции человека. В университете человека учат самостоятельно развиваться: студент должен сам научиться дисциплине, ответственности, самореализации, планированию и т.д.

Принцип деятельностной направленности образования, подразумевающий взаимодействие теоретических знаний студентов и их практических потребностей.

Принцип модульности обучения предполагает устранение противоречия между предметно-дисциплинарным представлением содержания образования в образовательном государственном стандарте, направленном на структуру научного знания, и необходимостью интеграции знаний, получаемых обучающимися в процессе познания. Практически модульное обучение делает возможным построение учебного материала таким образом, чтобы его разделы не зависели друг от друга и позволяли менять, дополнять и создавать учебный материал, не нарушая единства содержания.

Принцип развивающей среды. Традиционными педагогическими методами и организационными формами невозможно повысить креативность человека. Для решения этой задачи в вузе формируется развивающая среда, которая помогает «настроиться» студенту на обучение посредством вовлечения в научные сообщества, кружки эксперименты и т.д. Главная задача, чтобы обучаемый чувствовал себя комфортно в среде концентрированного интеллекта и творчества, и ему хотелось проводить в вузе больше времени.

Подводя итог, можно сказать, что совокупность вышеуказанных принципов на практике обеспечивает целостность, единство образовательного пространства вуза и, вместе с тем, его преемственность с образовательными пространствами более высокого уровня. Нельзя не отметить, что за последние 10 лет вузы сильно изменились как внешне, так и внутреннее по содержанию.

Под влиянием общественных запросов формируется принципиально новая среда для обучения, открытые современные пространства, что находит свое отражение в изменениях в содержании образовательных программ и новых организационных моделях, поэтому набор принципов организации образовательного пространства вуза всегда будет открытым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – Москва: Педагогика, 2006. – 464 с.
2. Гаязов А.С., Хамитов, Э.Ш., Каримов, Э.Ш. Европейское измерение в высшем педагогическом образовании: монография. – Уфа, 2005. – 248 с.
3. Найн А.Я. Рефлексивное управление образовательным учреждением: теоретические основы: монография. – Шадринск, 1999. – 328 с.
4. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия, векторы развития. – Москва: Эгвес, 2000. – 272 с.
5. Ромашкина Д.М. Образовательное пространство: принципы и функции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spravochnik.ru>.
6. Каверина Л.В., Пелюх Е.И., Старосельцева М.М., Шарутенко В.Н. Использование возможностей медиапространства вуза при формировании личности сотрудника органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 92–96.

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Трошкина Д.Э.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается процесс кодификации уголовного законодательства в первые годы советской власти. В частности, проведен анализ проекта УК РСФСР, разработанного секцией судебного права и криминологии Института советского права в 1921 г. Отмечено, что авторы проекта при подготовке документа руководствовались положениями «третьей школы» уголовного права, сочетая наказания с «мерами социальной защиты», идею «неопределенных приговоров» с теорией «опасного состояния личности».

Ключевые слова: кодификация уголовного законодательства, законотворчество, проекты Уголовного кодекса РСФСР, «третья школа» уголовного права.

PROBLEMS OF CODIFICATION OF SOVIET CRIMINAL LEGISLATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Troshkina D.E.,

adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the process of codification of criminal legislation in the early years of Soviet power. In particular, the analysis of the project Criminal Code of the RSFSR, developed by the section of judicial law and Criminology of the Institute of Soviet Law in 1921, was carried out. It is noted that the authors of the project, when preparing the document, were guided by the provisions of the «third school» of criminal law, combining punishments with «social protection measures», the idea of «indefinite sentences» with the theory of a «dangerous state of personality».

Keywords: codification of criminal legislation, lawmaking, projects of the Criminal Code of the RSFSR, criminal law schools, «third school».

Проблематика кодификации советского уголовного законодательства заслуживает внимания исследователей, поскольку история создания первого советского Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР) является ма-

лоизученной. Вопрос о целесообразности сведения уголовно-правовых норм в единый кодифицированный нормативный правовой акт остро назрел в годы гражданской войны. Данная необходимость обуславливалась, во-первых, несовершенством советского уголовного законодательства (отсутствием четких диспозиций отдельных составов преступлений, отказом от санкций за совершение преступного деяния т.п.), во-вторых, многочисленностью дифференцированного уголовно-правового материала, в-третьих, устранением образовавшихся пробелов в уголовном законодательстве.

Первой попыткой создания УК РСФСР были проекты, разработанные комиссией общеконсультационного отдела народного комиссариата юстиции РСФСР (далее НКЮ РСФСР) в 1920-1921 гг. («Проект Уголовного Кодекса для Р.С.Ф.С.Р.» (1920 г.) [1, с. 42–47], «Проект особенной части Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (1921 г.) [2, с. 46–54]). Пронизанные идеями дореволюционной социологической школы уголовного права, указанные проекты УК РСФСР не были поддержаны коллегией НКЮ РСФСР. По мнению Г.В. Швекова, появление данных проектов является подтверждением того, что «первый советский УК создавался в обстановке острой борьбы с буржуазными влияниями в области права» [3, с. 229].

Следует отметить, что проект УК РСФСР общеконсультационного отдела НКЮ РСФСР рассматривался не только в коллегии НКЮ РСФСР, но и в других учреждениях и организациях. В частности, документ направлялся на обсуждение в Институт советского права, руководителем которого являлся Д.И. Курский. Данное учреждение было создано для решения проблем в сфере правового социалистического строительства и советского управления, а также изучения вопросов в области истории и теории права. Для учета и систематизации материалов нормативных правовых актов и теоретической разработки проблем советской правовой системы в Институте советского права были образованы секции [4, с. 12]. Рассмотрением проекта УК РСФСР общеконсультационного отдела НКЮ РСФСР занималась секция судебного права и криминологии, членами которой являлись Д.И. Курский, Н.В. Крыленко (заведующий секцией), М.Ф. Левитин, Я.А. Берман, Н.А. Черлунчакевич, М.М. Исаев, И.А. Малиновский, С.Б. Членов, М.П. Коваленков [5, с. 141]. В ходе обсуждения проекта члены секции пришли к выводу о том, что документ «отражает ту стадию переходного времени, которая уже становилась «историей»» [6, с. 94]. Решением секции было разработано новое проектное УК РСФСР, который бы отвечал потребностям складывающихся в советской России социальных отношений.

В работе по составлению нового проекта УК РСФСР приняли участие М.Ф. Левитин, А.М. Аронович, Я.А. Берман, М.М. Исаев, М.П. Коваленков, И.А. Малиновский, Г.С. Фельдштейн и И.С. Урысон [5, с. 142]. Члены комиссии предлагали воспроизвести в нем ряд «декларативных» норм (о задачах уголовного права, о целях наказания и т.д.), а также закрепить материальное определение понятия преступление как «деяния, подрывающего основы общественной жизни или посягающего на наиболее жизненные интересы революции и трудящихся масс». Особенная часть представлялась ими, с содержанием конкретного перечня составов преступлений, по правилу «нет преступления, без закона» [6, с. 96].

По мнению, советских ученых, проект УК РСФСР Института советского права «стоял на позициях так называемой третьей школы уголовного права, сочетая наказание, соответствующее тяжести преступления, и меры социальной защиты, соответствующие опасности лица» [7, с. 261]. Примечательно отметить, что меры социальной защиты были более строгими по отношению к наказаниям. Так, согласно проекту одной из мер социальной защиты являлась изоляция, заключающаяся в помещении «социально опасного лица» в изолятор на срок не менее 5 и не свыше 20 лет (ст. 31). В свою очередь, наказание в виде лишения свободы назначалось на срок от 6 месяцев до 5 лет (ст. 23) [8, с. 92-93]. Как подчеркивает Г.В. Швеков, «... такое соотношение лишения свободы в двух его «качествах» чрезвычайно характерно для буржуазной уголовно-правовой теории и практики эпохи империализма...» [3, с. 239].

Идея «неопределенных приговоров» уголовно-социологической школы права также нашла свое отражение в проекте УК РСФСР Института советского права. Система «относительно неопределенных приговоров» заключалась в том, что суд определял «срок наказания известным минимумом и максимумом» (ст. 4) [8, с. 89]. В свою очередь, указанная система приговоров связывалась в проекте с институтом «опасного состояния лица», которое являлось основным критерием при применении репрессивных мер [7, с. 260]. По мнению профессора Е.В. Сафроновой и кандидата юридических наук В.Е. Лоба, «для советской правовой доктрины уголовного права, отвергавшей представление о наказании как о возмездии и рассматривавшей преступника как продукт социальной среды, теория «опасного состояния личности» пришлась как нельзя кстати» [9, с. 14]. Наглядным примером является борьба советской власти с контрреволюцией. Лица, имеющие отношение к контрреволюционной деятельности, признавались социально опасными преступниками. Однако для того, чтобы применить к данному лицу меры репрессивного характера, не обязательно установление факта его участия в контрреволюционных деяниях, достаточно было сведений, хотя и не являющихся основанием для привлечения к ответственности, но имеющих значение для назначения мер социальной защиты [10, с. 125].

Немаловажно отметить, что проект, как было указано выше, строился на принципе «нет преступления без закона», хотя данный принцип и теория «опасного состояния личности» взаимно исключали друг друга. Г.В. Швеков полагал, что проект носил «эклектический характер» и так же, как проект УК РСФСР общеконсультационного отдела НКЮ РСФСР, не получил дальнейшего движения [3, с. 240].

О влиянии социологической школы уголовного права на разработчиков и создателей проектов УК РСФСР утверждает профессор Н.И. Биюшкина. В частности, подчеркивая отражение идей указанной школы на формулировке понятия преступления, основной характеристикой которой выступает общественная опасность деяния и посягательство на общественные отношения, складывающиеся в советской России [11, с. 76]. В свою очередь, российский политический деятель Н.В. Гончаров считал, что «советская наука по вполне очевидным идеологическим причинам не могла признать своей приверженности идеям «третьей школы». Задача советских ученых, юристов заключалась в созда-

нии «первого в мире социалистического уголовного права» [7, с. 9]. Поэтому специалисты подчеркивали принципиальные отличия советского уголовного права от буржуазного – как российского дореволюционного, так и современного капиталистического» [12].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что первые проекты УК РСФСР, построенные на идеях «третьей школы» уголовного права, оказались неприемлемы для советского руководства. Однако нельзя не отметить, что идеологические штампы в литературных источниках лишь искусственно маскировали сохранение уголовно-правовых традиций, а новая терминология прикрывала традиционные уголовно-правовые институты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. VII. – Москва, 1920. – 63 с.
2. Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. X. – Москва, 1921. – 55 с.
3. Швеков Г.В. История создания первого советского уголовного кодекса: УК РСФСР 1922 г.: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1967. – 373 с.
4. Институт советского права // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 18. – С. 12–13.
5. Отчет о деятельности института Советского Права за 1921 год и 1-ю половину 1922 года // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 139–147.
6. Исаев М.М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 199 с.
7. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. – Москва: Юрид. изд-во, 1948. – 466 с.
8. Проект общей части Уголовного Кодекса РСФСР // Пролетарская революция и право. – 1921. – № 15. – С. 87–95.
9. Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 10–17.
10. Колоколова М.В. Теория опасного состояния личности и ее влияние на уголовное законодательство и практику его применения // Вестник науки. – 2021. – № 12. – Т. 1. – С. 117–127.
11. Биюшкина Н.И. Уголовное законодательство советских социалистических республик в 1920-х гг.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 6. – С. 70–81.
12. Гончаров Н.В. Идеи «Третьей школы» в уголовном законодательстве и праве России 1917–1926 годов // Baikal Research Journal. – 2011. – № 3. – С. 28.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трунова В.В.

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в статье рассматриваются и анализируются различные подходы к определению понятия и сущности гражданской правосубъектности государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации. Выделены особенности и схожие признаки, приведена нормативно-правовая база как на общероссийском, так и на региональном примерах, отмечены нововведения и коллизии.

Ключевые слова: гражданская правосубъектность, муниципальный служащий, гражданский служащий, муниципальная служба, государственная служба, Российская Федерация.

FEATURES OF CIVIL LEGAL PERSONALITY OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Trunova V.V.

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the article discusses and analyzes various approaches to the definition of the concept and essence of the civil legal personality of state and municipal employees in Russian Federation.

Keywords: civil legal personality, municipal employee, civil servant, municipal service, public service, Russian Federation.

Государственные и муниципальные служащие, действуя как представители публичной власти, способны влиять на издаваемые властные решения, что предопределяет особый правовой статус государственных и муниципальных служащих.

Гражданская правосубъектность есть облеченная в юридическую форму волевая способность людей и их коллективов, т. е. признанная правом порядком способность юридически значимого проявления воли в области регулируемых цивилистической отраслью имущественных отношений [8, с. 114].

Основной нормативный правовой акт для государственной гражданской службы – Федеральный закон «О государственной гражданской службе Рос-

сийской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. Закон о гражданской службе, который устанавливает правовые, организационные и экономические основы государственной гражданской службы. На государственных гражданских служащих в определенной степени распространяется трудовое законодательство. Однако Закон о гражданской службе устанавливает однозначный приоритет специального законодательства о государственной службе над нормами трудового права, определяя, что последние могут применяться к отношениям, связанным с гражданской службой, лишь в части, не урегулированной данным Законом (например, вопросы материальной ответственности государственных гражданских служащих, предоставления учебного отпуска государственному гражданскому служащему и др.) [7].

В Определении от 19 января 2011 г. № 48-О-О/2011 (пункт 2, абз. 2, 3) Конституционный суд Российской Федерации изложил следующую позицию по вопросу государственной гражданской службы: «Специфика государственной гражданской службы в Российской Федерации как профессиональной служебной деятельности граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти предопределяет особый правовой статус гражданских служащих, который включает, в частности, обусловленные характером соответствующей деятельности права и обязанности гражданских служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной гражданской службой, а также предоставляемые гражданским служащим гарантии.

Такое правовое регулирование, учитывающее общественную значимость осуществляемой государственными гражданскими служащими профессиональной деятельности, направлено на обеспечение функционирования аппарата государственной власти и, в конечном счете, на создание эффективного механизма реализации гражданами своих прав» [5].

Таким образом, мы приходим к выводу, что особенность государственной гражданской службы в Российской Федерации как профессиональной служебной деятельности граждан по обеспечению исполнения соответствующих полномочий определяет особый правовой статус государственных гражданских служащих.

По мнению Пустовитовой К.Г., общим сущностным признаком, объединяющим правовое положение государственных и муниципальных служащих, является форма публичной власти, обеспечивающая единство властных полномочий соответствующих органов публичной власти. Этот принцип обусловлен единством правовой природы данных видов служебной деятельности, направленных на обеспечение реализации полномочий органов публичной власти. Общность публично-правовой природы проявляется в том, что государственная и муниципальная службы призваны обеспечить функционирование государственного аппарата и аппарата местного самоуправления, а также реализацию юридически властных полномочий должностных лиц [10].

Частью 7 статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что на государственных служащих и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового

права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной службе и муниципальной службе лиц.

Специфичность муниципальной службы проявляется в том, что муниципальный служащий имеет двойной отраслевой статус. С одной стороны, он выступает как обычный гражданин, поступающий на службу и выполняющий за вознаграждение свою трудовую функцию. С другой – занимая должность на муниципальной службе, он участвует в осуществлении функций местного самоуправления и потому действует как представитель публичной власти, способный влиять на издаваемые властные решения [9, с. 37].

Комахин Б.Н. отмечает, что деятельность государственной и муниципальной службы имеет наибольшее количество общих информационных черт. Специальные же виды государственной службы имеют ряд правовых особенностей, которые менее применимы к муниципальной службе (в данном случае к специальным видам государственной службы относим службу, связанную с обороной страны, с поддержкой общественного порядка, обеспечением прав и свобод человека и т. д.) [9, с. 34].

Интересными, на наш взгляд, являются внесенные Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в статьи 22 и 251 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» изменения в порядок прохождения государственной гражданской службы в 2022 и 2023 годах. Из текста федерального закона следует, что с 15 ноября 2022 года конкурс при назначении на отдельные должности государственной гражданской службы может не проводиться. Эти положения относятся к гражданам, претендующим на замещение должностей высшей, главной, ведущей и старшей групп должностей государственной гражданской службы. Решение о том, что конкурс не проводится, будет принимать представитель нанимателя.

Полагаем, что подобное правовое регулирование позволит сократить время на проведение необходимых кадровых процедур, так как ранее конкурсный отбор занимал несколько месяцев. Данное нововведение позволит своевременно производить назначения на должности государственной гражданской службы и оперативно решать поставленные государством задачи.

Правовая основа института государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации постоянно развивается и пополняется новыми региональными нормативными правовыми актами. В настоящее время процесс корректировки регионального законодательства продолжается, поскольку на федеральном уровне проведена только реформа основ правового регулирования гражданской службы субъектов Российской Федерации, а нормативные правовые акты, регламентирующие конкретные вопросы организации и прохождения гражданской службы, еще не приняты [11].

Интересным, на наш взгляд, является опыт Белгородской области. В целях обеспечения проведения единой кадровой политики и единых подходов к решению кадровых вопросов на государственной гражданской и муниципальной службе в области создана единая кадровая служба. Одним из ключевых на-

правлений службы является организация устойчивой работы системы управления государственной гражданской службой области и обеспечение взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы в области.

Для обеспечения эффективной реализации полномочий представителя нанимателя, работодателя в отношении работников исполнительных и государственных органов Белгородской области принято постановление Губернатора Белгородской области от 13 июля 2018 г. № 74 «О полномочиях представителя нанимателя, работодателя» (далее – Постановление № 74).

В силу пункта 5 Постановления № 74 иные полномочия представителя нанимателя гражданских служащих, работодателя лиц, замещающих должности, не отнесенные к должностям гражданской службы, должности вспомогательного персонала, не указанные в пунктах 1-4 настоящего постановления, осуществляют руководители органов исполнительной власти, государственных органов Белгородской области [6].

Полагаем, что подобное правовое регулирование может привести к возникновению юридической коллизии. Проанализировав Постановление № 74, мы приходим к выводу, что руководитель органа по управлению государственной гражданской службой Белгородской области, являясь представителем нанимателя для подавляющего большинства групп должностей государственной гражданской службы, фактически не определяет их трудовую функцию и служебный распорядок.

В свою очередь, названными полномочиями представитель нанимателя наделен в силу части 1 статьи 47 и части 4 статьи 56 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3].

На наш взгляд, законодательство в сфере государственной и муниципальной службы должно стремиться к унификации, в рассматриваемом случае нарушается один из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы, заключающийся в единстве правовых и организационных основ государственной службы, предполагающий законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 26 мая 2021 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

5. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Особый статус государственных и муниципальных служащих (по состоянию на июль 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Губернатора Белгородской области от 13 июля 2018 г. № 74 (ред. от 14 сентября 2022 г.) О полномочиях представителя нанимателя, работодателя // СПС «КонсультантПлюс».

7. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. – Москва: Норма, 2020. – 176 с.

8. Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 113–121.

9. Комахин Б.Н. Социально значимые основы деятельности государственных служащих в условиях развития единства и специфики государственной службы // Административное право и процесс. – 2019. – № 6. – С. 33–37.

10. Пустовитова К.Г. Соотношение правового статуса государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 547–548.

11. Развитие нормативно-правового обеспечения государственной гражданской службы в субъектах Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2020. – № 11 (754).

ПОВЫШЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ПУТЕМ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

Тулин М.В.

(Белгородский государственный национальный исследовательский
университет)

Аннотация: в статье обосновывается необходимость изучения психологических особенностей личности обучающегося в плане совершенствования педагогического мастерства, рассматриваются ключевые моменты акцентуаций характера, раскрываются особенности межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: личность учителя, педагогическое мастерство, индивидуальные особенности обучающегося, акцентуации характера.

IMPROVING PEDAGOGICAL SKILLS BY STUDYING THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE STUDENT'S PERSONALITY

Tulin M.V.

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the article substantiates the need to study the psychological characteristics of the student's personality in terms of improving pedagogical skills, examines the key points of character accentuations, reveals the features of interpersonal interaction.

Keywords: the personality of the teacher, pedagogical skills, individual characteristics of the student, character accentuation.

В современных условиях развития общества педагогическое мастерство выступает не только гарантом высокой организации учебного процесса, но и залогом успешного налаживания межличностных отношений в системе педагог – обучающийся. Бизяева А.А. утверждает: «Учитель становится профессионалом благодаря своим знаниям, практическому опыту, участь на примере более опытных коллег. Но только став исследователем, «постоянно перестраивающим свой профессиональный мир в ответ на неожиданные и озадачивающие его события реальности» учитель обретает профессиональное мастерство» [1, с. 59–62].

Современному педагогу сегодня, как никогда, необходимо обладать знаниями о психологических особенностях обучающихся. Без этого невозможно построить правильно образовательный процесс. И начинающему, и опытному педагогу необходимо знать, что межличностное взаимодействие является свое-

образным связующим звеном трех видов совместной деятельности: игры, учения, труда. Именно через них и благодаря им деятельность человека предстает разнообразной, развивающейся. В зависимости от преобладающего вектора взаимодействия каждый индивид корректирует свое поведение.

Формирование межличностного взаимодействия наиболее ярко проявляется в коллективе. Важной в этом плане является информация о том, кто в коллективе отвергается, какие качества личности определяют этот эффект отношений, что можно сделать для снятия негативных установок членов коллектива.

Одним из факторов, обеспечивающих популярность того или иного индивида для социальных взаимодействий, является выбор им стратегии поведения. Стратегия поведения индивида в ситуации взаимодействия определяется той мерой, в которой он хочет удовлетворить собственные интересы и интересы другой стороны. Таким образом, в ситуациях взаимодействия люди ведут себя по-разному, поэтому возникают закономерные вопросы о причинах выбора человеком той или иной стратегии поведения, о тех личностных характеристиках, что оказывают влияние на поведение в той или иной ситуации.

Будущему педагогу, реализующему задачи исследования личности, необходимо изначально построить собственное представление об акцентуациях характера и их влиянии на процесс обучения. Изучением понятия и типологии акцентуаций характера занимались такие специалисты, как К. Леонгард, А.Е. Личко, П.Б. Ганнушкин, В.И. Моросанова и пр.

Знание специалистом психической структуры личности важно для построения актуального диагностического исследования и учета в профессионально-ориентированном взаимодействии.

Существует достаточно много концептуальных подходов различных авторов, психологических школ к определению качеств личности.

Понятие «акцентуации» впервые ввел немецкий психиатр и психолог Карл Леонгард. Им же разработана и описана известная классификация акцентуаций личности.

В нашей стране получила распространение иная классификация акцентуаций, которая была предложена известным детским психиатром профессором А.Е. Личко. Однако и в том, и в другом подходе сохраняется общее понимание смысла акцентуаций. В наиболее лаконичном виде акцентуацию можно определить как дисгармоничность развития характера, гипертрофированную выраженность отдельных его черт, что обуславливает повышенную уязвимость личности в отношении определенного рода воздействия и затрудняет ее адаптацию в некоторых специфических ситуациях.

При этом важно отметить, что избирательная уязвимость в отношении определенного рода воздействий, имеющая место при той или иной акцентуации, могут сочетаться с хорошей повышенной устойчивостью к другим воздействиям. Точно так же затруднения с адаптацией личности в некоторых специфических ситуациях могут сочетаться с хорошими или даже повышенными способностями к социальной адаптации в других ситуациях.

В работах К. Леонгарда используется как сочетание «акцентуированная личность», так и «акцентуированные черты характера». Хотя все-таки главным

у него является понятие «акцентуация личности». Сама классификация К. Леонгарда есть классификация акцентуированных личностей. А.Е. Личко полагает, что правильнее было бы говорить об акцентуациях характера, потому что в действительности именно об особенностях характера и типологии характера идет речь.

Справедливым является использование обоих сочетаний: и акцентуированная личность, и акцентуация характера. Одной из распространенных практических ошибок является трактовка акцентуации как установленной патологии. Однако это не так. В работах К. Леонгарда специально подчеркивалось, что акцентуированные люди не являются ненормальными. В противном случае нормой следовало бы считать только среднюю посредственность. Акцентуированным личностям, напротив, присуща готовность к особенному, т.е. как к социально положительному, так и социально отрицательному развитию. Обобщая все сказанное, очевидно, можно заключить, что акцентуация является не патологией, а крайним вариантом нормы. Леонгард различал следующие типы акцентуации:

- гипертимический – желание деятельности, погоня за переживаниями, оптимизм, ориентированность на удачу;
- дистимический – заторможенность, подчеркивание этических сторон, переживания и опасения, ориентированность на неудачу;
- аффективно-лабильный (при сильной выраженности «циклотимический») – периодическая смена гипертимических и дистимических состояний;
- аффективно-экзальтированный – воодушевление, возвышенные чувства, возведение эмоций в культ;
- тревожный (боязливый) – боязливость, робость, покорность;
- эмотивный – мягкосердечие.

Наибольшую известность получила классификация акцентуаций характера, разработанная А.Е. Личко на базе классификаций психопатий П.Б. Ганнушкина. Согласно классификации А.Е. Личко выделяют следующие типы акцентуаций характера: гипертимический, шизоидный, ригидный, сензитивный, педантичный, астеноневротический, циклотимический, истероидный, неустойчивый, дистимический, аффективно-экзальтированный [2, с. 30].

Рассмотрим подробнее различные типы акцентуаций характера.

Характерологические проявления гипертимического типа. «В детстве много хулиганят. Внимание неустойчивое. В школе учатся неровно, в подростковом возрасте тянутся к группе. В группе занимают позицию лидера. Но часто меняют группы вместе с увлечениями. Слабое место – дисциплина. Асоциальны, так как любят риск и удовольствия. Как правило, нет близких друзей, но много приятелей. Более раннее сексуальное созревание по сравнению с другими типами. Много сексуальных связей, но они не прочные. В случае дезадаптации легко подстраиваются, если вовремя обращают внимание. Низкая предрасположенность к психическим заболеваниям» [3, с. 215–216].

Характерологические проявления шизоидного типа. «Как правило, отличаются высоким интеллектом. Никогда не бывает нарушения сознания. Спокойны, скрытны. Эстеты. По отношению к другим отличаются черствостью.

Предпочитают индивидуальные занятия. В детстве любят играть одни, групповые игры «не понимают». В подростковом возрасте черты заостряются. Отличаются большой скрытностью, но могут малознакомому человеку рассказать о себе практически все, если знают, что никогда больше его не увидят. Став взрослыми, могут достигать больших социальных высот, если найдут более практичного в земных делах покровителя» [3, с. 217–218].

Характерологические проявления застревающего, ригидного типа. «Основная черта данного типа акцентуации – чрезмерная стойкость душевного волнения, страсти в сочетании со склонностью к формированию сверхценных идей. В подростковом возрасте повышаются характерные для них с детства подозрительность, обидчивость, стойкость к отрицательным переживаниям. Когда достигают взрослости, неприятие чужого мнения и, как следствие, конфликтность могут несколько сглаживаться, но стремление к доминированию над другими остается на всю жизнь. Аккуратны, целеустремлены, самолюбивы, прилагают значительные волевые усилия в достижении поставленных целей, стремятся к авторитету и власти» [3, с. 236–245].

Характерологические проявления сенситивного типа. «С детства проявляют пугливость, боязливость, особенно боятся некоторых животных. Чрезмерно привязаны к близким. Любят компанию, но боязнь быть обиженным толкает их на дружбу с младшими. В подростковом возрасте проявляют высокое чувство ответственности, требовательности к себе. В морально-этическом плане рано становятся зрелыми личностями. Не склонны к группированию. Реакции эмансипации проявляются во внешней браваре, «жестах» (чаще в отношениях близкого круга)» [3, с. 248–251].

Характерологические проявления педантичного типа. «С детства им свойственны инертность психических процессов, негибкость мышления и поведения. В подростковом возрасте предъявляют высокие требования к себе и окружающим, к качеству работы, способности держать слово. Часто страдают под бременем ответственности. Они озабочены собственным здоровьем, тихие, легко смущаются и краснеют, долго переживают неудачу. Уважают логику, рационализм, систематизацию в ущерб интуиции, чувствам. Любят анализировать свои мысли, чувства и поступки, что порой приводит к неадекватному восприятию реальности, мешает устанавливать теплые отношения с противоположным полом. Такие люди чрезмерно внимательны к своему здоровью, страху перед неизлечимыми болезнями. Характерно подчинение нормам, требованиям, боязнь нового, моралисты, трудно меняют свои привязанности. Со сменой окружения меняются и их взгляды. Став взрослыми, практически не меняются [3, с. 251–252].

Характерологические проявления астеноневротического типа. «Основная черта – склонность к отрицательным эмоциям, страхам, повышенная робость и пугливость, высокий уровень тревожности. Уже с раннего детства наблюдаются невропатии – капризность, плаксивость, быстрая истошаемость, пугливость, застенчивость, страхи. В подростковом возрасте эти черты заостряются. На первое место выходят повышенный уровень утомляемости, раздражительность, склонность к ипохондрии и формированию страхов, связанных со здоровьем. Возможны состояния аффекта с последующим раскаянием. Увлечения интеллектуально-

го характера. Более позднее сексуальное созревание. Реакции эмансипации проходят на близких людях» [4, с. 46–49].

Характерологические проявления циклотимического типа. «Данным людям соответствует смена гипертимического и дистимического типов поведения и переживания: чередование фаз хорошего и плохого настроения с различным периодом. В детстве никаких отличительных особенностей не проявляется. В первой акцентуации наблюдается снижение настроения, затем прибавляется смена фаз настроения – от повышенной к пониженной. При снижении настроения не жалуются на плохое настроение, но говорят, что им скучно. Нет расстройств сна, но говорят, что не выспались, плохо спали, встали «разбитыми». К вечеру снижается работоспособность, трудно сосредоточивают внимание. Реакции зависят от состояния фазы: то тянутся в компанию, то уединяются. Предрасположенность к развитию невротических состояний. Очень обидчивы, ранимы. Воспринимают окружающий мир, как правило, в серых тонах. Способны обвинять себя, создавая условия к суициду» [2, с. 30–37].

Характерологические проявления истероидного типа. «Выраженная тенденция к вытеснению из сознания неприятных фактов и событий, собственных ошибок и недостатков, что проявляется в лживости, фантазировании, притворстве. Авантюристичность, тщеславие. При неудовлетворительной потребности в признании может происходить «бегство в болезнь». Проявляется в раннем детстве в виде страстного желания быть в центре внимания (участвуют в художественной самодеятельности), хорошо адаптируются. В подростковом возрасте желание быть в центре внимания усиливается, что может найти выражение в асоциальном поведении. Поскольку не умеют занять себя сами – выражено стремление к группированию, но в компаниях не задерживаются. Они обеспокоены своим внешним видом и здоровьем. Больше говорят, чем делают. Характерна поверхностность, как чувств, так и мышления. Теплых чувств, любви, как правило, не испытывают вследствие крайней эгоистичности своей натуры. Носят яркие одежды, часто меняют увлечения. Сомнения в собственных способностях и своей исключительности могут спровоцировать истерический психоз. Реакции эмансипации всегда публичны. Чаще перед окружающими, а не в семье» [2, с. 100–101].

Характерологические проявления неустойчивого типа. «Таким людям свойственны повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями. Раздражительны, постоянно избегают трудностей, часто впадают в гнев и ярость. Угрюмы. В разговоре обсуждают только то, что лежит на поверхности. Склонны к эпилепсии, которая проявляется в злобно-тоскливом настроении, вязкости мышления, конфликтности. Самый распространенный тип среди различных вариантов людей с асоциальным поведением. Непостоянство всего: увлечений, настроения. Склонность к группированию. Высокий уровень подвижности. В подростковом периоде затягивается процесс социализации. Подростки с данной акцентуацией представляют собой основную массу всех группировок. Основное увлечение – получение информации, которая не требует осмысления. Собственных убеждений нет, поэтому легко поддаются влиянию. Склонность к бродяжничеству. Стремятся к удовольстви-

ям «здесь и сейчас» и без каких-либо затрат (духовных, эмоциональных, материальных) с их стороны» [3, с. 236–245].

Характерологические проявления дистимического типа. «Данный тип противоположен гипертимическому, характеризуется пониженным настроением, фиксацией на мрачных сторонах жизни, идеомоторной заторможенностью, склонностью к депрессиям. Проявления депрессии: «уход в себя», склонность к агрессии, направленной на себя (аутоагрессия), например, суицид, драки. Часто в состоянии сниженного настроения ищут объект, чтобы «разрядиться». С трудом уживаются в детском коллективе. Работу любят выполнять в одиночку. В подростковом возрасте все черты заостряются. Злобны. Истеричны. Плохое настроение может держаться до двух дней. Провоцируют драки, скандалы» [4].

Характерологические проявления аффективно-экзальтированного типа. «Людам этого типа свойственен широкий диапазон переживаемых эмоциональных состояний, они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние от печальных. Любят удовольствия и развлечения. Чувство долга и высшие ценности вырабатываются с трудом. Выше приведены характеристики «чистых» типов, но значительно чаще встречаются смешанные типы акцентуации характера, например, гипертимно-циклоидный, астено-истероидный и т.д.» [5, с. 17–27].

Итак, акцентуация характера – чрезмерная выраженность отдельных черт характера. То есть, черты характера, которые вследствие своей интенсивности уже вышли за пределы нормы, но еще не достигли уровня патологии. Акцентуации, как правило, проявляются в подростковом возрасте и сглаживаются по мере взросления.

Научить профессии педагога нельзя, но научиться ей можно. Будет ли учитель настоящим мастером, зависит от того, насколько он овладеет приемами самообразования. Исследования отечественных ученых показали, что не только опытом и стажем работы определяется уровень педагогического мастерства. Необходимо на этапе становления личности учителя сформировать гуманистическую направленность и педагогическую культуру, приобрести необходимые знания, в том числе и в области психологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бизяева А.А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия. – Псков: ПГПИ имени С.М. Кирова, 2004. – 216 с.
2. Личность и ее взаимодействие с социальной средой: непроторенная дорога / В.В. Гафаров и др.; ред. Е.В. Акимова. – Новосибирск: СО РАН, 2008. – 275 с.
3. Леонов Н.И. Основы конфликтологии. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2001. – 376 с.
4. Дорохова А.В., Игумнова Л.И., Привалихина Т.И. Разрешение конфликтов. – Москва: Академия, 2008. – 192 с.
5. Платонов Ю.П. Основы социальной психологии. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 620 с.

ОГРАНИЧЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: НАЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ

Хвостова А.В.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье раскрывается назначение и функциональная роль правовых ограничений в механизме действия современного публичного права. Автор приходит к выводу, что назначение правовых ограничений универсально, однако в силу специфики публичного права их характеристики приобретают определенные особенности.

Ключевые слова: ограничение, правовое ограничение, публичное право, назначение правовых ограничений, функции правовых ограничений

LIMITATION IN THE MECHANISM OF ACTION OF MODERN PUBLIC LAW: PURPOSE AND FUNCTIONS

Khvostova A.V.,

adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article reveals the purpose and functional role of legal restrictions in the mechanism of action of modern public law. The author comes to the conclusion that the purpose of legal restrictions is universal, however, due to the specifics of public law, the implementation of legal restrictions in it is ensured by the implementation of a number of specific functions.

Keywords: restriction, legal restriction, public law, purpose of legal restrictions, functions of legal restrictions

Ограничение является средством, играющим ведущую роль в упорядочении поведения участников любых правоотношений. В условиях широкого распространения, с одной стороны, представлений о наличии коренных различий в публично-правовом и частноправовом регулировании, с другой стороны, мнения о существовании такой тенденции, как конвергенция частного и публичного права, актуальным видится вопрос о том, имеется ли специфика в назначении и функциях ограничений в механизме действия современного публичного права.

Проблема назначения ограничений в публичном праве не получила освещения в юридической науке. Однако вопрос о назначении правовых ограничений безотносительно того, применяются ли они в упорядочении публично-правовых или частноправовых отношений, рассматривался целым рядом ученых, и по нему высказывались далеко не однозначные мнения.

В.А. Шемаров предельно широко рассматривает назначение правовых ограничений, отмечая, что посредством их применения обеспечивается совместное проживание и взаимодействие людей для достижения наиболее высокого уровня индивидуального развития каждого [8, с. 78]. Однако не совсем ясно, что автор подразумевает под «уровнем индивидуального развития» применительно к правовой жизни и как обеспечение этого «уровня» для каждого согласуется с общесоциальным назначением права. На наш взгляд, правовые ограничения используются для упорядочения реализации субъектами, участвующими в социальной жизни, своих притязаний и достижения назначения права для целеполагающего субъекта. При этом потребность в правовом регулировании возникает только при наличии конфликта, урегулирование которого возможно именно посредством права.

Существует точка зрения, согласно которой правовые ограничения призваны препятствовать противозаконной, антиобщественной активности посредством исключения социальной энергии, которая находится в противоречии с правовыми стимулами, принципами и нормами [1, с. 6]. Однако следует отметить, что данное утверждение справедливо только в рамках узкопозитивистского подхода к пониманию права. Поскольку в рамках других подходов к пониманию права формально законное – не всегда правовое, следовательно, противозаконное – не всегда противоправное.

Думается, что правовые ограничения направлены на недопущение в первую очередь социально опасного (или – в некоторых случаях – менее желательного для общества в сравнении с другими возможными в той же ситуации моделями) поведения. В праве такого рода поведение выступает в качестве противоправного. Таким образом, посредством правовых ограничений устанавливаются прежде всего формальные критерии, по которым можно понять, что является правомерным, а что – нет.

А.В. Малько предназначение правовых ограничений видит в сужении свободы и сдерживании реализации антиобщественных интересов личности [5, с. 240]. В целом соглашаясь с его мнением, стоит отметить, что приведенное суждение справедливо в большинстве случаев, но в то же время нуждается в некоторых уточнениях. Прежде всего, в публичном праве, действительно, в силу специфики самой его природы правовое ограничение всегда связано со сдерживанием реализации антиобщественных интересов личности. В частном праве ограничение в некоторых случаях может использоваться в сдерживании реализации таких интересов личности, которые вряд ли можно считать антиобщественными (например, брачным договором устанавливаются ограничения таких интересов, которые не являются антиобщественными).

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что назначение правовых ограничений состоит в сдерживании поведения субъектов права в рамках, за которыми оно оказывается сопряженным с причинением вреда признаваемым правом интересам. Если конкретизировать высказанное суждение, то, во-первых, применение правовых ограничений направлено на упорядочение реализации своих притязаний субъектами, включенными в социальное взаимодействие. Во-вторых, посредством правовых ограничений обеспечивается сокращение масштаба внешней свободы субъектов права. В-третьих, правовые ограничения являются правовыми средствами, при помощи которых устанавливаются формальные критерии правомерного поведения. В-четвертых, установление правовых ограничений связано с необходимостью обеспечения и/или защиты признаваемых правом интересов.

Все сказанное в полной мере характерно как для частного, так и для публичного права. С учетом изложенного, нужно констатировать, что назначение правовых ограничений в праве универсально. Будучи реализуемыми как в частном, так и в публичном праве, правовые ограничения имеют одинаковое целевое назначение.

Однако важно учитывать, что публичное право обладает рядом специфических характеристик, по которым оно принципиально отлично от частного. К таковым можно отнести отличия по методу правового регулирования, субъектному составу отношений и – главное – по характеру обеспечиваемых интересов. Так как публичное право нацелено на обеспечение и защиту общезначимых интересов, то в нем признаваемый правом интерес – это всегда именно интерес общества и государства. Следовательно, ограничение в нем всегда направлено на сдерживание поведения, создающего или способного создать угрозу интересу общества или государства. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении современного публичного права, несмотря на проникновение диспозитивного метода регулирования в публичную сферу.

Значимость для современного общества идеи правового государства предопределяет то, что в специальной литературе ограничения в современном публичном праве чаще всего рассматриваются как средство предотвращения злоупотреблений со стороны субъектов, осуществляющих публичную власть [4; 7]. Однако учитывая специфику субъектного состава публично-правовых отношений, а также характер последних, на наш взгляд, не совсем верно сводить роль правовых ограничений в публичном праве к ограничению публичной власти и ее представителей.

Нужно учитывать, что в публичном праве первично ограничение частных интересов, что неизбежно ввиду природы публичных правоотношений как отношений власти и подчинения. Таким образом, ограничение в публичном праве – это прежде всего средство, предоставляемое властному субъекту для управления, администрирования, в рамках которого посредством реализации собственной компетенции он обеспечивает и защищает общезначимые интересы, признаваемые правом.

Функции правовых ограничений можно определить как их основные направления воздействия на правосознание и поведение субъектов права, выражающие роль ограничений в регулировании общественных отношений и охране признаваемых правом интересов.

В научной литературе функциональная характеристика правовых ограничений рассматривается предельно широко, сфера их применения очерчивается рамками механизма действия права [2, с. 53; 3, с. 9; 6, с. 40].

Анализируя существующие по рассматриваемому вопросу мнения, можно согласиться с тем, что ограничения как в публичном, так и в частном праве выполняют ряд универсальных для них функций, которые, с одной стороны, связаны с функциями права, с другой стороны, со спецификой самих ограничений как правовых средств. К универсальным функциям правовых ограничений относятся: организационно-упорядочивающая, информационная, воспитательно-мотивировочная, правообеспечивающая, аксиологическая, селективная, а также функция стабилизации.

В целом соглашаясь с универсальностью выделенных функций правовых ограничений, думается, что их характеристика в публичном праве имеет определенные особенности, обусловленные спецификой регулируемых отношений и природой самого публичного права.

Организационно-упорядочивающая функция правовых ограничений в современном публичном праве заключается в их способности формировать правомерное поведение, не только очерчивая субъектам публичного права рамки возможного поведения, но и определяя процедуру, в рамках которой они должны действовать. Тем самым обеспечивается упорядоченная (предсказуемая, единообразная и стабильная) реализация публичного интереса. Это особенно значимо постольку, поскольку в публичном праве ограничения используются среди прочего и для обеспечения эффективного функционирования публичной власти и недопущения злоупотреблений должностными полномочиями.

Воспитательно-мотивировочная функция правовых ограничений в современном публичном праве заключается в том, что, очерчивая границы дозволенного, ограничения формируют отрицательную правовую мотивацию к таким способам реализации своих притязаний и поведению в целом, которые могут нанести вред общезначимому или публичному интересу. Одновременно способность властных субъектов ограничивать посредством права, не прибегая к использованию взамен правовых ограничений насилия, является значимым фактором повышения авторитета государственной власти, воспитания граждан в духе уважительного отношения к ней и к исходящим от нее велениям.

Правообеспечивающая функция ограничений в современном публичном праве заключается в том, что с их помощью снижается вероятность неправомерного ограничения или нарушения прав и свобод подвластных вследствие злоупотреблений со стороны лиц, реализующих властные полномочия.

Информационная функция ограничений в современном публичном праве заключается в доведении сведений о границах социально одобряемого и осуждаемого, правомерного и неправомерного, дозволенного и запрещенного как до субъектов, для которых эти границы устанавливаются, так и до субъектов, ко-

торым вменяется обеспечивать соблюдение этих границ. Эффективная реализация информационной функции является необходимым условием эффективности и организационно-упорядочивающего, и воспитательно-мотивирующего воздействия на субъектов публичного права, и контроля над их поведением.

Существование аксиологической функции правовых ограничений в публичном праве обусловлено тем, что ограничение субъектов права рассматривается как возможность или способ обеспечить публичный интерес, ценность которого преобладает в сравнении с частным интересом. В этой связи правовые ограничения в публичном праве направлены на формирование у его субъектов ценностных ориентаций и представлений о допустимости ограничения частных интересов в пользу общезначимых.

Функция стабилизации в публичном праве специфична тем, что здесь речь идет о том, что отношения власти и подчинения изначально носят неравновесный характер, в них субъект, артикулирующий и отстаивающий общезначимый интерес, в правовом смысле всегда оказывается стороной, обладающей преимуществами. Смысл стабилизации в публичном праве – не в уравнивании, обеспечении сбалансированности правовых возможностей субъектов, а в том, чтобы не допустить утраты им того неравновесного характера, который они носят изначально.

Селективная функция в публичном праве специфична тем, что в процессе ее осуществления происходит закрепление наиболее целесообразного с точки зрения общества опыта реализации общезначимых интересов в условиях неравновесных отношений, в которых реализация интересов подвластного всегда так или иначе страдает.

Вряд ли можно утверждать, что функции правовых ограничений в современном публичном праве исчерпываются вышеуказанными. Учитывая специфику публичного права и механизма его действия, можно также выделить следующие специфические функции существующих в них ограничений: в публичном праве – нейтрализационная, антикоррупционная, функция рационализации управления, превентивно-профилактическая, восстановительная и ряд других.

Объективно существующие различия между частным и публичным правом обуславливают разницу не только в функциях правовых ограничений в рамках механизмов их действия, но и в реализации таких функций. Так, для адекватной и эффективной реализации функций правовых ограничений в публичном праве особую значимость приобретают безусловное признание приоритетности общих интересов в сравнении с частными, сохранение императивности и централизации в регулировании отношений правового регулирования.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что правовые ограничения в механизме действия публичного права могут выполнять достаточно разнообразный спектр функций. Назначение правовых ограничений универсально, однако в публичном праве в силу специфики метода правового регулирования, субъектного состава отношений и, главное, характера обеспечиваемых интересов – его реализация обеспечивается осуществлением ряда специфических функций.

Таким образом, можно утверждать, что ограничениям в современном публичном праве присущи наряду с универсальными специфические функции, реализуемые только в рамках действия публичного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2011. – 191 с.
2. Исаков Н.П. Правовые ограничения как правовое явление // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 30. – С. 48–54.
3. Ищук И.Н. Ограничения в праве (Общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 169 с.
4. Макогон Б.В. Система ограничительных ресурсов для субъектов публичной власти // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 (59). – С. 25–32.
5. Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 238–249.
6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (Теоретико-информационный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов: Саратов. гос. акад. права, 1995. – 362 с.
7. Фролов С.В. Конституционные ограничения в отношении публичных должностных лиц // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 191–194.
8. Шемаров В.А. Социально-правовое предназначение правовых ограничений // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 77–83.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СУЩНОСТИ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Чернаков В.О.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируются идеи и взгляды ученых-юристов отечественной правовой доктрины второй половины XIX – начала XX вв. на природу государства. Обратившись к трудам ведущих ученых-правоведов дореволюционного периода (Б.Н. Чичерина, Н.М. Коркунова, Е.Н. Трубецкого, Г.Ф. Шершеневича, М.А. Таубе, П.Е. Казанского и др.), а также сравнив и выявив их общие подходы, автор отмечает, что близость подходов Н.А. Захарова, П.Е. Казанского и Л.А. Тихомирова свидетельствует о наличии в российской науке особой этико-правовой теории, согласно которой верховная власть в России базируется не столько на юридической природе, сколько на устоявшихся веками нравственно-психологическом единстве народа и самодержавной власти. В результате исследования сделан вывод, что через самодержавную власть как главный принцип властвования и важнейший элемент Российского государства раскрывается его сущность.

Ключевые слова: понятие государства, самодержавная власть, российское самодержавие, сущность государства, общее учение о государстве, теория государства, теория власти.

ON SOME FEATURES OF THE ESSENCE OF AUTOCRATIC POWER IN THE DOMESTIC POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE

Chernakov V.O.,

adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the ideas and views of legal scholars of the Russian legal doctrine of the second half of the XIX – early XX centuries on the nature of the state. Referring to the works of leading legal scholars of the pre-revolutionary period (B.N. Chicherin, N.M. Korkunov, E.N. Trubetskoy, G.F. Shershenevich, M.A. Taube, P.E. Kazazansky, etc.), as well as comparing and identifying their common approaches. The author notes that the closeness of the approaches of N.A. Zakharov, P.E. Kazansky and L.A. Tikhomirov testifies to the presence in Russian science of a special ethical and legal theory, according to which the supreme power in Russia is based not so much on the legal nature, as on the centuries-old

moral and psychological unity of the people and autocratic power. As a result of the research, it is concluded that through autocratic power as the main principle of ruling and the most important element of the Russian state, its essence is revealed.

Keywords: the concept of the state, autocratic power, Russian autocracy, the essence of the state, the general doctrine of the state, the theory of the state, the theory of power.

Сегодня, когда в российском обществе вопросы значимости государства в решении различных вопросов жизни общества, постижения назначения и сущности современного государства, а также проводимые в России преобразования приобретают априорное значение, назревает необходимость более пристального изучения и исследования проблем, связанных с управлением, развитием и функционированием государства.

Но учитывая все новые процессы, происходящие в мире, необходимо не только сохранять то позитивное, что было накоплено и наработано в этой области на предыдущем этапе, но и не забывать исследовать новые характеристики государства, раскрывающие его сущность и назначение.

Постижение сущности российского государства невозможно без исследований такого феномена, как власть. Становление и развитие самодержавной власти в России, не свойственной западной модели властвования, предопределило дальнейшее самобытное развитие России. В чем заключались особенности этой власти? Какая прослеживается взаимосвязь самодержавной власти и сущности российского государства? Как категория «власть» соотносится с понятием «государство»?

Все эти вопросы требуют обращения не только к историческому опыту, но и к использованию теоретических положений, выработанных русской теоретико-правовой мыслью. В свете обозначенной проблемы исследование взглядов дореволюционных юристов на проблему сущности государства, а также на институт верховной власти представляется актуальным.

Сущность как философская категория представляет собой внутреннюю субстанцию в противоположность внешним выражениям, обобщаемым в понятии «явление»; это устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений [1, с. 154]. Она определяет внутреннее содержание предмета, представляющее собой устойчивое единство всех многообразных и противоречивых форм его существования [2, с. 109]. Сущность государства же рассматривается как главное, основное, устойчивое качество государства, которое отличает его от иных явлений [3, с. 96].

Анализ категории «сущность государства» невозможен без обращения к понятию государства и его признаков. В российской дореволюционной политико-правовой доктрине доминировала так называемая концепция трех элементов, согласно которой среди признаков государства сущностными и главными выступали власть, народ и территория. «Такая точка зрения была распространена и в классической западной, и в русской дореволюционной, и в современной науке» [4, с. 104]. «Государство, – писал известный дореволюционный правовед

М.А. Таубе (1869–1961), – это державный территориальный, общественный союз (верховная власть+территория+население)» [5, с. 1–2]. Г.Ф. Шершеневич (1863–1912), сочетая три названных признака, характеризовал государство «соединением людей под одной властью в пределах определенной территории» [6, с. 201]. Схожего определения придерживался Е.Н. Трубецкой (1863–1920): «союз людей, властвующих самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории» [7, с. 226]. Б.Н. Чичерин (1869–1904) определял государство как «союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховною властью для общего блага» [8, с. 33]. Он подчеркивал, что это особый вид союза, существенным признаком которого является юридическое подчинение других союзов государству, оно объединяет их и имеет над ними власть. Н.М. Коркунов (1853–1904), характеризуя государство, выделял двойственность в его понимании. С одной стороны, это «общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства, а с другой – «самостоятельное, принудительное и мирное властвование» [9, с. 27]. Николай Михайлович подчеркивал тесную связь принуждения с категорией властвования. Н.А. Захаров также являлся сторонником концепции трех элементов государства. В его труде «Курс общего международного права» [10] государство выступает как юридическое лицо, заключающее в себе власть, территорию и население [10, с. 125]. Кроме того, по его мнению, на внутреннее строение государства и социальные условия жизни влияет культурное развитие общества. Исходя из этого, государство есть «развивающийся организм, в основе системы которого лежит духовно-нравственное или психическое сознание народа, развивающиеся на протяжении всей истории» [11, с. 316].

Все вышеупомянутые юристы сходятся во мнении, что юридическим началом и основой государства является именно верховная власть. Она образует тот самый основополагающий признак, отличающий государство от других публично-властных образований.

Сущность государства показывает, в чьих руках сосредоточена власть и чьим интересам она служит. Весьма примечательным выступает научный взгляд Н.А. Захарова по этому вопросу. Определяя сущность государства, Н.А. Захаров исходил из природы государственной власти, а именно: из власти самодержавной.

Сущность русской государственности определило самодержавие, базировавшееся на прочной связи народа и царя. В России монарх воспринимался не как господин, что свойственно западному пониманию власти, а как отец [12, с. 92]. Именно этот факт свидетельствует о трудности объяснения самодержавия с правовой точки зрения. Согласно Н.А. Захарову, к определению сущности самодержавной власти необходимо подходить с психологических, нравственно-религиозных и исторических оснований [11, с. 78].

Особое значение в вопросе определения сущности государства, по мнению дореволюционных исследователей (Н.А. Захаров, П.Е. Казанский и Л.А. Тихомиров), заключалось в том, что основа власти монарха и вытекающие

из нее полномочия произрастают прежде всего из нравственного авторитета, совести государя и веры народа.

Исследуя природу нравственно-психологической сущности царской власти, Н.А. Захаров писал: «Понятие о верховном главенстве царской власти росло веками, вот почему самодержавие можно вычеркнуть из основных законов, самодержец может от него сам отречься, но это будет актом односторонним; чтобы это понятие исчезло, необходимо изгладить его еще и из сознания народного, так как сознание народное в своем правообразующем движении всегда может восстановить пропущенное в тексте законов понятие... самодержавие и конституция – понятия несколько друг друга не исключают, вместе с тем, понятие самодержавия не исчезло в народном сознании» [11, с. 319].

Выражая схожую точку зрения, П.Е. Казанский (1866–1947) в своей работе «Власть Всероссийского императора» [13] утверждал: «Власть монарха не ограничена правовыми нормами, а связана с Божьей волей, совестью государя и народным мировоззрением» [13, с. 337]. Петр Евгеньевич подчеркивал, что источником, из которого произрастает власть монарха, является психология и доверие русского народа, он определяет, что залог единства монарха и государства устанавливается не в праве, но в органической их связи [13, с. 341].

Л.А. Тихомиров (1852–1923) тоже определял, что для истинной монархии характерна подчиненность монаршей воли именно Богу. «Руководящим началом для него (монарха) выступает только Божественное учение, нравственный идеал и ясный долг» [14, с. 76].

Самодержавие как сущностный феномен раскрывается в особой культурной и нравственно-религиозной связи царя с народом. Монарх, олицетворяющий государство, управляет им на основе совести, долга и божественного учения исключительно для народной пользы и процветания государства. Власть самодержца как особая связь образуется, реализуется и ограничивается по своей природе не на юридической основе, а на устоявшихся веками нравственно-психологическом сознании и воззрениях народа, являющихся источником этой власти для монарха.

По мнению Н.А. Захарова, самодержавие понимается в двух смыслах. В узком смысле самодержавие – это власть «нейтральная, но возвышающаяся над всеми другими видами власти, призванная обеспечить баланс интересов власти и исключить назревающие конфликты» [11, с. 307], а в широком: «органическое воспроизведение независимого, организованного общества, ограниченного в своих волевых импульсах социальным и нравственным инстинктом понимания целесообразности и пользы для государства своих действий» [11, с. 311]. Эта особенность как одна из сущностных черт Российского государства в понимании вышеупомянутых юристов выражается в том, что самодержавная власть выступает как главный принцип властвования, обеспечивающий баланс интересов.

Соблюдение баланса интересов как особенность самодержавной власти во многом зависела от царского управления, выражающегося в способности добиваться принятия правильных государственных решений и достижения социального компромисса. «С одной стороны, – отмечал Н.А. Захаров, – ее можно понимать как основное свойство нашей Верховной объединенной государст-

венной власти, а с другой, как власть непосредственного волеизъявления, установленную в общих чертах в основных законах и неограниченную в этой сфере применения, или вовсе не упоминаемую, но могущую себя проявить в экстраординарную минуту жизни государства» [11, с. 305]. В этом проявляется особая способность верховной власти регулировать государственные и общественные процессы исключительно во благо народу и государству.

Поддерживал эту идею и П.Е. Казанский, он подчеркивал: «Монарх на основе беспристрастности обеспечивает мир в социальных конфликтах, тем самым самодержавная власть монарха носит регулирующий и уравнивающий характер. Остановливаясь на исключительности этой власти, он видит в ней окончательную и неподконтрольную (независимую) власть последнего слова» [13, с. 341].

Подводя итог, следует сказать, что анализ работ дореволюционных ученых-правоведов свидетельствует о значительном вкладе в разработку проблемы сущности власти. В своем труде «Система русской государственной власти» Н.А. Захаров не только выделил и обосновал самодержавие как основополагающий принцип властвования с учетом самобытности русского государства и народа, но и показал, в чем же заключается сущность российского государства. Он определил, что в основе сущности русского государства лежит, во-первых, особая культурная и нравственно-религиозная связь монарха и народа, сформировавшаяся благодаря принятию идей православия. Власть самодержца образуется, реализуется и ограничивается по своей природе не на юридической основе, но на устоявшихся веками нравственно-психологическом сознании и воззрениях народа. Народ является источником этой власти с его интересами и потребностями. Он доверяет царю-самодержцу, который руководствуется, прежде всего, нравственно-этическими и религиозными установками вести его к развитию и процветанию. Цель монарха – служение народу и отеческая забота о нем. Самодержавная власть монарха нейтральна, но возвышается над всеми другими видами власти, она призвана обеспечить принцип баланса интересов и исключить назревающие конфликты между другими частями власти, не противостоящими, но дополняющими друг друга, так как основание этого управления базируется на общей морали. Во-вторых, русское самодержавие призвано именно сохранить культурное и национальное своеобразие, обеспечить защиту территориальной целостности и государственного суверенитета [12, с. 93]. Такая форма властвования была обусловлена исторической судьбой народа и его религиозно-мировоззренческим восприятием социально-правовой действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – Москва, 2003.
2. Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки. – Москва, 2009.
3. Теория государства: учебно-практическое пособие / под ред. Р.Б. Головкина, С.А. Софроновой. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.

4. Сафронова Е.В. К вопросу о понятии и признаках государства / Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее: сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 103–107.
5. Таубе М.А. Учения о субъекте международного права в русской юридической литературе. – Санкт-Петербург, 1914.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1–2. – Москва: Издание Бр. Башмаковых, 1910.
7. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – Москва: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
8. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. В.А. Томсинова. – Москва: Зерцало, 2006. – 536 с.
9. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. Издание шестое. – Санкт-Петербург, 1909.
10. Захаров Н.А. Курс общего международного права. – Петроград: тип. Д.П. Вейсбрут, 1917. – 464 с.
11. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – Москва, 2002. – 400 с.
12. Беляев А.Е. Самодержавная власть в политико-правовой культуре России начала XX в.: взгляд Н.А. Захарова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3 (28). – С. 90–94.
13. Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. – Москва: Москва, 1999.
14. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – Москва, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Аммалайнен В.А.	Предмет хищений в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами	3
Астраханцев И.В.	Основные этапы формирования представлений о транспортной безопасности в России	6
Барсова Е.Р., Меняйло Д.В.	Тенденции развития преступности в современной России	11
Бачканов Х.А.	Финансирование террористической деятельности посредством криптовалютной биржи Binance	15
Беляева Е.Г.	Ретроспективный анализ отдельных видов дисциплинарных взысканий, налагаемых на сотрудников органов внутренних дел: на примере архивных материалов Белгородской области	19
Боровенский А.А., Першин А.Ю.	Современные методики проведения занятий по физической подготовке, направленные на стимулирование мотивации сотрудников ОВД	24
Годовникова Л.В., Божинова А.В.	Особенности проявления лидерства в подростковом возрасте	27
Зинченко Д.С.	Мессенджер-маркетинг как инновационный способ вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков	31
Ильина А.Н.	Государственное благоденствие как цель государства (к вопросу о теоретическом наследии А.Я. Антоновича)	35
Ионова А.А.	Использование информационных технологий на занятиях по иностранному языку	41
Кордобовская К.Е.	Правовая культура как фактор развития советского государства	46
Король А.И.	Проблемы развития профессиональных и нравственных качеств обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России	52

Котарева О.В.	Формы и средства правового воспитания молодежи: теоретико-правовой аспект	58
Крупенникова К.К., Меняйло Д.В.	Развитие антикоррупционной деятельности в условиях цифровизации государства и общества	62
Крылова В.Н.	Особенности производства освидетельствования несовершеннолетних	67
Лапова Е.С.	О средствах повышения эффективности деятельности служб по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества	71
Лебединская А.В.	Биометрические персональные данные: актуальные вопросы правового регулирования	77
Ломова Т.В.	Вопросы организации местного самоуправления в государственной-правовой концепции В.В. Ивановского	82
Лукьянова И.Ю.	Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях введения среднего уровня реагирования	87
Лукьянчикова В.В.	Проблемные аспекты определения целей уголовного судопроизводства	92
Мамедов Ш.Г.	Психологические особенности лица, склонного к вооруженному нападению в образовательных организациях	97
Меняйло Л.Н., Беляев И.И.	Установление отцовства: анализ законодательства и практики его применения	101
Морозов А.П.	Сущность и общая характеристика оперативно-следственного отождествления человека, ее отличия от экспертно-судебной идентификации	106
Навалиев Н.М.	Соотношение уголовного и уголовно-процессуального иммунитетов	110
Напольских И.М.	Доверие в праве: аксиологический подход	114
Недоступенко Т.А.	Понятие административного расследования, причины, указывающие на значимость и необходимость его проведения	117

Ненашев Е.В.	Особенности классификации типичных личностей преступников, совершающих дистанционные хищения с банковских счетов	122
Петрухина Е.А., Денисенко О.А.	Специфика противодействия экстремистской деятельности сотрудниками полиции	128
Пярн А.А.	Петр Николаевич Гуляев: у истоков развития полицейско-правовой теории в России	133
Романцов А.М.	Административные процедуры в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, связанные с предоставлением государственных и муниципальных услуг	138
Свистильников А.Б.	Противодействие IT-преступности в сфере экстремистских и террористических проявлений	142
Сорокопуд М.С.	Принципы организации современного образовательного пространства вуза	145
Трошкина Д.Э.	Проблемы кодификации советского уголовного законодательства: историко-правовой аспект	149
Трунова В.В.	Особенности гражданской правосубъектности государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации	153
Тулин М.В.	Повышение педагогического мастерства путем изучения психологических особенностей личности обучающегося	158
Хвостова А.В.	Ограничение в механизме действия современного публичного права: назначение и функции	164
Чернаков В.О.	О некоторых особенностях сущности самодержавной власти в отечественной политико-правовой доктрине	170

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы
в работах молодых ученых**

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции,
30 ноября 2022 г.

Выпуск 3

Редактор
Комп. верстка

О.Н. Тулина
И.Ю. Чернышева

Подписано в печать 2023. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 10.
Тираж 27 экз. Заказ 3.

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-469-6

